

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ)

«ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РОЛЬ НАУКИ: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС»

15-16

МАЯ 2019 ГОДА

Г. МОСКВА, РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Открытие МАЭФ, пленарные сессии и конференции Московского академического экономического форума пройдут 15-16 мая в Российской академии наук, на других площадках.

Участники МАЭФ: ведущие ученые и эксперты России и мира, молодые исследователи, представители федеральных органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, администраций субъектов РФ, представители образовательного сообщества России, деловых кругов, международных и российских общественных организаций.

Официальный партнёр МАЭФ: «Российская газета», генеральный информационный партнёр: ТАСС. Мероприятия Московского академического экономического форума будут освещаться каналами ЦТ, ведущими СМИ.

Подробная информация о МАЭФ размещается на сайте ВЭО России www.veorus.ru/maef

ОРГАНИЗАТОРЫ ФОРУМА:

Вольное экономическое общество России (ВЭО России)

Российская академия наук (РАН)

Международный союз экономистов (МСЭ)

ЯНВАРЬ — МАРТ 2019

FREECONOMY.RU

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА №9

№09 январь — март 2019

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

FREECONOMY.RU

ЖУРНАЛ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ВЕДУЩИЕ ЭКОНОМИСТЫ О ТОМ, ЧТО ДЕЛАТЬ?

TOP ECONOMISTS ON WHAT'S TO BE DONE
СТР. 10

«КАКОЙ Я ХИМИК? Я — ПОЛИТЭКОНОМ!»

185 ЛЕТ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВУ
“WHAT KIND OF A CHEMIST AM I? I'M A POLITICAL ECONOMIST!”
D.I. MENDELEEV'S 185TH ANNIVERSARY
СТР. 128

ФРОНТМЕН НОМЕРА
КЕЙС ВАН ДЕР ПЕЙЛ:
«НАС ВСЕХ ЖДЕТ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗМ ИЛИ ВОЙНА»

THIS ISSUE'S FEATURED PERSON
KEES VAN DER PIJL:
“AHEAD OF US IS EITHER DIGITAL SOCIALISM OR WAR”
СТР. 118

ТРЕНДЫ:
ВЕДУЩИЕ ЭКОНОМИКИ МИРА ЛОКАЛИЗУЮТ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

TRENDS: THE WORLD'S TOP ECONOMIES ARE LOCALIZING THEIR PRODUCTION
СТР. 44

НЕРАВЕНСТВО — ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИИ
Inequality is the main civilization problem
СТР. 88

«БЕЗ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОРЫВА ДРУГИЕ ЗАДАЧИ МЫ НЕ РЕШИМ»

ГЛАВНОЕ С ВСЕРОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ

«NO OTHER TASKS WILL BE SOLVED WITHOUT A TECHNOLOGICAL BREAKTHROUGH». ALL-RUSSIAN ECONOMIC ASSEMBLY: NEWS ROUNDUP

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА» (FREEECONOMY.RU)

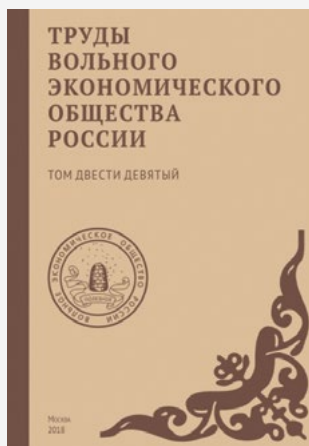
Индекс издания «Вольная экономика»
в КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ — 24513

Особое место в медиапространстве. Авторитетный журнал для авторитетных людей,
от которых зависит принятие экономических решений.

Журнал «Вольная экономика» доступен по подписке во всех отделениях почтовой связи
Российской Федерации или онлайн на сайте: <http://vipishi.ru/>

**Интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала,
а также многие дополнительные материалы, доступны на сайте freeeconomy.ru.**

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» были включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

«Научные труды ВЭО России» представлены в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и научной электронной библиотеке elibrary.ru

Издание «Научные труды Вольного экономического общества России» доступно по подписке во всех отделениях почтовой связи Российской Федерации или онлайн на сайте: <http://vipishi.ru/>

Индекс издания «Научные труды Вольного экономического общества России» в КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ — 10920

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Главный редактор

Сергей Дмитриевич БОДРУНОВ
Президент ВЭО России,
президент Международного
Союза экономистов, директор Института
нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, эксперт РАН,
д. э. н., профессор

Журнал издается под патронажем
Международного комитета ВЭО России

Шеф-редактор Андрей Прокофьев
Арт-директор Егор Морозов
Корректор Наталья Медведенко

Над номером работали

Кира Камнева,
Александр Егоров, Надежда Пелевина,
Алексей Савин, Андрей Травин,
Андрей Смирнов, Ольга Ремова

Фото: Shutterstock

Издатель и редакция

Общероссийская общественная
организация
«Вольное экономическое общество России»
Адрес: Москва, ул. Тверская, 22а

Редакционный директор

Маргарита Ратникова

Директор по развитию

Анна Бобина

Телефон: +7 (495) 609-07-60

Электронная почта: INFO@VEORUS.RU

№ 9 (январь – март 2019)

Зарегистрировано в Роскомнадзоре 01.11.2017

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-71537

Учредитель ООО «ИнвестКонсалт»

Подписано в печать 19.02.2019

Выход в свет 03.03.2019

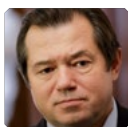
Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии «ИСПО-принт»,

Адрес: Москва, ул. Щипок, 28

16+

Редакционный совет

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, советник
Президента Российской Федерации, академик РАН

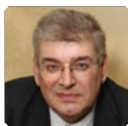
Р. С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН

В. И. ГРИШИН

Член Президиума ВЭО России, ректор Российского
экономического университета
им. Г. В. Плеханова, д. э. н., профессор

А. А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской
газеты», заслуженный работник культуры РФ

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор
Московской школы экономики МГУ
им. М. В. Ломоносова, академик РАН

Д. Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, руководитель
Научного совета ВЭО России,
научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при правительстве РФ»,
член-корреспондент РАН

М. А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
РФ», академик Российской академии образования,
заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор

Ю. В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель ЗАО «Издательский дом
“Экономическая газета”», заслуженный деятель
науки РФ, д. э. н., профессор

А. Н. КЛЕПАЧ

Член правления ВЭО России, заместитель
председателя правления Внешэкономбанка,
заведующий кафедрой макроэкономической
политики и стратегического управления
экономического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова, заслуженный
экономист РФ

СРЕДНИЙ ОДИН ПРОЦЕНТ

Уважаемые читатели!

В конце года, как водится, мы, экономисты, как и все в стране, подводим итоги. На этот раз это было совместное собрание — Абалкинские чтения и заседание секции экономики Отделения общественных наук РАН. В начале разговора академик РАН Виктор Ивантер призвал выступающих не тратить время на то, чтобы ругать правительство. И мне в этом пожелании представилась большая мудрость: во-первых, с людьми, которых ты критикуешь, довольно сложно найти общий язык. Во-вторых, нельзя критиковать друг друга, находясь в абсолютно разных плоскостях, в разных, с философской точки зрения, системах познания.

А это порой случается.

Вот, к примеру, слышны сентенции — растем мы в среднем за 15–20 лет примерно на 1% в год. И — вроде верно. Но — все-таки, все-таки...

По поводу этого однопроцентного роста — мне кажется, очень удачно сказал президент, когда говорил о том, что 1% роста — это действительно средний процент, но механически считать нельзя. Вот если говорить об этом самом проценте, то нужно помнить, что у нас вообще-то есть экономическая предыстория. И нельзя просто так оценивать с позиции только сегодняшнего дня сегодняшний день. Надо оценивать с позиции того, с чего мы начинали. Вот если вспомнить конец советской истории, то, в общем-то, мы получили советскую экономику с советскими предприятиями, которые

— да, были многие из них мощные, но эта экономика имела собственную структуру, структуру высокой связности, притом что предприятия в то же время были перенасыщены, перенагружены разнообразными задачами, не связанными с их реальной деятельностью, и «натуральным» хозяйством. Вот в этом плане, когда пришел кризис, когда произошел развал Советского Союза, когда наступил рынок, такая экономика страдает больше всего. Во-первых, она была не готова к рынку, а во-вторых, у нее переразмеренность была вот такая. И на нас, кроме того, свалился, вдобавок ко всему этому, еще и развал хозяйственных связей. И — конечно, все 90-е годы мы промучились с тем, что пытались восстановить хоть как-нибудь связность нашей экономики. А если помните, в конце 90-х годов еще кризис был, который вообще, можно сказать, почти добил нашу экономику. И в начале 2000-х годов, вот о чем мы сейчас говорим, мы получили практически разваленную экономику с полуживыми, если не сказать — полумертвыми, — большинством предприятий. Вот это, конечно, гигантская была проблема, и ее решали, восстанавливали, что можно, все двухтысячные годы. К этому времени накопились долги у государства, это было чревато потерей суверенитета и развалом страны. И вот то, что за двухтысячные годы, когда появилась возможность, когда появились нефтяные деньги (высокие, помните, были цены на нефть мировые), мы сумели рассчитаться с долгами, значительным образом поднять уровень жизни населе-

ния, поднакопить резервы, остановить процессы развала экономики, развала страны — все это было очень важно на самом деле, и это было большое достижение.

Вы помните, что происходило тогда? В связи с тем, что наш индустриальный продукт был неконкурентоспособен — промышленность тогда уже не могла дать конкурентоспособного товара, она уже была в таком состоянии, что она не могла дать, скажем, «нормального» продукта, который был бы востребован в экспорте, на мировом рынке — в результате у нас пошла переразмеренность в сторону «натурпродукта», крен в сторону сырьевого сектора в экспорте. В результате мы получили, в общем-то, сырьевую модель экономики, и поскольку недостаточно средств давали в промышленность (это я считаю ошибкой), мы получили мощную деиндустриализацию нашей экономики к концу 2000-х годов. Потом это здорово сказалось во время нового кризиса и санкций.

Сейчас дела обстоят в промышленности получше. Мы за эти годы, несмотря на санкции, несмотря на кризис 2009–2010-х годов, сумели все-таки восстановить устойчивость экономики — это очень важное достижение, на самом деле, о котором мало кто говорит. И наконец, в прошедшем году мы уже пошли, если можно так сказать, в сторону наращивания наших потенциальных возможностей. Если мы посмотрим на показатели 2018 года — у нас есть прирост ВВП, пусть небольшой пока, но это уже — рост, 1,6–1,7% (а по новым данным Росстата — даже 2,3%). Значит — мы сумели удержать позитивный баланс, устойчивость экономики в этом году. У нас инфляция 4%. В какие времена это было? У нас все-таки начался, хоть небольшой, но тем не менее — рост реальных доходов населения, это тоже очень важно. Ну, и если говорить о каких-то вещах, связанных с макроэкономическими показателями России, — например, мы на 20% увеличили наш внешнеторговый оборот, это — резкий скачок. Мы всего за год на 28% увеличили экспорт России, и к тому же в этом экспорте — значительная доля высокотехнологичной продукции, что чрезвычайно важно. Почему? Мы должны понимать, что высокотехнологический сектор — это основа будущей экономики. А вот у нас в этой части сегодня — что есть? Возьмем оборонный комплекс. Уже неоднократно говорилось о том, что мы сумели его восстановить. Доказательства? Возьмем за оценку, к примеру, экспорт вооруже-

ний. Дело в том, что экспорт вооружений — это экспорт высокотехнологичной продукции самого высокого уровня. И экспорт — это значит, что в мире приходится конкурировать с самыми высокотехнологичными компаниями мира. Какие это компании? В основном это — американские или крупнейшие европейские компании. Так вот — сегодня в мире 33% всех вооружений, которые продаются, так называемые изделия вооружений и военной техники, — это американские, а почти 24% — российские. То есть каждое третье — американское изделие, а каждое четвертое — российское! Потеснили мы наших конкурентов на этих рынках. Если мы возьмем софт, например, — да, мы всегда были импортерами софта. И вот в прошлом году, в первом полугодии года, впервые — впервые! — экспорт нашего софта превысил импорт. Пусть незначительно, но уже превысил, и это очень серьезные цифры, 2,55 миллиарда долларов против 2,53. Мы понимаем, что эта тенденция очень важна, потому что она свидетельствует об изменении качества нашей экономики, о чем, собственно говоря, и говорил президент в своем большом интервью, которое было буквально недавно.

Вот что такое, при ближайшем рассмотрении, этот самый «средний» один процент. Для нас это — другое качество экономики. В конце концов, как говорил А. Суворов, выигрывать надо не числом, а умением. Нам надо построить «умелую», высокотехнологичную, знаниеемкую экономику — и на этом пути мы, похоже, в ушедшем году начали делать определенные шаги.

Мы понимаем, что эта тенденция для нас очень важна. Жизнь покажет, удастся ли российской экономике продолжить движение по этому пути.

Сергей Бодрунов
Главный редактор
журнала «Вольная экономика»

AVERAGE ONE PERCENT

Dear readers!

At the end of the year, as usual, we, economists, like everybody else in the country, sum things up. This time it was a joint meeting — the Abalkin Readings and a meeting of the Economics Section of the Russian Academy of Sciences. At the beginning of the conversation, Academician of the Russian Academy of Sciences Viktor Ivanter urged the speakers not to waste their time on bashing the government. I see a great wisdom in this suggestion: firstly, it is rather difficult to find a common language with people whom you criticize. Secondly, it is impossible to criticize each other, while adhering to completely different views and, philosophically speaking, cognition systems.

Sometimes exactly that happens.

We have heard certain statements here, for example, concerning our 1% annual growth over 15-20 years. They sound correct. But still...

As regards this one-percent growth it seems to me that the president was right when he said that 1% growth is really an average percentage, but we should not calculate it mechanically. As far as this percentage is concerned, one should remember it actually has an economic background. You cannot judge today only from today's position. It should be judged from the perspective of where we started. Now, if we recall the end of Soviet history, we certainly ended up with the Soviet economy and Soviet enterprises, many of which were quite powerful, but that economy had its own, highly coherent, structure despite the fact that at the same time the enterprises were overloaded with a variety of tasks unrelated to their real activity, and with "subsistence production". In this respect, when the crisis struck, when the Soviet Union collapsed, when the market emerged, it was that economy that

suffered the most. Firstly, it was not ready for the market, and secondly, it was way oversized. And on top of that, we faced the collapse of economic ties. And of course, throughout the 1990s we were striving to restore at least some of the coherence. And if you remember, there was another crisis at the end of the 1990s, which, one can say, almost finished off our economy. And in the early 2000s, this is what we are talking about now, our economy nearly collapsed with the majority of enterprises being half-alive, if not half-dead. This, of course, was a gigantic problem, and it was solved. Over the 2000s we were rebuilding what it was possible to rebuild. By that time, the government had accumulated debts; the situation was fraught with the loss of sovereignty and the collapse of the country. And the fact that in the 2000s, when the opportunity arose, when oil money flowed in (global oil prices were high as you might remember), we managed to pay off debts, significantly raise the standard of living of the population, save up reserves, stop the collapse of the economy, the collapse of the country — all this was very important for us, and it was a great achievement.

Do you remember what happened next? Due to the fact that our industrial product was noncompetitive — the industry could no longer produce a competitive product, it was already in such a state that it was unable to produce, say, a "normal" product that would be in demand on global markets — we doubled down on the "natural product", shifting towards the commodity sector in exports. As a result, what we got was, generally, a raw material model of the economy, and since industry was not getting sufficient money (I consider it a mistake) we ended up with a powerful de-industrialization of our economy by the end of the 2000s. It subsequently had a huge impact during the new

crisis and the sanctions.

At present, industry is doing better. Over the years, despite the sanctions, despite the crisis of 2009-2010, we have managed to restore the stability of the economy, a very important achievement which few people mention. And, finally, in the past year we have already started, if I may say so, in the direction of building up our potential. If we look at the 2018 figures, we have a GDP growth, albeit small but still a growth, at 1.6–1.7% (and according to the latest Rosstat's data — as many as 2,3%). It means that this year we managed to keep a positive balance, maintain the stability of the economy. We have a 4% inflation. Was it ever like this? Real incomes of the population started to grow, at least a little, but it's still a growth, and it is also very important. As regards some other points related to Russia's macroeconomic indicators, we have, for example, increased our foreign trade turnover by 20%, and it is a great leap forward. Over the course of the year, we have increased Russia's exports by 28%, and, moreover, those exports have a significant share of high-tech products, which is extremely important. Why? We must understand that the high-tech sector is the basis of the future economy. What do we currently have in this regard? Take the defense complex. It has been repeatedly said that we've managed to restore it. Any proof? Let's judge by arms exports. The fact is that arms export means export of high-tech products of the highest level. And export means that we have to compete with the world's top high-tech companies. What are those companies? Those are mainly American or major European companies. Today, 33% of all armaments and military equipment sold globally are American, and nearly 24% are Russian. That is, every 3rd item is an American product, and every 4th is Russian! We've put pressure on our competitors in these markets. As

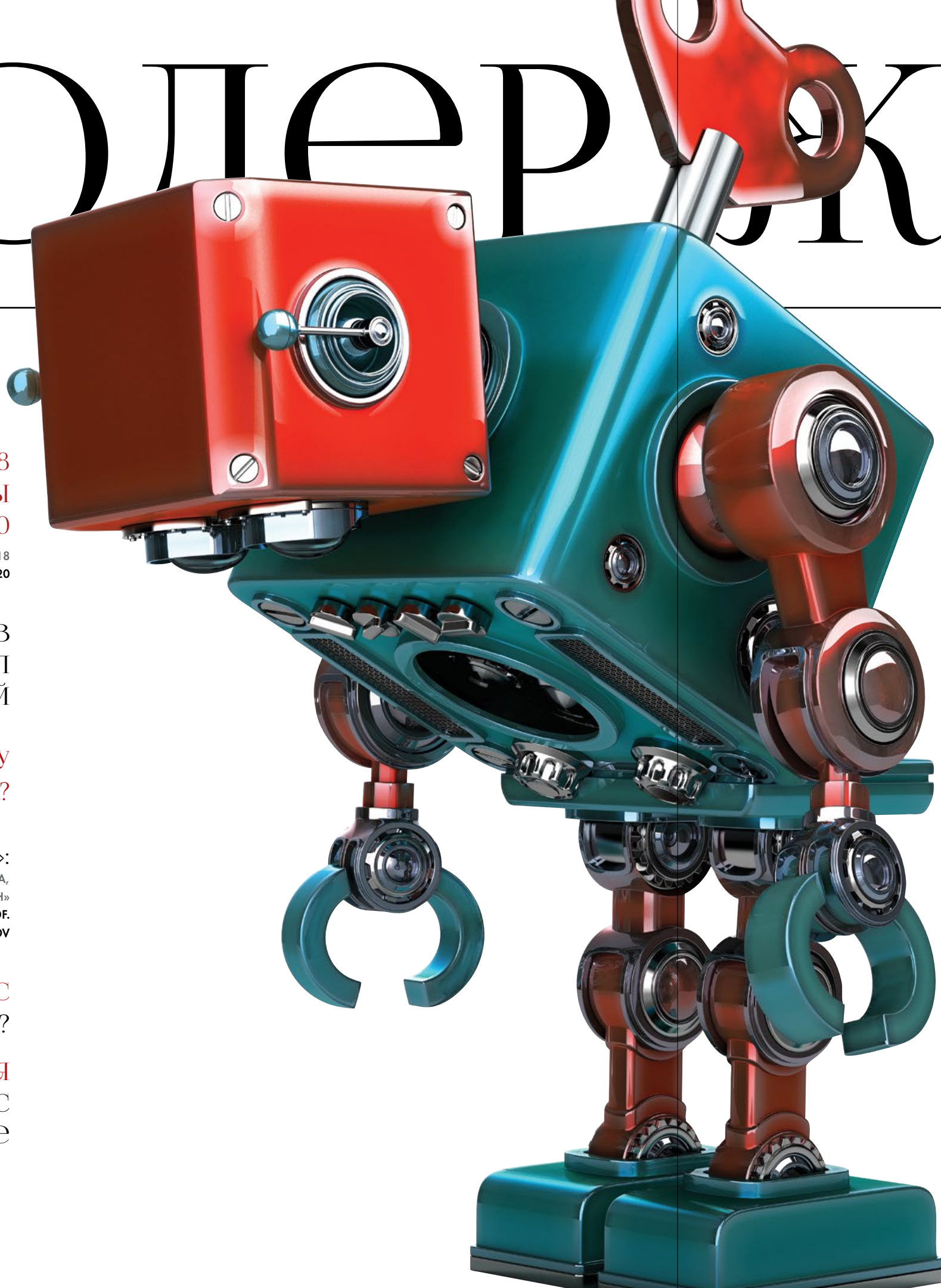
regards software, for example, we have always been software importers. But last year, in the first six months, for the first time ever our software exports exceeded imports. The excess may be slight, but it is still an excess, and the corresponding figures are serious, \$2.55 billion vs \$2.53 billion. We understand that this trend is very important, because it indicates a change in the quality of our economy, as the president said in his long interview, which was recently published.

That's what this "average" one percent is, upon closer inspection. For us, it means a different quality of the economy. In the end, as A. Suvorov said, one wins not with numbers, but with skill. We need to build a "skillful", high-tech, knowledge-intensive economy — and we seem to have started on this path in the past year.

We understand that this trend is very important. Time will show if Russian economy would be able to keep this way.

Sergey Bodrunov
Editor-in-chief
The Free Economy Journal

СОДЕРЖАНИЕ

10 **АНАЛИЗ 2018
И ПРОГНОЗЫ
НА 2019–2020**

ANALYSIS OF 2018
AND PROGNOSIS FOR 2019-2020

36 **ИНВЕСТИЦИИ В
ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ
ПРОТИВ САНКЦИЙ**

44 **КАКИЕ ПЛАНЫ У
РАЗВИТЫХ ЭКОНОМИК?**

48 **ЭКСЛИБРИС «ВЭ»:
ЛУЧШАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КНИГА,
«НООНОМИКА НА «НОН-ФИКШН»**
PRESENTATION OF THE NOONOMY BY PROF.
BODRUNOV

54 **ЧТО НЕ ТАК С
РОССТАТОМ?**

62 **ВЕЛИКАЯ
СТАГНАЦИЯ И КРИЗИС
В ЕВРОПЕ**

70 **ГЛАВНОЕ НА
ВСЕРОССИЙСКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ
СОБРАНИИ**

WHAT WAS FORUM OF RUSSIAN
ECONOMISTS ALL ABOUT

88 **НЕРАВЕНСТВО —
ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА
ЭКОНОМИКИ**

INEQUALITY AS THE KEY PROBLEM
FOR THE WORLD 'S ECONOMY

98 **СОВРЕМЕННАЯ
ЭКОНОМИКА В
РОССИЙСКОЙ
АРКТИКЕ**

ВОЗМОЖНО ЛИ ТАКОЕ?

108 **ПОЧЕМУ В
«РУССКИЕ ОФШОРЫ»
НИКТО НЕ ЗАХОДИТ?**

112 **БАНКРОТСТВО
СТАЛО НАСКВОЗЬ
КРИМИНАЛЬНЫМ**

118 **ФРОНТМЕН НОМЕРА:
НАС ЖДЕТ ЦИФРОВОЙ
СОЦИАЛИЗМ ИЛИ ВОЙНА**

THIS ISSUE'S FRONTMAN: IF CIVILISATION IS TO AVOID
A WORLD WAR, TRANSITION TO BIG DATA SOCIALISM IS
MOST URGENT.

128 **«КАКОЙ Я ХИМИК?
Я — ПОЛИТЭКОНОМ».**
185 **ЛЕТ МЕНДЕЛЕЕВУ**

134 **ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ:
ИНЖЕНЕР ШУХОВ,
ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ,
ЕКАТЕРИНИНСКИЕ
АССИГНАЦИИ**

138 **ГЛАВНОЕ —
ТЕХНОЛОГИИ.**
ИНТЕРВЬЮ ПРЕЗИДЕНТА ВЭО РОССИИ

140 **СОБЫТИЯ
ВЭО РОССИИ**

152 **ХУДОЖНИК
«ВЭ» ШУТИТ**

ТОЛЬКО КОНСТРУКТИВ: СПАД ПРОДОЛЖИТСЯ?

Как экономисты оценили итоги 2018 года

НЕЛЬЗЯ НАДЕЯТЬСЯ ТОЛЬКО НА БЮДЖЕТ

Яков Миркин,
заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, член Правления ВЭО России,
д. э. н., профессор

Мы создали очень странную экономику, где рост основан на бюджете. То есть бюджет должен покрыть социалку, оборону, резервирование через бюджетные правила и еще дать рост. Бюджет не резиновый, заранее известно, что так не получится, значит, мы обречены на низкие темпы роста. В этом году у нас будет, по прогнозам МВФ, 166-е место в мире по темпам роста. Если это так, то, наверное, если нам нужен рост, то должна быть другая модель экономики, где экономические инструменты и административные инструменты должны стимулировать рост. Вместо очень странной экономики наказаний, которая у нас сложилась, должна быть экономика стимулов.

Для этого должна быть применена целая мозаика инструментов: более доступный кредит, более низкий процент, валютный курс, который стимулирует экономический рост, резкое снижение регулятивного бремени, снижение налогового бремени, появление очень сильных налоговых стимулов для модернизации, роста экономической активности, при снижении административных издержек и максимуме стимулов для прямых иностранных инвестиций, при диверсификации источников роста за счет ускоренной амортизации, за счет тех внутренних финансовых ресурсов, которые есть у корпораций.

По мере разгона экономики, при переходе на темпы роста выше 3%, нам в значительной мере легче будет решать вопросы с прямыми иностранными инвестициями. Это надо делать достаточно быстро и делать именно в мозаике мер, не выдергивая ни одну из них, потому что следующий год и, может быть, и последующий могут быть очень сложными. Кроме того, внешнее окружение для России не только в части санкций, но и в части цен на нефть, финансовых рынков, проблемы долгов и так далее очень сейсмично.

При переходе экономики к более быстрым темпам роста гораздо легче решить те проблемы, которые сегодня решить нельзя. Это относится к разгосударствлению, к началу демополизации, к становлению институтов. На скорости можно ставить задачи и решать те проблемы, о которых сегодня можно говорить, и можно ждать еще четверть века независимого суда, но эти проблемы в этой старческой экономике решить нельзя.

На финансовом рынке это называется «перевернуть позицию» — точно так же нам нужно перевернуть модель экономики, потому что та модель, которая на сегодня сложилась, еще раз повторюсь — модель роста через бюджет, крупные национальные проекты, максимум концентрации средств и ресурсов в столице, зависимость регионов, прежде всего, от федеральных денег, — это тупиковая и не инновационная модель. Это мы видим каждый год, когда, по известной статистике, на душу населения производится вычислительной техники чуть больше, чем на 4 доллара.

ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННИХ ЦЕН

Александр Широв,
заместитель директора
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член
Правления ВЭО России,
д. э. н., профессор

Про то, кто виноват, действительно, очень много сказано. Гораздо меньше говорится о том, что нужно делать. Главная проблема, на мой взгляд, состоит в том, что мы упустили вопрос того, что текущие меры регулярной экономической политики — денежно-кредитные, налоговые, бюджетные и так далее — не соответствуют тем задачам экономического развития, которые мы перед собой поставили. Более того, они входят в диссонанс со всеми теми мерами, которые сейчас реализуются. Я, прежде всего, имею в виду национальные проекты. Соответственно, прежде всего нужно донастроить регулярную экономическую политику так, чтобы она, наконец, стала вместе с теми действиями, которые сейчас предпринимает государство, реально воздействовать на экономическую динамику.

Ключевой вопрос текущей регулярной экономической политики — это проблема внутренних цен. Ситуация с ценообразованием на первичные виды продукции сейчас нетерпима. Мы попали в треугольник, который определяется параметрами бюджетного правила, механизмами курсообразования по принципам надбавки, то есть экспортного паритета, и механизмами инфляционного таргетирования. Все эти три механизма по отдельности вроде бы правильные и разумные и имеют обоснование, но все вместе они работают на опережающий рост первичных издержек по отношению к ценам на конечную продукцию. Они привели к тому, что инфляция цен производителей носит уже двузначные цифры — больше 10%. И это

все приводит к тому, что государство вынуждено и денежно-кредитную политику выстраивать таким образом, чтобы сдерживать рост цен, и таким образом сдерживает экономический рост.

Поэтому нужно себе отдать отчет в том, что дальнейший опережающий рост цен на целевые ресурсы невозможен, что та конфигурация бюджетного правила, которая существует, должна быть смягчена. Никто не говорит про его отмену, но смягчение необходимо. И в целом нужно задуматься о том, как должно быть устроено внутреннее ценообразование на продукцию — прежде всего, имеется в виду топливно-энергетический комплекс, металлургия, химия, сельское хозяйство и так далее.

Второй момент — это, безусловно, сами национальные проекты. Как мы знаем, их 12 плюс национальный план по развитию магистральной инфраструктуры. По-видимому, этого недостаточно, потому что эти проекты, с одной стороны, не затрагивают базовые сектора российской экономики и, соответственно, мы получаем экономику, в которой какие-то каналы финансирования выстроены, но в целом на конкурентоспособность базовых секторов экономики это не влияет.

С другой стороны, мы сделали глубокий анализ всех направлений затрат в рамках национальных проектов. Так вот, из него выходит, что, к сожалению, проекты еще очень сырые. Они не имеют реального наполнения. По сути, в трехлетнем бюджете до 2020 года более триллиона средств не распределены, они зарезервированы. Это означает, что в следующем году мы от этих национальных проектов, скорее всего, мало чего получим. И тот спад темпов экономического роста, там, 1,3%, которые получаются у большинства экономических групп, которые занимаются расчетами, в том числе у нас, они как раз и свидетельствуют о том, что, с одной стороны, мы вроде бы сформировали вот эти национальные проекты, а с другой стороны, наполнения реального нет, и все те меры экономической политики, которые мы принимаем, дают экономическую динамику дальше. В итоге следующий год получается хуже текущего. А сможем ли мы в 20 году с этих низких темпов пойти дальше, совершенно не понятно.

Виктор Ивантер,
руководитель секции
экономики отделения
общественных наук
РАН, академик РАН,
действительный член
Сената ВЭО России

Версия о том, что где-то есть такие замечательные запасные люди, на которых мы этих заменим, здесь посадим, а они сделают как надо, — это чепуха на постном масле. В действительности наш опыт работы в регионах показывает, что есть вполне реально сложившиеся экономические команды, деспособные, где-то лучше, где-то хуже, и могут работать. Нужно внятно сформулировать, что мы хотим делать. Послушал доклад на секции макроэкономических показателей — это одно, а другое дело — доклад по проблемам. Это как база под экономический рост, это другой жанр, но довольно интересный, и можно будет послушать. С этой точки зрения, мне кажется, что мы могли бы и в дальнейшем работать в таком формате. У меня просьба: выступающим очень коротко написать, что мы рекомендуем то-то, то-то и то-то.

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ И ВЛОЖЕНИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Абел Аганбегян,
академик РАН

Бюджет — это существенный тормоз экономики, так как в бюджете 40% налогов — это нефть, и так как цены на нефть снижаются и ниже, чем в 2008 году, то бюджет у нас сокращается больше, чем сокращается ВВП, и тянет вниз нашу экономику, к сожалению. Второе обстоятельство: все статьи в бюджете, которые вызывают рост, в последние годы, до 2018 года, они не росли. Росли статьи, которые не вызывают экономического роста, поэтому бюджет дважды влияет на снижение.

Ни одна наша проблема, экономическая, социальная, не может быть решена без экономического роста. По-моему, мы в этом тезисе едины. Если мы хотим, чтобы наша страна перешла к значимому экономическому росту, надо начать с первичных источников этого роста. Экономический рост имеет два первичных источника: инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, а более конкретно — в сферу, которая называется «экономика знаний», поскольку именно она вносит в человеческий капитал основную часть, связанную со знаниями, опытом, умением и так далее. Поэтому, если мы хотим перейти к экономическому росту, нам нужно перейти к форсированному росту инвестиций этих и вложений.

Поэтому возникают два вопроса: где взять для этого деньги и куда эффективнее вкладывать? Потому что можно вложить и не получить отдачу. Не буду на эти вопросы отвечать подробно, но даже если мы начнем увеличивать инвестиции и вложения в человеческий капитал по 8–10% в год (потому что по 4% нельзя после длительной стагнации — очень трудно начать экономический рост, нужен

сильный толчок для начала), дальше дело пойдет. Но нужно вначале все-таки разогнать инвестиции и вложения в человеческий капитал.

Кроме того, само по себе это не дает эффективного экономического роста по той причине, что нужны условия для этого экономического роста, стимулы. У нас везде тормоза, а не стимулы.

Если вы хотите обновить фонды, нужно дать налоговые паузы для этого обновления. Если вы хотите, чтобы дешевле строили, нужно дать льготы тому, кто дешево строит. Если вы хотите иметь инвестиции, нужно освободить прибыль от налогов в той части, откуда берутся инвестиции. Тогда они будут больше инвестировать. То есть стимулы — первое.

Второе, надо снять препятствия с экономического роста. Эти препятствия связаны с тем, что у нас условий нет для этого роста. Ведь мы за 27 лет новой России не увеличили валовой внутренний продукт по сравнению с 1989 годом практически. Объем промышленности сократился, сельское хозяйство примерно на уровне. Выросли только услуги — торговые, финансовые и некоторые другие.

Почему мы не выросли? Единственная страна, которая стояла на месте. Все-таки 27 лет — это не шутка с точки зрения этих показателей. Потому что у нас нет механизма роста. Мы не создали эффективный механизм роста рыночный, у нас нет рынка капитала внутри страны, у нас нет конкурентных стимулов и среды, и так далее. У нас нет нацеленности на рост внутри страны с точки зрения условий для бизнеса. И у нас — масса препятствий.

Посмотрите, вся наша система — территориальная. Все деньги — в Москве, в Ленинграде, все налоги здесь. Применяется худшая из изобретенных финансовых систем — дотационность. Если вы хотите погубить какую-нибудь организацию, посадите ее на дотацию, это известно. Поэтому мы нуждаемся в структурных реформах.

У нас нет внебюджетных фондов длинных денег, сколь-нибудь существенного. У нас нет инвестиций внутри банковского сектора. Инвестиционный кредит отечественных банков — 65 миллиардов в 2017 году. А инвестиции иностранных банков, которые находятся в России, которые в 7 раз меньше имеют фонды — 655, а в итоге получается всего миллиард 300 из 92 триллионов всех активов. Ни в одной стране такого безобразия нет, что банки фактически не участвуют в инвестициях.

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИНВЕСТИЦИЙ ЕСТЬ

Андрей Клепач,
заместитель председа-
теля (главный эконо-
мист) Внешэкономбанка

Финансовые возмож-
ности для инвестиций
у нашего бизнеса значи-

тельно выше, чем та динамика инвестиций, которую мы наблюдаем. Это проявляется и в высоком уровне дивидендных выплат, это проявляется и в оттоке капитала, который у нас снижался в позапрошлом году, а в этом, по данным на октябрь, уже 59 млрд долларов утекло.

С одной стороны, и опросы показывают это, необходима определенность правил, определенность стратегии государства. С другой, я думаю, что для малого и среднего бизнеса все-таки имело бы смысл снизить налоги даже те, которые есть, как для высокотехнологичных секторов. У нас сохранились льготы по социальным выплатам для фирм, занимающихся программным обеспечением, но мы практически институционально не выделили конструкторскую и проектную деятельность, и для нее такого рода льгот нет, кроме тех, кто находится в особых зонах или в ТОРах, но там набор льгот иной. Я думаю, что у нас тема даже налоговых стимулов и налоговых льгот не исчерпана.

Понятно, что смелость бизнеса или его склонность к инвестированию внутри страны — это комплексная проблема, в том числе связанная с силовыми структурами. Если я правильно помню, в позапрошлом году была создана комиссия, чтобы обсуждать с крупным бизнесом вопросы взаимодействия с силовыми структурами, но она за это время ни разу не собиралась, хотя эта тема и на уровне крупного бизнеса, и особенно на уровне регионального бизнеса остается важной. Вопрос контроля за тем, чтобы деньги не разворовывали, безусловно, важный, но он не может быть самоудовлетворяющим и не должен подавлять предпринимательскую и бизнес-активность. А сейчас у нас контроль становится самоцелью, а не предпринимательство

Руслан Гринберг,
научный руководи-
тель Института эконо-
мики РАН, член-кор-
респондент РАН,
вице-президент ВЭО
России

Целеполагание — главная проблема страны. Целеполагание сейчас — это сохранение статус-кво. И в этом смысле власть себя ведет правильно. Какие альтернативы? Почему нужно слушать кого-то из нас? Власть отдает себе отчет в том, в каком состоянии находится экономика. Мы не можем конкурировать с Китаем по потребительским товарам, с Европой — по инвестиционным товарам. В этой ситуации — либо рисковать, либо копить. Тем более приятно копить, когда ты можешь знать, куда эти деньги потратишь, ведь доля секретных статей бюджета возрастает — сейчас она, если не ошибаюсь, до 25% доходит. Сменяемость власти не грозит. И поэтому происходит то, что происходит.

и производственные результаты.

Мы многократно обсуждали разные способы создания длинных денег, повышение доступности капитала. Но деньги длиннее не стали, а доступность резко снизилась. Это видно и по опросам, по уровню процентных ставок. При этом вся регуляционная деятельность, связанная с нормами, формированием резервов и для частных пенсионных фондов, и для банков, фактически нацелена только на расчистку и пенсионной системы частной, и банков, а не на стимулирование бизнеса. В этой связи надо все-таки предпринимать шаги, противоположные даже в рамках той процентной ставки, которая есть в ЦБ, хотя я согласен с теми, кто выступает за ее снижение. Может быть, более важно не столько ее снижение, сколько изменение норм надзора.

Другой аспект — нам надо серьезно поддержать квазифинансовую банковскую систему, представленную институтами развития. У того же Внешэкономбанка не только ограниченные средства, но они дороже, чем у любого коммерческого банка, потому что нет пассивов в виде средств населения, а доступность к мировым рынкам в условиях санкций оборвана. Нужно идти на использование тех избыточных государственных сбережений, которые у нас есть. Фонд национального благосостояния по факту сейчас уже где-то 7,7% ВВП. Часть этих ресурсов, а это 700 с лишним миллиардов, можно было бы использовать через институты развития по низкой ставке. Если на входе это будет 2, даже 3%, то на выходе — ставка, сопоставимая с инфляцией и выше, которая могла бы использоваться для финансирования действительно приоритетных инвестиционных проектов, поддержки ВПК, диверсификации.

Если мы собираемся финансировать модернизацию здравоохранения, образования, науки, транспортной инфраструктуры, то те расходы, которые сейчас заложены на трехлетку в бюджет, нужно как минимум увеличивать на 1,5%, а в перспективе и до 2%. Это означает, что от профицитного бюджета мы должны переходить к дефицитному бюджету и существенно менять бюджетное правило. Это нельзя сделать сразу, потому что даже под те средства, которые сейчас заложены в проекты, надо подготовить нормативную базу, правила выделения средств, конкурсы. Реально это заработает с конца следующего года. Поэтому модификация бюджетного правила — это

задача среднесрочная, а не сиюминутная. Быстро руль переключать нельзя.

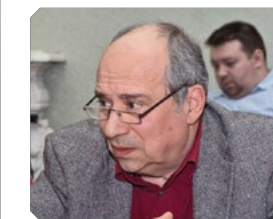
Мы очень сильно, чуть ли не принудительно пытаемся ограничить потребление, доходы населения. Это не только результат падения цен на нефть, это результат и тех ограничений, которые были по пенсиям, по зарплатам бюджетников на следующий год, поскольку индексация 1 октября означает реальное падение доходов всей бюджетной сферы. Нужно менять правила индексации не только количественно, но нужно выработать некоторые новые правила и приоритеты. У нас в этом смысле в лучшем случае есть идея сохранить соотношения к средней зарплате по регионам. Причем даже здесь заложены такие ошибки, как выравнивание младшего и среднего медицинского персонала, чего не было никогда и нет ни в одной стране (разница обычно порядка 40%), но даже здесь корректировки не произошло, не решились на это. Нужно делать хотя бы в перспективе ориентиры по заработной плате в научном секторе, врачам, учителям, сопоставимые с зарплатой, которую получают в европейских странах, иначе мы получим через некоторое время такое же бегство интеллектуального капитала, которое пережила Украина, балтийские страны. (Если брать страны Балтии, там и средний доход выше, чем у нас, но и отток образованного населения на порядок выше.)

В этой связи идея поднималась раньше, но никаких шагов пока не сделано, о едином социальном стандарте, который регионы могут видоизменять, но тем не менее должно быть, по сути дела, экономически обеспеченное единое пространство и здоровья, и воспитания, обучения. Не должны существовать огромные разрывы — в 1,5–2 раза, а то и больше — в соседних регионах.

Еще один момент, о котором у нас не модно говорить. С большим трудом в свое время шел закон о стратегическом планировании, но система долгосрочного стратегического управления у нас так и не сложилась. Это отторгается нашим управлением, которое построено на решении точечных оперативных задач. Нам, хотим мы или нет, чтобы быть конкурентоспособными, нужно выйти на системное стратегическое управление. Это даст, по примеру Китая, да по примеру и Советского Союза, и других стран, серьезные возможности для роста даже с теми ресурсами, которые у нас есть.

НУЖЕН МЕГАПРОЕКТ

Александр Некипелов,
академик РАН, директор
Московской школы экономики МГУ им.
М. В. Ломоносова, вице-президент ВЭО России

Я в свое время подсчитал официальные данные по нашему платежному балансу за 2000–2015 годы. Актив текущих статей суммарный за эти 16 лет составил 960 миллиардов долларов. К настоящему времени это больше триллиона долларов. Простой расчет показал, что каждый год мы, это и частный бизнес, и государство — его вклад в формирование резервов, недоиспользовали порядка 60 миллиардов долларов в год. Это понятно: хорошо известно, что у нас достаточно приличные данные по сбережениям и крайне слабоватенькие — по инвестициям. То есть у нас значительная часть сбережений идет на финансирование актива торговли с остальным миром.

Конечно, изменения, по-моему, должны быть достаточно существенные. Только в экономической политике я бы достаточно осторожно подходил к вопросам денежной эмиссии. Это не означает, что она не может оказаться целесообразной. Но важно воздерживаться от упрощенных утверждений, ссылок на уровень монетизации экономики, потому что, во-первых, она все-таки потихонечку растет. А во-вторых, в современных условиях наблюдается структурный профицит ликвидности, и экономические агенты реального сектора экономики не инвестируют часть имеющихся у них средств. И кстати, действуют достаточно рационально. И банки пользуются теми возможностями, коммерческими, я имею в виду, которые им предоставил Центральный банк для хранения части ресурсов, которые у них есть на счетах в этом Центральном банке.

Я придаю очень большое значение тому факту, что мы фактически отказались от регулирования потоков по капитальным статьям платежного баланса и тем самым сделали крайне уязвимой нашу экономику к внешним шокам. Что особенно странно

Дмитрий Сорокин, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, вице-президент, руководитель Научного совета ВЭО России

В феврале 2002 года тема Абалкинских чтений звучала так: «Год прошел. Что дальше?». Мне тогда доверили делать стартовый доклад, и я неслучайно захватил оттуда цитату, которой я его завершил. «2001 год продолжил тенденцию, ведущую к закреплению за российской экономикой статуса в лучшем случае экономики второго эшелона, и пока ничто не указывает на то, что 2002 год изменит эту ситуацию». После нашего разговора у меня такое ощущение, что остается только заменить цифры в этой стенограмме.

в условиях нынешней политической ситуации. Нас все время призывают не обращать внимания на валютный курс, ориентироваться на внутренние цены и покупательную способность рубля. Но как могут не обращать внимания на это наши предприятия реального сектора, у которых пусть связи с внешним миром и ограничились, но остаются достаточно серьезными. Поэтому, мне кажется, изменения в этой области назрели.

И последнее, это, с моей точки зрения, нужна некая общая идея, некий мегапроект, который на несколько десятилетий создал вектор развития.

ОТСУТСТВИЕ СТРАТЕГИИ

Елена Ленчук, директор Института экономики РАН, д. э. н., профессор

Я хочу всех поздравить, мы — хорошие прогнозисты. Потому

что в феврале 2018 года мы говорили о том, что можно ожидать от 18 года. И фактически все, что мы говорили, сбылось. Никаких серьезных предпосылок для экономического роста не создано. И мы, в общем, сегодня находимся приблизительно в той же ситуации.

Тем не менее хочу сказать о майском указе, он большой, там поставлены достаточно амбициозные задачи на новый политический цикл, связанные с повышением качества жизни и с научно-технологическим прорывом. И обозначен ряд амбициозных достаточных показателей, которые предполагается решать в рамках национальных проектов. Сегодня эйфория о том, что достичь их в рамках национальных проектов, начинает развеиваться, потому что, они все направлены больше на социальную сферу. Для реальной экономики таких проектов, в общем-то, практически не создано. А темпы роста и предпосылки для экономического роста формируются именно в материальном производстве в реальной экономике.

Важно, как мне кажется, подчеркнуть, что у нас отсутствует целеполагание того, что мы хотим сделать, какую модель мы хотим построить и какие

структурно-технологические преобразования нам нужны. Такое впечатление, что в стране интеллектуальный кризис и мы до сих пор не можем разработать долгосрочную стратегию социально-экономического развития. Уже все сроки прошли, но ничего нам пока не представлено со стороны правительства. И это создает сложности и для частного бизнеса, прежде всего, когда мы говорим, что он не инвестирует, но ему нужны какие-то стратегические ориентиры. Мне кажется, что вопрос стратегического планирования, управления имеет очень большое значение. И именно выстраивание такой цепочки могло бы дать толчок и понимание тому, в каком направлении нам надо двигаться для того, чтобы обеспечивать экономический рост.

ВРЕМЯ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Михаил Ершов, член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, профессор Финансового

университета при Правительстве РФ, д. э. н.

ЦБ сам признает, мы понимаем, что рост НДС, скорее всего, будет сопряжен с ростом цен, а это, говорят они, вероятнее всего, вызовет у ЦБ необходимость повысить ставки вновь. Значит, нынешняя ставка только вследствие мер по НДС будет еще раз повышаться. Значит, мы, с одной стороны, имеем рост налога как бремя для экономического роста, а с другой — рост ставок как еще бремя для экономического роста. Это не согласуется с задачами, ставящимися президентом, об ускорении нашего роста. Что касается инфляции. Абсолютный уровень цен с 2014 года, когда у нас рубль провалился, был 30, стал 60, цены в среднем выросли по некоторым позициям почти в два раза. То есть тот товар, который был в 14 году на уровне, там, 100 рублей, стал стоить почти 200. Это фактор, скорее, едва ли стимулирует меня как покупателя. Даже если у этой цены

динамика замедлилась, сам уровень абсолютный остается почти недосягаемым.

Мы знаем, что санкции, скорее, не повлияют на укрепление рубля, а будут способствовать его удешевлению. Мы знаем, что слабый валютный курс — это фактор, подмывающий инвестиционную базу как у бизнеса, так и у физических лиц, у сектора домашних хозяйств, потому что спрос будет сжиматься. Чем дешевле рубль, тем меньше мой спрос. Все эти факторы являются важнейшим ограничителем внутреннего спроса, а это важнейший механизм, который способствовал бы экономическому росту.

СОМНИТЕЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ

Александр Петриков, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова, академик РАН, член Президиума ВЭО России

Аграрная отрасль является островком относительно благополучия. Явно мы видим, что все-таки прорыв в сельском хозяйстве есть. Вот в чем секрет этого: мы делали в аграрной политике нечто противоположное тому, что делали в экономической политике в целом. Мы воспользовались тем, что нам доверили строить самостоятельно аграрную политику. Во-первых, у нас с 2004 года доступ к дешевым деньгам, действует система льготного и краткосрочного инвестиционного кредитования. Второе, у нас создана в отрасли задолго до принятия закона система стратегического планирования и управления — госпрограмма у нас работает с 2008 года, которая выстроена не только на федеральном уровне, но сопряжена с субъектами Российской Федерации, разлагается на госпрограммы соответствующих субъектов и где-то даже доходит до районов и отдельных предприятий. Третье, у нас создана система рыночной конкуренции в аграрном секторе. Мы недавно провели сельхозперепись, в 2016 году, первая была

Михаил Головнин,
первый заместитель
директора
Института экономи-
ки РАН, член-корре-
спондент РАН

У ЦБ зацикленность на таргетировании инфляции проявляется при том, что она необоснованна практически. Есть много центробанков с режимом инфляционного таргетирования в странах с формирующимися рынками, которые регулируют валютный курс. Между тем де-факто валютный курс у нас регулируется, но бюджетным правилом и интервенциями Министерства финансов. Я бы хотел обратить внимание на один важный тезис — нужно вернуть экономическим ведомствам те роли, для которых они предназначены. ЦБ должен заниматься, помимо инфляции, регулированием валютного курса, а Министерство финансов должно заниматься по большому счету экономическим ростом, хотя оно им заниматься очень не хочет. Ну и, безусловно, очень важный момент — для активной реализации политики роста необходимо применение валютных ограничений.

в 2006-м. Так вот, за межпереписной период у нас численность сельхозорганизаций уменьшилась с 59 тысяч до 36 тысяч, минус 23 тысячи сельхозорганизаций. Из 284 тысяч фермеров осталось 174 тысячи, минус 110 тысяч фермерских хозяйств. Выживают сильнейшие. Правда, это имеет большие социальные издержки. И наконец, четвертое, у нас созданы институты развития в сельском хозяйстве. У нас специальный Россельхозбанк, у нас Росагролизинг, при всех его проблемах. У нас до последнего времени была Россельхозакадемия, отдельная, которая худо-бедно пыталась заниматься инновациями в сельском хозяйстве.

Но если говорить о потенциале, то у нас очень много проблем. Первая проблема — экономический рост в сельском хозяйстве сосредоточен примерно в 20–25% сельхозпроизводителей. Второе, у нас не созданы обеспечивающая сельское хозяйство промышленность, сельхозмашиностроение, производство, например, пестицидов и так далее. У нас микробиологическая промышленность погибла. У нас не созданы собственные научно-технологические базы. И четвертое, у нас наметились осложнения социальные, старение сельского населения и рост занятых в предпенсионном, пенсионном возрасте. Вот над этими задачами нам надо и работать. Я бы так сформулировал ближайший лозунг на среднесрочную перспективу в сельском хозяйстве: перейти от политики роста в сельском хозяйстве к политике обеспечения качества этого роста, ликвидация вот тех диспропорций, о которых я сказал.

РАЗРЫВ ЛОГИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Никита Масленников,
руководитель направле-
ния «Финансы и экономи-
ка» Института совре-
менного развития

То, что, мне кажется, совершенно ясно: у нас возникли существенные риски разрыва логики экономической политики. Можно всегда спорить, пра-

вильно ли были запущены в 2014 году таргетирова-
ние инфляции и плавающий курс. Но затем он
плавно перерос, естественно, в бюджетную консоли-
дацию, она дает сразу зоны неэффективности госу-
дарственных расходов, а это, как любит выражаться
наш главнокомандующий, — адреса, пароли, явки
структурных реформ.

Сформировалась, в принципе, некая структурная
повестка, долю государства надо чуть-чуть снижать,
конкуренцию широко и везде, где только возможно,
вводить, человеческий капитал, естественно, укреп-
лять, проводить структурные маневры в госрасхо-
дах и так далее и тому подобное. И где-то в середине
года, после того как раздался мощный такой, опять
зажигающий призыв по национальным проектам,
все это встало.

И здесь то, что мы можем сломать всю структур-
ную повестку, для меня, например, четко прослежи-
вается в судьбе так называемой пенсионной рефор-
мы. Возраст повысили, но, извините, пенсионный
капитал запустить как-то забыли. И поэтому сегод-
няшние сетования по поводу долгосрочных инвести-
ций, длинных денег (а пенсионная модель, в прин-
ципе, может давать эффект за 5–7 лет примерно
дополнительно 12 триллионов рублей), это все оста-
лось даже без обсуждения правительства в кабинете.
Вот это — ресурс роста, он отсутствует. Вот это вот
разлом логики экономической политики в целом, то
есть всей вот этой синергии монетарной, налоговой,
бюджетной и, собственно, структурных реформ, вот
это главный риск следующего года.

«ВЫ ЧТО ДЕЛАЕТЕ-ТО?»

Игорь Николаев,
директор Института
стратегического анали-
за ФБК, профессор
Высшей школы экономи-
ки, д. э. н.

Три тезиса по поводу
того, что делать или даже в какой-то степени — что
не делать. Первое, государству надо обуздать свои
фискальные интересы в отношении граждан, я бы
так сформулировал. Потому что то, что сейчас проис-

ходит, честно говоря, меня сильно тревожит.
Посмотрите, на фоне того, что четыре года у нас сни-
жались реальные доходы населения, была надежда,
что в этом году, может быть, они выйдут в плюс. Но
сегодня мы получаем данные за ноябрь — там паде-
ние почти на 3%. И это в этом году, когда была мощ-
ная накачка бюджетной сферы накануне президент-
ских выборов. И на таком фоне у нас принимаются
решения о повышении пенсионного возраста. А мы
знаем, люди умеют считать, сколько денег они поте-
ряли от того, что им приходится раньше выходить
на пенсию.

Мы вводим налог на самозанятых. Причем куда ни
посмотри: челноков, и тех обложили нормой прово-
за багажа, с 50 до 25 килограмм, с 1500 евро до 500
евро. Садоводы теперь все свои взносы должны вно-
сить через банки, соответственно, комиссионные
должны платить с 1 января. А парковки, а штрафы?
То есть наступление везде, по всем направлениям.
«Вы что делаете-то?» — хочется сказать. Я понимаю,
если бы у нас был бы экономический рост, доходы
росли бы. Но ведь этого же нет. На мой взгляд, кате-
горически нельзя этого делать.

Второй тезис. Надо не повышать, а снижать нало-
говую нагрузку. Налог на самозанятых, НДС —
в период, когда то ли кризис, то ли все-таки какой-то
рост, не понятно, около нуля болтаемся, но мы повы-
шаем налоговую нагрузку. Этого делать нельзя. Об
этом говорит и наш собственный опыт. Мы в 2009
году неплохо сделали, когда снизили ставку налога
на прибыль с 24 до 20%. Если посмотреть опыт дру-
гих стран, снижают налоги в такой период, а мы
повышаем и хвастаемся одновременно, что у нас
профицит по этому году больше 2 триллионов
рублей. Вопрос, если у вас такой профицит без повы-
шения НДС, вы зачем его повышаете? Вам мало про-
фицита в 2 триллиона рублей? Я что-то не понял.

И третий тезис. Я считаю, что экономисты тоже
должны говорить об этом: проблему санкций надо
решать. Вы знаете, интересная постановка вопроса:
вы, экономисты, нам придумайте что-то такое,
чтобы мы вошли в пятерку крупнейших экономик
стран мира, обеспечив темп роста экономики выше
мировых. А я говорю, что этого не будет, если санк-
ции будут сохраняться и усиливаться. Во всяком слу-
чае, мы анализировали и опыт других стран в этом
отношении — вот таких чудес не бывает. Поэтому
будет честно, если экономисты будут говорить, что
в условиях санкций достижения таких амбициозных

целей не будет. Вы, политики, не спрашивали эконо-
мистов, когда замутили все это дело? А экономисты
вам говорят сейчас: вы решайте эту проблему, тогда
вот эти амбициозные цели будут достигнуты.

ДЛЯ ЧЕГО НАМ РОСТ?

Александр Бузгалин,
вице-президент ВЭО
России, директор
Института социэконо-
мики Московского финан-
сово-юридического уни-
верситета МФЮУ,
заслуженный профессор

МГУ им. М. В. Ломоносова, д. э. н.

Есть очень интересный вопрос, а для чего рост?
И что нужно — рост или развитие? Я сошлюсь
на нобелевского лауреата Стиглица и небезызвестно-
го вам президента Вольного экономического обще-
ства профессора Бодрунова. В промежутке очень
много других работ, которые говорят, что, друзья,
развитие и рост — это две очень большие разницы.

ГОСУДАРСТВУ НУЖНО ОБУЗДАТЬ СВОИ ФИСКАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН

И может быть развитие без роста, как ни странно,
и может быть рост без развития.

Что можно сделать без роста — это смягчить
социальное неравенство. Если мы в России вводим
социальную модель скандинавских стран, у нас
социальное неравенство резко сокращается даже при
том же объеме валового национального продукта.
Если мы не хотим иметь желтые жилеты, то

Василий Богоявленский,
заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН, член-корреспондент РАН, д. т. н.

75% жидких углеводородов мы поставляем на экспорт, 25 потребляем. По газу больше — 70 потребляем, 30 продаем. В советское время 30% продавали по нефти. То есть мы абсолютно работаем на Запад. Надежды на то, что мы слезаем с нефтяной иглы абсолютно не оправдались. Снижение доли экспорта, может быть, за счет вооружения, сельского хозяйства не оправдывается. У нас — прямая зависимость от цены на углеводороды. Цена выросла, и мы поднимаемся. Есть некоторые регионы роста. Вы знаете, что запущен завод Ямал СПГ, уже третья линия работает, так что все в этом плане очень неплохо развивается. Растут активно грузопотоки. Все вообще-то примерно по плану, я вам скажу, как 5–7 лет планировалось, почти так и развивается. С импортозамещением дела обстоят в нашей отрасли пока плохо. Я побывал на большинстве платформ, установок. Чисто визуальный анализ говорит о том, что примерно 80% оборудования — зарубежного производства. По приему, регазификации построен терминал. Пришвартовался туда плавучий завод в Калининградской области, тоже не в России построен.

для этого нужна не только очень мощная полиция с очень мощными водометами, но и, прежде всего, решение социальных проблем. Потому что, как показывает опыт, даже тысячи арестованных не всегда спасают от этих вопросов. Мы на эту тему почти не обратили внимания сегодня. Экономисты очень не любят об этом говорить.

Следующий вопрос, который мне кажется принципиально важным, если мы хотим иметь экономическое развитие, а не просто рост, принципиально важно, что растет, а что сокращается. Нам не обязательно все увеличивать. И для того, чтобы у нас было развитие, нам надо обеспечить приоритеты развития через государственную программу. Хорошо известный тезис, о нем здесь несколько раз упоминали, я не боюсь этого слова — план на пять лет, который жестко фиксирует правила игры, но правила игры в том числе в области промышленной политики.

Вот эти отрасли в течение пяти лет будут иметь вот такие-то очень низкие налоги, вот такие-то очень дешевые кредиты, вот такие-то объемы государственных инвестиций, плюс пятилетний план государственных инвестиций, плюс план для государственных компаний. Собственник имеет право планировать деятельность своих собственных компаний. Государственные компании, вообще говоря, должны работать на государство, а не на свою прибыль. Тем более что такое «прибыль государственной компании» — это очень интересный вопрос, и кому она достается.

И наконец, последнее, что в этой связи мне хотелось бы сказать: если мы принимаем такие правила игры, активную промышленную политику, то тогда у нас не 12 национальных проектов, а один план, принятый парламентом, утвержденный президентом и который не имеют права без серьезных оснований менять ни президент, ни парламент. И в этом случае у нас будет некоторая гарантия стратегического развития ради стратегических целей.

А постскрипум состоит в том, что, вообще говоря, у нас цели не определены. Если вы спросите, какие цели у России на пять лет, реальные, четко сформулированные, с приоритетами? Просто по объему войти в пятерку — извините, это не цель. Это чисто экстенсивный количественный показатель роста. Я не власть критикую, я критикую теоретическую установку некоторых экономистов. Поэтому я бы здесь поставил многоточие и поприслушался к коллегам

как-нибудь поставить вопрос о целях социально-экономического развития, именно социально-экономического развития, о том, необходимы нам или нет достаточно глубокие реформы или надо все оставить как есть, потому что опасно что-то менять. И после этого уже можно будет говорить о средствах. Потому что, когда мы говорим про ставку, про финансирование, про налоги, мы обсуждаем некоторые тактические средства. А у нас совершенно не ясна, на самом деле, стратегия.

МНОГО ДЕНЕГ И МАЛО ИНВЕСТИЦИЙ

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент
Международного союза экономистов, директор
ИНИР им. С. Ю. Витте,
эксперт РАН, д. э. н., профессор

Мне кажется, у нас две проблемы. Это много денег и отсутствие инвестиций. Эти две проблемы мы никогда нормально не решали. Отсюда неэффективность сложившейся, подчеркиваю, не разработанной, а сложившейся модели экономической, отсюда и, соответственно, неэффективность госуправления экономикой.

Президент говорит о том, что нам надо перейти в высшую лигу, создать другое качество экономики. А как инструмент предполагаются национальные проекты. Мне кажется, правильно было бы сформулировать большой проект на 20–30 лет вперед. Мало кто говорит, что одна из важнейших позиций в указе — это преодоление технологического отставания России. И если мы не сумеем эту проблему решить, мы не решим ни социальных, ни экономических проблем вообще, потому что впереди — новый технологический уклад, в котором эти новые технологии будут основными и базовыми. Вот этого у нас, к сожалению, нет ни в проектах, ни в каких-то

финансовых решениях и так далее и тому подобное.

Второе. В силу того, что нет работы на модель, не ясно, как управлять и каких управленцев искать, у нас такая, я бы сказал, осторожничающая экономическая политика: «на всякий случай, давайте мы запасемся еще чем-нибудь дополнительно и будем ожидать балансировки экономики, устойчивости и постепенно, небольшими шагами развиваться». Ни о каком прорыве в этом случае говорить не придется. Мне кажется, для того, чтобы, осознав, что необходимо развивать технологический базис России, нам необходимы решительность и воля, чтобы изменить эту ситуацию. Решительность и наших структур государственного управления, и министерств, и ведомств, и нас как ученых, как специалистов. Специалисты должны свое слово говорить постоянно и в конце концов изменить траекторию нашего развития, чтобы финансировать технологическое развитие, может быть, более приоритетно, чем остальные направления. Сегодня это важно.

CONSTRUCTIVE VIEW: RECESSION WILL CONTINUE?

Economists ponder the 2018 results

WE CANNOT RELY SOLELY ON THE BUDGET

Yakov Mirkin,
*Head of International Capital Markets,
National Research Institute of Global
Economy and International Relations of
the Russian Academy of Sciences, Doctor of
Economics, Professor*

We have created a very strange economy, where growth depends on the budget. That is, the budget is supposed to pay for social programs, defense, reserve creation through budget rules, and it is also supposed to be able to sustain growth. The budget cannot be stretched infinitely, we are well aware of it, and it means we are doomed to low growth rates. This year, according to IMF forecasts, our country will rank 166th in the world, in terms of growth rate. If this is true, then, probably, if we need growth we should create a different economic model, where economic instruments and administrative instruments will stimulate growth. The very strange economy of punishments that we have should be replaced with an economy of incentives.

To this end, a whole array of tools should be applied: more affordable credit, lower interest rates, exchange rates that stimulate economic growth, a drastic decrease of the regulatory burden, a reduction in the tax burden, the emergence of very strong tax incentives to enable modernization and increase economic activity while reducing administrative costs, and maximization of incentives for foreign direct investment along with diversification of sources of growth through accelerated depreciation using the domestic financial resources held by the corporations.

As the economy accelerates, with growth rates over 3%, it will be much easier for us to deal with foreign direct investment issues. It should be done fairly quickly and it should be done via a series of measures without missing out on any of them, because the next year, and maybe the next after it, may turn out to be very difficult. In addition, Russia's position in the world is somewhat shaky, not only in

terms of sanctions, but also in terms of oil prices, financial markets, debt problems, and so on.

When the economy transitions to higher growth rates, it will be much easier to solve the problems that cannot be solved today. This refers to privatization, to the beginning of de-monopolization, to the formation of institutions. It will be possible to quickly set those tasks and solve those problems that we are facing today; and you wait another quarter of a century for the independent court system to evolve, but such problems cannot be solved in this old-age economy.

Using the terminology of financial markets it can be called a «flip»; in the same way, we need to flip the economic model, because the model that has emerged today, I repeat once again — the model of growth through the budget, by way of large national projects, maximum concentration of funds and resources in the capital, the dependence of the regions primarily on federal money, — is a dead-end and non-innovative model. We see it every year, when, according to well-known statistics, a little more than \$4 worth of computer equipment is produced per capita.

THE PROBLEM OF DOMESTIC PRICES

Alexander Shirov,
*Deputy Director of the Institute for
National Economic Forecasting of the
Russian Academy of Sciences, Doctor of
Economics*

Truly, a lot has been said on who's to blame. Much less is being said about what is to be done. The main problem, in my opinion, is that we have missed the point that the current measures of regular economic policy — monetary, fiscal, budgetary, and so on — do not correspond to the tasks of economic development that we have set for ourselves. Moreover, they conflict with all the measures that are now being implemented, first and foremost, the national projects. Accordingly, first of all it is necessary to tune up the regular economic policy so that it, together with the steps the state is currently taking, is finally able to actually influence the economic development.

The key issue of the current regular economic policy is the problem of domestic prices. The pricing situation is now intolerable as regards primary products. We are caught inside a triangle made up of the parameters of the budget rule, the exchange rate mechanisms based on the premium principles, that is, on export parity, and the inflation targeting mechanisms. Each of these three mechanisms individually seems to be correct and reasonable and to have a rationale, but taken together they act to make initial costs grow faster than the prices for final products. It led to the fact that producer price inflation rate is already a two-digit number — over 10%. And all this leads to the government being forced to build its monetary policy in such a way as to keep prices under control thereby impeding the economic growth.

Therefore, it should be understood that further rapid increase of commodity prices is impossible, that the existing configuration of the budget rule must be relaxed. No one talks about abolishing it, but some respite is necessary. And we need to think about how domestic pricing should generally work, primarily for the fuel and energy complex, metallurgy, chemistry, agriculture, and so on.

The second point is, of course, the national projects themselves. As we know, there are 12 of them, plus the national road infrastructure development plan. Apparently, it is not enough, because these projects, on the one hand, do not affect the basic sectors of the Russian economy and so we get an economy in which some channels of financing have been built but they do not generally affect the competitiveness of the basic sectors.

On the other hand, we have made an in-depth analysis of all areas of costs in relation to the national projects. So, it turns out that, unfortunately, the projects are still outlined very roughly. They have no real substance. In fact, over a trillion rubles has been set aside but not allocated in the 3-year budget until 2020. It means that in the next year we will gain almost nothing from these national projects. And the 1.3% slowdown of economic growth which is reported by the majority of experts engaged in calculations, both in Russia and abroad, just indicates that, on the one hand, we seem to have shaped those national projects but on the other hand they lack any substance and all the economic policies we have adopted have been suppressing the economic growth even further. As a result, the next year will be worse than this one. And it's not at all clear whether or not we will be able to improve on those low rates in 2020. Thank you.

INVESTMENTS IN FIXED ASSETS, INVESTMENTS IN HUMAN CAPITAL

Abel Aganbegyan,
Academician of the Russian Academy of Sciences

The budget is a significant brake on the economy, since oil accounts for 40% of taxes in the budget. Because oil prices are dropping below the 2008 indicators, the budget is shrinking faster than the GDP, and, unfortunately, is dragging our economy down. The second point: none of the items in the budget that drive growth were themselves growing in recent years, until 2018. What was growing was the items that do not drive economic growth, so the budget has a two-fold effect on decline.

None of our problems, economic or social, can be solved without economic growth. In my opinion, we all share this view. If we want our country to achieve a significant economic growth, we must proceed from the primary sources of this growth. Economic growth has two primary sources: investments in fixed assets and investments in human capital or, more specifically, in what is called knowledge-based economy since it is that kind of economy that adds the most value to human capital related to knowledge, experience, skill, and so on. Therefore, if we want to initiate economic growth, we need to make those investments grow.

Therefore, two questions arise: where to get money for it and what areas are the best for investment? Because investments may not bring any profit. I will not be answering those questions in detail, but if we start to increase investments in human capital at the rate of even 8-10% per year (we cannot go at the rate of 4% after long stagnation, it is very difficult to start economic growth, we need a strong push to start) we can expect some results. But you still need to build up investments in human capital first.

Besides, this move does not in itself ensure effective economic growth because we need certain conditions for economic growth, we need incentives. We have brakes everywhere, not incentives.

If you want to upgrade the assets, you need to provide tax breaks for

Victor Ivanter,
Chief of the Section of Economics of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Senate of the VEO of Russia

The idea that somewhere there are some wonderful people we can invite to do other people's work

more efficiently is utter nonsense. In fact, our regional experience shows that the existing economic teams are quite capable, some are good, some are worse, but they still can work. We need to clearly articulate what we intend to do. I listened to a sectional report on macroeconomic indicators, it is one thing, and another thing is a problem report. It is like a base for economic growth, it is a different genre, but it's quite entertaining and worth listening to.

In this regard, I believe we could continue to work in this format. I have a request: every speaker should write a very brief note on what he or she exactly recommends.

such an upgrade. If you want something built cheaper, you need to give benefits to those who build cheaply. If you want to have investments, you need to exempt profits from taxes to the extent it is used for investments. Then investments will grow. That is, incentives first. Second, it is necessary to remove obstacles from economic growth. These obstacles are due to the fact that we do not have appropriate conditions for growth. After all, over the past 27 years, we have not actually increased our gross domestic product compared to 1989. Industrial production has declined, agriculture is approximately at the same level. Only services have grown — trade, finance and some others.

Why haven't we grown? Ours is the only country with no growth. After all, 27 years is not a joke in terms of these indicators. Because we have no growth mechanism. We have not created an effective market growth mechanism, we do not have a capital market in the country, we do not have competitive incentives or environment, and so on. We are not focused on domestic growth in terms of business climate. And we have a lot of obstacles.

You see, our entire system is territorial. All the money is in Moscow, in Leningrad, that's where all the taxes end up. The worst kind of financial system is being used, based on subsidies. If you want to destroy an organization, just subsidize it, it is well known. Therefore, we need structural reforms.

We do not have any substantial non-market long funds. We have no investments inside the banking sector. Domestic banks' investment credit was 650 billion in 2017. At the same time, the investments of foreign banks in Russia, which have 7 times less funds, amount to 655 billion; as a result you get only 1,300 billion out of all the assets worth 92 trillion. No other country has banks which do not take part in investment activity. Therefore, we need structural reforms.

THERE ARE OPPORTUNITIES FOR INVESTMENT

Andrei Klepach,
Deputy Chairman (Chief Economist) of Vnesheconombank.

Financial opportunities for investment in our business are significantly higher than the investment dynamics that we are seeing. It is also evidenced by the high level of dividend payments, by the flight of capital, which decreased in the year before last and has risen to a \$59 billion mark according to October reports.

On the one hand, as the polls suggest, we need certainty in the rules, certainty in the government's strategy. On the other hand, I think it would still make sense to reduce taxes, even those that currently exist, for small and medium-sized businesses as well as for the high-tech sector. We still have social benefits for software companies, but we have never targeted design businesses institutionally, and no such benefits exist for them, except for those of them located in special zones or in Territories of Advanced Development — but such entities enjoy a different set of benefits. I believe we have not yet exhausted the issue of tax incentives and tax benefits.

It is clear that the businesses' lack of dedication or propensity to invest inside the country is a complex problem connected with the law enforcement system. If I remember correctly, a commission was created the year before last to discuss with large businesses the issues of interaction with law enforcement agencies, but it has never met although the topic remains important at the level of large and especially regional business. Of course, control is important for preventing theft, but it shouldn't be self-important and should not suppress entrepreneurial and business activity. It is control that has become an end in itself, rather than entrepreneurship or production results.

We have repeatedly discussed various forms or methods of creating long-term credit, of increasing the availability of capital. But credit did not become long-term, and the availability has dropped sharply. This is

WE NEED A SINGLE SOCIAL STANDART, IT SHOULD CREATE A SINGLE SECURE HEALTH AND EDUCATION SPACE, WITHOUT HUGE GAPS BETWEEN REGIONS.

evidenced both by polls and by interest rates. At the same time, all regulatory activities related to standard-setting and the formation of reserves for private pension funds and banks are, in fact, aimed only at clearing out the private pension system and the banks, and not at stimulating businesses. In this regard, it is necessary to take steps in the opposite direction, even with the existing interest rate set by the Central Bank, although I agree with those who support the idea of its reduction. But perhaps its reduction is less important than the change in the supervision regulation.

Another aspect is that we need to seriously support the quasi-financial banking system represented by the development institutions. For instance, Vnesheconombank does not just have limited funds, but they also cost more than any commercial bank's funds because of the absence of liabilities in the form of private deposits while the accessibility to world markets has been cut off by the sanctions. We need to use the surplus government savings that we have. The national welfare fund has reached somewhere around 7.7% of the GDP. Some of the resources, over 700 billion, could be used through development institutions at a low rate. If it's 2, or even 3% at the outset, then at the end it will be a rate comparable to or higher than the inflation rate which could be used to finance high-priority investment projects, support the military-industrial complex, and ensure diversification.

If we are going to finance the upgrading of the healthcare, education, science, and transport infrastructure, then the expenses that are now included in the three-year budget must be increased by at least 1.5%, and subsequently by up to 2%. It means we must move from a budget surplus to a budget deficit and substantially change the budget rule. This cannot be done right away, because a regulatory framework, particularly for money allocation and competitions, should be prepared even for those funds that are now invested in the projects. It will be implemented by the end of the next year. Therefore, the modification of the budget rule is a medium-term task, not a momentary one. You cannot change course too abruptly.

We are keen on limiting consumption and the incomes of the population, almost by force. This is not just a result of the decline in oil prices, it is a result of the restrictions imposed on the pensions, on the salaries of government employees for the next year, since the October 1 indexation means an actual drop in the incomes of the entire public sector. It is not only necessary to change the indexation rules quantitatively, we need to work out some new rules and priorities. In this sense, we have, at best, an idea to use the average regional salaries as the basis. But even in this regard we've made certain blunders, for

instance by equalizing the salaries of junior and medium-level medical staff, which has never happened in any other country (the difference is normally about 40%), and we've never corrected them because we do not dare. So, we need changes, if only in the future, we need references for salaries to be paid to scientists, medical doctors, teachers comparable to the salaries paid in the European countries. Otherwise we will see the same flight of intellectual capital that Ukraine and the Baltic countries have seen. (If we take the Baltic states, the average income there is higher than ours, but the outflow of educated population is much higher).

In this regard, the idea was discussed earlier, but no actual steps have been taken. We need a single social standard that can be modified by the regions, and yet it should essentially create a single secure health, training and education space. Huge differences between neighboring regions, by 1.5-2 times of even more, should be avoided.

Another point that we are not particularly eager to talk about. It was with great difficulty that we passed the law on strategic planning, but the system of long-term strategic management did not work out for us. It was rejected by managers who prefer micromanagement. Whether we like it or not, in order for us to be competitive we need to resort to strategic management. It will give us serious opportunities for growth even with those resources that we have, as it did in China, the Soviet Union and many other countries.

WE NEED A MEGAPROJECT

Alexander Nekipelov,
Academician of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the VEO of Russia.

At one time, I summed up the official data on the country's balance of payments for the years 2000-2015. Over the 16 years, there was a total of up to 960 billion dollars in current assets. Currently, it's in excess of one trillion dollars. A simple calculation shows that every year we (private businesses and the government alike) underutilized about 60 billion dollars as contributions to the formation of reserves. This is understandable: it is

Ruslan Grinberg,
Research Director at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the VEO of Russia

Goal setting is the country's main problem. Setting goals now means maintaining the

status quo. And in this sense, the authorities are acting properly. What are the alternatives? Why listen to any of us? The authorities are aware of the state of the economy. We cannot compete with China in consumer goods, or with Europe in investment goods. In this situation we can either take a risk or keep saving money. Moreover, it is nice to save money when you can know how you will spend it, because the share of

secret budget items is increasing — it's currently up to 25%, if I'm not mistaken. No change of power is in sight, and so everything happens the way it happens.

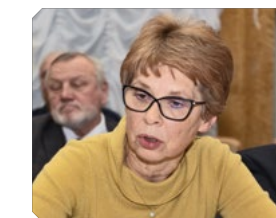
well known that we have decent data on savings and extremely weak data on investments. That is, a significant part of the savings is used to finance trade with the rest of the world and to trade with the rest of the world.

Of course, changes, in my opinion, should be quite substantial. But as regards economic policy, I would approach the matter of the emission of money with extreme caution. This does not mean that it may not be desirable. But it is important to refrain from simplified statements and references to the level of monetization of the economy, because, firstly, the economy is still slowly growing. And secondly, under the current circumstances there is a structural surplus of liquidity, and economic agents of the real sector of the economy do not invest all of the funds they have. And, as a matter of fact, they are acting quite rationally. And the banks have taken advantage of the commercial opportunities the Central Bank has provided to them for keeping some of their resources in their Central Bank accounts.

I attach great importance to the fact that we have actually stopped regulating cash flows in capital items of the balance of payments and thus made our economy extremely vulnerable to external shocks. Which is especially strange in the current political situation. We are constantly being urged not to pay attention to the currency exchange rate, to focus on domestic prices and the purchasing power of the ruble. But how can our real sector enterprises follow the advice when they still have substantial, albeit limited, relations with the outside world? Therefore, I believe it's time to make some changes in this area.

And finally, in my opinion, we need a certain encompassing idea, a megaproject that would create a development vector for several decades.

LACK OF STRATEGY

Elena Lenchuk,
Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor Of Economics, Professor

I want to congratulate everyone, we are good prophets. Because in February 2018 we talked about what's in store for 2018. And in fact, everything we said

came true. No serious prerequisites for economic growth have been created. And, generally, we are currently in approximately the same situation.

Nevertheless, I want to talk about the May decree, it is lengthy, it sets ambitious tasks for the next political cycle connected with the improvement of the quality of life and the scientific and technological breakthrough. And it defines a number of ambitious indicators which are supposed to be tackled within the framework of the national projects. Today, the euphoria about achieving them within the framework of the national projects is beginning to dissipate, because all of them are mostly directed towards the social sphere. In fact, no such projects have been created for the real-sector economy, considering that growth rates and prerequisites for economic growth are formed in material production in the real sector of economy.

I believe it is important to emphasize that we are unable to fully define our goals, we can't exactly say what model we want to build and what structural and technological transformations we need. It seems that there is an intellectual crisis in the country, and we still cannot work out a long-term strategy of socio-economic development. All the deadlines have already been missed and still the government has nothing to offer. And this creates difficulties for private businesses, we know they do not invest, but they need some strategic guidelines. It seems to me that the issue of strategic planning and management is very important. And it is precisely the building of such a chain that could give us impetus and understanding of the direction in which we need to move in order to ensure economic growth.

ECONOMIC GROWTH IN AGRICULTURE IS CONCENTRATED IN APPROXIMATELY 20-25 PERCENT OF PRODUCERS.

BURDEN ON ECONOMIC GROWTH

Mikhail Ershov,
member of the Presidium of the VEO of Russia, Chief Director of Financial Research at the Institute of Energy and Finance, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, member of the Commission for Banks and Banking

Activities of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Doctor of Economics

As we understand, the Central Bank itself has recognized that the VAT increase is likely to be coupled with an increase in prices; the CB says it is likely to cause them to raise the rate again. This means that the current rate will increase again due to the VAT measures. It means that, on the one hand, we will have a higher tax as a burden for economic growth and, on the other hand, higher interest rates as another burden for economic growth. It is not consistent with the tasks set by the President to accelerate our growth. As for inflation, the absolute price level was 30 since 2014, when the ruble plummeted, and now it is 60; the prices, on average, have increased almost twofold for some positions. That is, a product which cost 100 rubles in 2014, now costs almost 200 rubles. This factor is hardly stimulating to me as a buyer. Even if the price dynamics has slowed down, the absolute level itself remains almost unreachable.

We know that the sanctions are not likely to strengthen the ruble, they will rather contribute to its weakening. We know that a low exchange rate is rather a factor undermining the investment base of both businesses and individuals, the household sector, because the demand will shrink. The cheaper the ruble, the less the demand. All those factors constrain the domestic demand, the most important mechanism that would have otherwise contributed to economic growth.

IS EVERYTHING OK IN THE AGRICULTURAL SECTOR?

Alexander Petrikov,
Director of the A. A. Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics, Academician of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the VEO of Russia

The agrarian industry is an island of relative prosperity. Obviously, a breakthrough has occurred in agriculture after all. That's the point. As regards agrarian policy, we did the opposite of what we generally did in economic policy. We took advantage of the fact we were entrusted with building our own agrarian policy. Firstly, since 2004 we have had access to cheap credit; there is a system of preferential and short-term investment loans. Secondly, a system of strategic planning and management was established in the industry long before the law was passed — the government program that has been in force since 2008 has been built not only at the federal level but has been adapted for the Russian Federation entities and split into separate government programs for individual entities and sometimes even for individual districts and enterprises. Thirdly, we have created a system of market competition in the agricultural sector. We recently conducted an agricultural census in 2016, the first one was conducted in 2006. So, during the period between the censuses the number of the country's agricultural organizations decreased from 59 to 36 thousand, by 23,000. Of the 284,000 farmers, only 174 remain, 110,000 farms less. Survival of the fittest. True, this process has great social costs. And, fourthly, we have established development institutions in agriculture. We have a special Agricultural Bank, we have Rosagroleasing with all its problems. Until recently, we had the Agricultural Academy, a separate institution, which more or less tried to bring innovation to agriculture.

But as regards potential, we have a lot of problems. The first problem

Mikhail Golovnin,
First Deputy Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

The Central Bank is obsessed with inflation targeting despite the fact that it has no practical foundation. There are many central banks with inflation targeting regimes in emerging

market countries that regulate the exchange rate. The exchange rate is indeed regulated in this country, but it's done via the budget rule and Ministry of Finance interventions. I would like to draw your attention to an important point — the economic institutions need to resume their roles for which they are intended. In addition to inflation, the Central Bank must regulate the exchange rate, and the Ministry of Finance should by and large deal with economic

growth, although it is quite reluctant to do so. And another very important point — for active implementation of growth policies it is necessary to use foreign currency restrictions.

is that economic growth in agriculture is concentrated in approximately 20-25% of agricultural producers. Second, we have not established industries that support agriculture, i.e. agricultural engineering, production of, say, pesticides and so on. Our microbiological industry has been destroyed. We have not created our own research and technology bases. And fourth, we have social problems, the aging of the rural population and a growing number of employees entering pre-pension and retirement age. We need to deal with these problems. I would offer the following slogan for the medium term in agriculture: from the policy of growth in agriculture we must transition to the policy of ensuring the quality of this growth, eliminating the imbalances that I mentioned.

pension age but somehow forgot to launch pension capital. And the complaints about long-term investments, long-term credit (and this model could, in principle, yield an additional 12 trillion rubles after 5-7 years) were completely ignored by the government. This is a growth resource, and it is missing. This is generally a breakdown of the logic of economic policy, of all the synergy of monetary, tax, budget and, in fact, structural reforms. This is the next year's main risk.

«WHAT ON EARTH ARE YOU DOING?»

Igor Nikolaev,
Director of the Institute of Strategic Analysis «Financial and Accounting Consultants», Professor at the Higher School of Economics, Doctor of Economics

Let me offer my three points on what is to be done or even, to some extent, what

is not to be done. First, the government needs to curb its fiscal interests in relation to citizens, I would put it this way. Because what I'm deeply concerned over what is happening now, to be honest. Look, with our real incomes declining over the last 4 years, there was hope that this year they will recover. But as we are receiving the November data, we see a drop of almost 3%. And it happened in the year when a lot of oil money was pumped into the public sector on the eve of the presidential election. And it is against this background that we decide on raising the retirement age. We know that people can recon how much money they will lose because of earlier retirement. We introduce a tax on self-employed. And, wherever you look you can see taxes: even baggage regulations have been tightened for shuttle traders, from 50 to 25 kilos, from 1,500 to 500 euros. Garden owners now have to make their payments through banks and should therefore pay commissions beginning from January 1. Parking fees, fines. That is, people are attacked from every direction.

«What on earth are you doing?», I want to ask. I would have understood if we had economic growth, if incomes grew. But this is not the case. In my opinion, this absolutely should not be done.

GAPS IN ECONOMIC POLICY LOGIC

Nikita Maslennikov,
Head of Finance and Economics of the Institute of Modern Development

What I think is quite clear: we have significant risks of breaking the logic of economic policy. One can always argue whether the inflation targeting and

floating exchange rate were launched correctly in 2014. But then that policy gradually evolved into budget consolidation, which immediately provides zones of government spending inefficiency, and it means, as our commander-in-chief likes to say, «addresses, passwords, and safe houses» for structural reforms.

In principle, a certain structural agenda was formed; the government's presence was to be slightly reduced, competition was to be introduced as widely as possible, human capital was naturally to be strengthened, structural maneuvers were to be performed in government spending, and so on and so forth. And eventually everything came to a standstill by the middle of the year, after a powerful and rousing call was made for national projects.

The fact that we may break the entire structural agenda can be easily traced by the fate of the so-called pension reform. They increased

Dmitry Sorokin,
Research Director at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Vice-President, Research Director of the VEO of Russia

In February 2002, the topic was as follows: «The year has ended. What's next?» I was then entrusted

with reading the opening report, and it was not by chance that I grabbed a quote from it which had been at the end of the report. «The year 2001 continued the trend which led to consolidation of, at best, the second echelon status of the Russian economy and so far nothing indicates the situation will change in 2002.» After our discussion, I have a feeling that the only thing that's left for me is to substitute the numbers in the transcript.

The second point: it is necessary not to increase, but reduce the tax burden. The tax on self-employed, higher VAT... We are increasing the tax burden at the time when it's not clear whether the economy is in crisis or whether there is some kind of growth or zero growth. This should not be done. Our own experience tells us so. We did quite well in 2009 when we reduced the income tax rate from 24% to 20%. If you look at other countries, they reduce taxes during such periods, and yet we are increasing them and at the same time boasting this year's budget surplus of over 2 trillion rubles. The question is, if you have such a surplus without increasing the VAT, why are you increasing it? Is the surplus of 2 trillion rubles too small for you? I don't understand.

And the third point. I believe economists should also discuss this: the problem of the sanctions must be solved. The government says: you, economists, should think up something for us, so that we end up among the world's top five economies ensuring the economic growth rate higher than the world average. And I say this will never happen so far as the sanctions are in place and are strengthened. In any case, we have analyzed the experience of other countries in this regard — such miracles never happen. Therefore, it would be fair if economists say such ambitious goals cannot be achieved under the sanctions. You, politicians, did not ask economists when you got the whole thing going. But economists are telling you now: you solve this problem, and only then those ambitious goals will be achieved.

WHY WE NEED GROWTH

Alexander Buzgalin,
Vice-President of the VEO of Russia, Director of the Institute of Socioeconomics of the Moscow University of Finance and Law, Professor Emeritus of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics

There is a very interesting question: why do we need growth? And what is needed: growth or development? I refer to the Nobel laureate

Stiglitz and the President of the Free Economic Society Professor Bodrunov you all know pretty well. Besides, there are many works by other authors that say: development and growth, my friends, are two very different things. There can be development without growth and, oddly enough, there can be growth without development.

What can be done without growth is to alleviate social inequality. If Russia should introduce a social model of the Scandinavian countries its social inequality will be sharply reduced even with the same gross domestic product. If we do not want yellow vest protests then in addition to very powerful police force with very powerful water cannons we need a solution to social problems. Because, as experience shows, even thousands of arrests do not always make those problems go away. We paid little or no attention to this topic today. Economists hate talking about it.

The next question, which I believe is of fundamental importance, is this: if we want economic development, and not just growth, it is fundamentally important what is growing and what is shrinking. We don't have to increase everything. And in order for us to have development, we need to ensure development priorities via a government program. A well-known point, it was mentioned several times here, and I am not afraid of this word — a five-year plan which rigidly fixes the rules of the game, including in the field of industrial policy. Specified sectors will enjoy low taxes for 5 years, cheap loans, particular volumes of government investment, plus a five-year government investment plan, plus a plan for state-owned companies. The owners will have the right to plan the activities of their companies. Generally speaking, state-owned companies should work for the state, and not for their own profits. The more so as the profit of a state-owned company and who gets it is a very interesting question.

And finally, I would like to say that if we accept such rules of the game, an active industrial policy, then instead of 12 national projects we will have a single plan adopted by parliament and approved by the president, which neither the president nor the parliament will be able to change without good reason. And in this case we will have a certain guarantee of strategic development towards strategic goals.

As a postscript, it can be said that, generally speaking, our goals are not defined. What are Russia's goals for the next 5 years, actual and clearly formulated goals, with priorities? Simply entering the top five by GDP is not a goal. It is a purely extensive quantitative growth indicator. I do not criticize the authorities, I criticize the theoretical

Vasily Bogoyavlensky,
Deputy Director of the Institute of Oil and Gas Problems of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences

We export 75% of liquid hydrocarbons, and consume 25%. As for gas, we consume more, 70%, and sell 30%. In Soviet times, we sold 30% of oil. That is, we absolutely work for the West. The hope that we would be able to get off the oil needle did not materialize at all. The reliance on the decline in the share

of oil and gas exports, perhaps on account of weapons and agricultural produce, is not justified. We have a direct dependence on the price of hydrocarbons. When the price goes up, the economy goes up as well. There are some regions of growth. You know that the Yamal LNG plant has been launched, the third process train is already in operation, so everything is going smoothly in this regard. Freight flows are constantly growing. In fact, everything is going more or less according to plan, as it was planned for 5-7 years ago.

The situation with import substitution in our industry is still bad. I visited most of

the platforms and installations. A purely visual inspection suggests that approximately 80% of the equipment is foreign made. In some cases, even 100%. The LNG plant is successfully operating on imported equipment. Now the next plant is being launched. A terminal has been built for reception and regasification. Moored to the terminal is a floating plant in the Kaliningrad region, not of Russian make either.

approach of some of the economists. Therefore, I would put an ellipsis here and ask my distinguished colleagues to somehow raise the question of goals of socio-economic development, and I repeat, socio-economic development, the question of whether we need sufficiently deep reforms or should we leave everything as it is, because any change is dangerous. And after that it will be possible to discuss the means and methods. Because when we speak about the interest rate, about financing, about taxes, we discuss tactical means. But our strategy is in fact completely unclear.

TOO MUCH MONEY AND NO INVESTMENT

Sergey Bodrunov,
President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S. Yu. Witte Institute of New Industrial Development, expert of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor.

WE SPEAK ABOUT THE INTEREST RATE, ABOUT TAXES, WE DISCUSSES MEANS, BUT THE STRATEGY IS COMPLETELY UNCLEAR.

I believe we have two problems. Too much money and no investment. We never solved those two problems in a normal way. Hence, the inefficiency of the current economic model (I emphasize, not the model that has been developed but the one that has evolved on its own), and the ineffectiveness of state management of the economy.

The President says we need to join the big league, create a different quality of the economy. And he offers national projects as tools. It seems to me that it would be correct to formulate a large-scale project for 20-30 years ahead. Few people seem to notice that one of the most important goals in the decree is overcoming Russia's technological backwardness. And if we are unable to solve this problem, we will not be able to solve social and economic problems either, because a new technological mode based on those new technologies is ahead of us. Unfortunately, it has not been reflected either in projects or in any financial decisions, and so on and so forth.

Second. Due to the fact that no work is being done on the model, it is not clear how to manage and what managers to look for, we have what I would call an extremely cautious economic policy: «just in case, let us stock up on something else and wait for the economy to balance itself, to achieve sustainability and to gradually develop.» There is no need to talk about any breakthrough in this case. It seems to me that in order for us to realize it is necessary to develop Russia's technological base, we need the determination and the will to change the situation. Determination of our government agencies, ministries, and departments, and our won resolve as scholars and specialists. Specialists should be constantly speaking their mind and should eventually change the trajectory of our development in order to prioritize financing of technological development as it's what's important today.

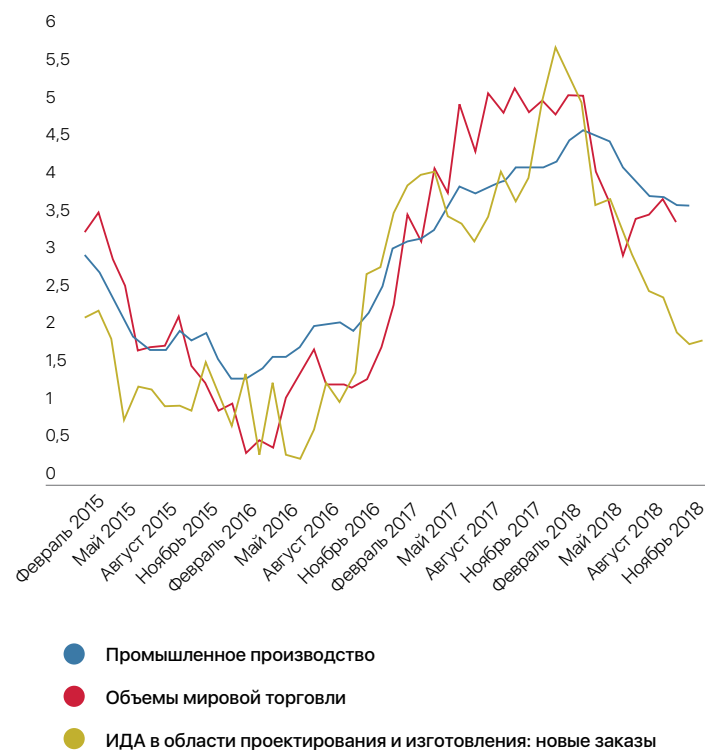
ЭКОНОМИКА 2018 ГОДА ГЛАЗАМИ ЭКОНОМИСТОВ МВФ

Глобальная экономика начала 2018 год на оптимистической ноте, чему способствовал подъем мирового производства и торговли на протяжении 2017 года. По мере утраты инвесторами уверенности в глобальных экономических перспективах замедлялся и подъем.

Замедление

После быстрого роста в 2017 году промышленное производство и торговля сбавили темпы, а доверие бизнеса пошатнулось.

(Процент изменения; отклонение от 50 по Индексу деловой активности)

Источники: CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis; Haver Analytics и Market Economics.

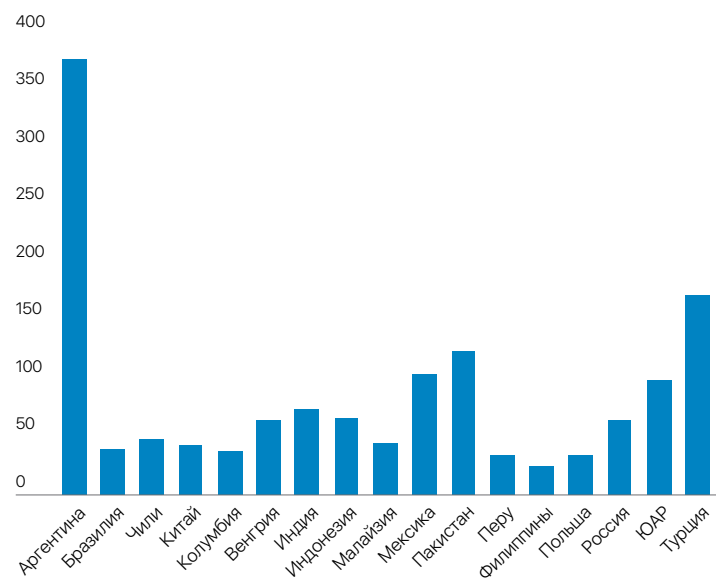
Примечание: ИДА = индекс деловой активности. Значение ИДА свыше 50 подразумевает расширение хозяйственной деятельности, а значение ИДА ниже 50 подразумевает ее сокращение. Промышленное производство и торговля показаны в виде трехмесячного скользящего среднего значения процентного изменения по сравнению с прошлым годом.

Некоторые уязвимые страны с формирующейся рыночной экономикой столкнулись с трудностями, поскольку курс доллара США вырос, а уровень риска, который готовы были принять на себя мировые финансовые инвесторы, снизился. В большинстве из этих стран наблюдается рост затрат на внешние займы, но масштабы этого роста сильно различаются.

Повышение расходов на займы

За последние 12 месяцев произошло расширение спредов, но на разные величины.

(Изменения в базисных пунктах; с 31 декабря 2017 года по настоящее время)

Источник: Thomson Reuters Datastream.

Примечание: ИОРС = индекс облигаций развивающихся стран Дж. П. Моргана. Спред — превышение доходности ИОРС над доходностью казначейских бумаг США со сравнимым сроком погашения.

Несмотря на эти действия, экономика США в 2018 году росла быстрыми темпами, поскольку снижение налогов и увеличение расходов стимулировали спрос. В результате Федеральный резерв США продолжает повышать процентную ставку.

Постепенное увеличение

Ставки рефинансирования США устойчиво растут, и ставки по 10-летним облигациям тоже растут, но в меньшей степени.

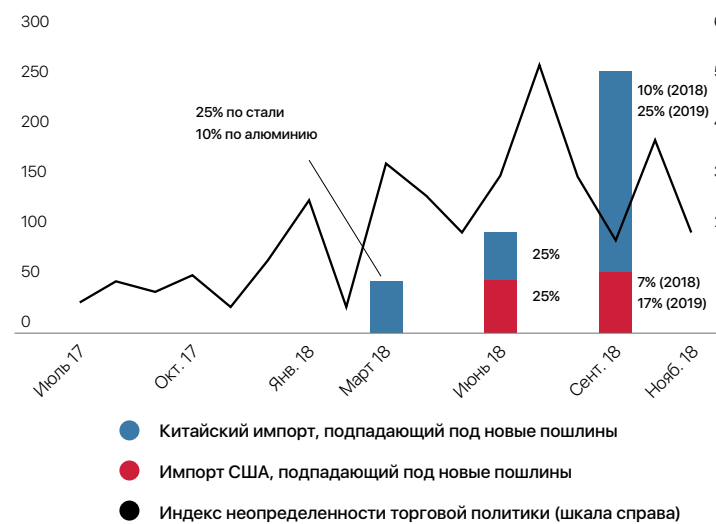
Источник: Haver Analytics

Одной из причин снижения темпов является введение пошлин крупными экономическими игроками, особенно Соединенными Штатами, а также ответные меры, принятые другими странами, в том числе Китаем. Усиление протекционистской риторики в сфере торговли привело к росту неопределенности в торговой политике, что сказывается на будущих инвестиционных решениях.

Напряженность в торговле

Масштабные торговые войны способствуют росту неопределенности в области торговой политики.

(млрд долл. США)

Источник: Baker, Bloom and Davis (www.PolicyUncertainty.com).

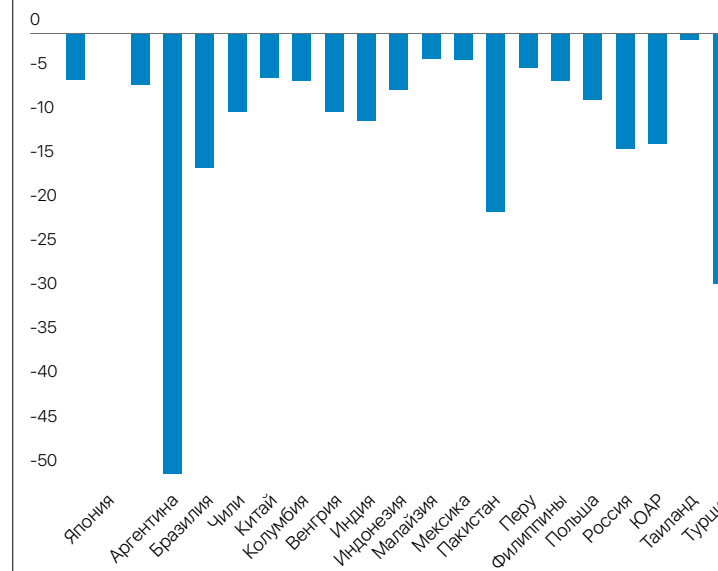
Note: Столбцы выражают стоимость импорта, подпадающего под объявленные пошлины, в млрд долл. США. Обозначения указывают на размер пошлины, действующей в отношении импорта.

Поскольку Соединенные Штаты опережают другие крупные страны по темпам роста и размерам процентных ставок, в 2018 году доллар США укрепился по отношению к большинству других валют.

Сильнее других

Сильная экономика США и более высокие процентные ставки укрепляют доллар США.

(номинальный обменный курс против долл. США, в процентах; с 31 декабря по настоящее время)

Источник: расчеты работников МВФ.

МИРОВОЙ ПОДЪЕМ ЗАМЕДЛИЛСЯ.

Мировой рост в 2018 году, по оценке, составил **3,7 процента**,

как и прогнозировалось в октябрьском выпуске доклада «Перспективы развития мировой экономики» (ПРМЭ) 2018 года, несмотря на более низкие темпы в некоторых странах, в частности странах Европы и Азии.

По прогнозу, рост мировой экономики составит **3,5 процента**

в 2019 году и **3,6 процента**

в 2020 году, что на 0,2 и 0,1 процентного пункта ниже, чем прогнозировалось в октябре прошлого года.

(Доклад МВФ о перспективах 2019 г.)

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ — СТРАТЕГИЯ ПРОТИВ САНКЦИИ

Если проводить аналогию с человеческим организмом, инвестиции сравнимы с кровью, обеспечивающей жизненно важные органы кислородом. В настоящее время российская экономика нуждается в инвестициях. Все осознают необходимость привлечения инвестиций на федеральном и региональном уровне, делают многочисленные попытки для реализации данной цели.

Ильдар Юнусов,

доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева, к. э. н.

Ленар Юнусов,

профессор МГИМО МИД России, академик Международной академии менеджмента, д. э. н.

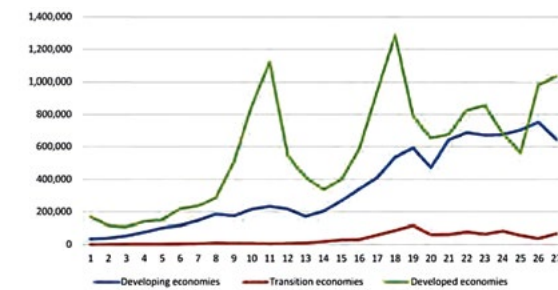
Альгирдас Манюшис,

член Правления ВЭО России, первый проректор Московского международного университета (ММУ), заслуженный работник Высшей школы РФ, д. э. н., профессор

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ В РЕЙТИНГАХ И РЕАЛЬНОСТЬ

Важнейшим фактором привлечения инвестиций в экономику любого государства и региона является его привлекательность для ведения бизнеса. Привлекательность, в свою очередь, отражается в рейтингах. Одним из авторитетных рейтингов, который учитывают потенциальные инвесторы, является рейтинг Всемирного банка Doing Business. В 2019 году у России — 31-е место, но выше стоят и Азербайджан, и Казахстан, и Руанда. Поэтому, а в большей степени и не поэтому, из того скромного потока инвестиций, который распределяется по миру, России, к сожалению, достается почти ничего.

В 2017 году ЮНКТАД опубликовал доклад, в котором отмечается, что мировые инвестиции демонстрируют скромный рост и внушают сдержанный оптимизм. Ожидалось, что глобальные инвестиционные потоки вырастут почти до 1,8 трлн долларов в 2017 году и до 1,85 трлн долларов в 2018-м. Однако эти показатели даже не достигли уровня 2007 года. Этому оживлению могут помешать политическая неопределенность и геополитические риски, а также изменения в налоговой политике, которые могут серьезно отразиться на международных потоках инвестиций.

В топ-10 инвестиционно привлекательных государств вошли (в млрд долларов):

- Китай — 144;
- Гонконг (КНР) — 85;
- Нидерланды — 68;
- Ирландия — 66;
- Австралия — 60;
- Бразилия — 60;
- Сингапур — 58;
- Франция — 50;
- Индия — 45.

Нестабильными остаются инвестиционные потоки в страны со структурно слабой и уязвимой экономикой. Приток инвестиций в наименее развитые страны упал на 13%, до 38 млрд долларов. Аналогично этому приток в малые островные развивающиеся государства сократился на 6%, до 3,5 млрд долларов, в то время как приток ПИИ в не имеющие выхода к морю развивающиеся страны оставался стабильным на уровне 24 млрд долларов. После впечатляющего роста в предыдущем году приток инвестиций в развитые страны продолжал увеличиваться: они выросли на 5%, до 1 трлн долларов.

Сокращение ПИИ в Европе с избытком компенсировалось их увеличением в Северной Америке и значительным ростом в других развитых странах. Доля развитых стран в глобальном притоке ПИИ увеличилась до 59%.

После двухлетнего резкого спада потоки ПИИ в страны с переходной экономикой практически удвоились, до 68 млрд долларов. Этому способствовали крупные приватизационные сделки и рост инвестиций в горнодобывающие проекты. Сильное влияние на глобальные тенденции в сфере ПИИ оказывали крупнейшие экономические группировки, такие как «двадцатка» и АТЭС. Приток инвестиций в страны «двадцатки» впервые достиг рекордного 1 трлн долларов. В некоторых группировках все более важную роль начинают играть потоки ПИИ между членами.

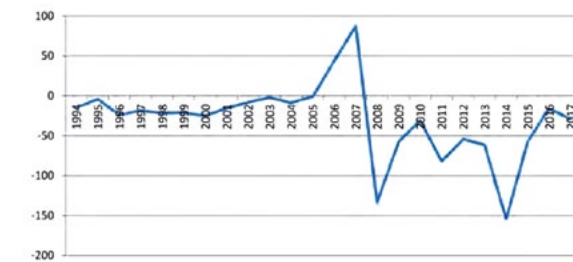
ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЗИЦИЯ

Рейтинг инвестиционной привлекательности субъектов РФ [8]

	Наименование	Дата актуализации	Уровень рейтинга	Статус
1	Москва	24.11.2017	IC1	Подтвержден
2	Санкт-Петербург	24.11.2017	IC1	Подтвержден
3	Белгородская область	24.11.2017	IC2	Повышен
4	Ленинградская область	24.11.2017	IC2	Повышен
5	Московская область	24.11.2017	IC2	Подтвержден
6	Республика Татарстан	24.11.2017	IC2	Подтвержден
7	Сахалинская область	24.11.2017	IC2	Подтвержден
8	Ямало-Ненецкий автономный округ	24.11.2017	IC2	Присвоен
9	Амурская область	24.11.2017	IC3	Повышен
10	Воронежская область	24.11.2017	IC3	Повышен

В целом чистая международная инвестиционная позиция Российской Федерации выросла за 9 месяцев 2017 года с 222,1 млрд до 271 млрд долларов США вследствие опережающего роста иностранных активов по сравнению с иностранными обязательствами.

Притоки ПИИ в экономику РФ нельзя оценить однозначно. Рекордным считается 2008 год, когда притоки ПИИ составили 75 856 млн долларов США. Однако после кризиса 2008 года наблюдалось снижение ПИИ, что сопровождалось также оттоками капитала.

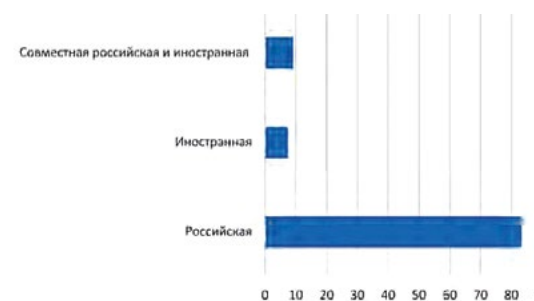
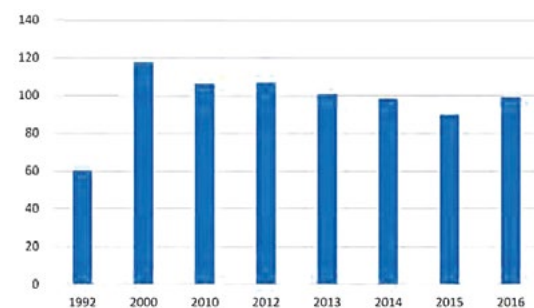

РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ ИНВЕСТИРУЮТ В СЕБЯ?

Доля развитых стран в глобальном притоке ПИИ увеличилась до 9%.

В 2008-м чистый отток капитала составил 133,6 млрд долларов США. Однако рекордным можно считать 2014 год — 154,1 млрд долларов США. Приток ПИИ в 2014 году показал низкое значение — 29 152 млн долларов США. Данное обстоятельство негативно сказывается на привлечении инвестиций в основной капитал. Экономическое положение в стране трудно назвать стабильным и тем более выходящим из кризиса. Как видно на рисунке, приток инвести-

ций в основной капитал по-прежнему остается отрицательным. После введения санкций против России в 2014 году, в 2015-м падение инвестиций в основной капитал составило 10,1%, в 2016-м по сравнению с 2015-м — 0,9%.

**МАЛЫЕ ПРИБЫЛИ
— МАЛО
ИНВЕСТИЦИЙ**

Производительность труда в РФ остается на низком уровне, что не позволяет обеспечить рост прибыльности предприятий.

ИНВЕСТИРУЕМ САМИ

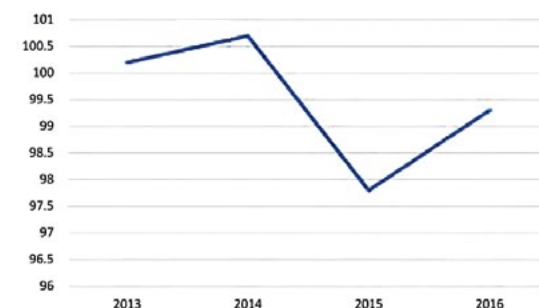
Анализ инвестиций в основной капитал по формам собственности в 2016 году показывает, что доминировала российская собственность. При этом по источникам финансирования структура инвестиций выглядела следующим образом:

- собственные средства — 50,9;
- привлеченные средства — 49,1 из них;
- из федерального бюджета — 9,3;
- из бюджетов субъектов Российской Федерации — 6.

Как видно, основную часть инвестирования в основной капитал составили собственные средства предприятия.

В 2016 году наблюдалась закрепованность пред-

приятий в РФ. Также отмечался рост просроченной задолженности. По сравнению с 2007 годом в 2016-м кредиторская задолженность выросла в 3,7 раза, а просроченная задолженность за аналогичный период — в 3,2 раза. Рост закрепованности российских предприятий ограничивает инвестиции в основной капитал. Производительность труда в РФ остается на низком уровне, что не позволяет обеспечить рост прибыльности предприятий. По экспертным оценкам, производительность труда в 2017 году оценивается в 24 доллара США. В США данный показатель составляет 60 долларов. В условиях отсутствия макроэкономической стабильности весьма актуальным для каждого региона РФ является формирование доходной части бюджетов.

как дела В РЕГИОНАХ?

Среди 86 субъектов РФ, учитываемых Федеральным казначейством, 29 субъектов завершили 2016 год с профицитом своих консолидированных бюджетов. Общая сумма профицита составляет 189 млрд рублей. Среди регионов с профицитом лидерами выступили:

- г. Москва — 115,6 млрд рублей;
- Республика Башкортостан — 10,1 млрд рублей;
- Московская область — 8 млрд рублей.

На данные регионы в общей сложности приходится более 70% суммарного профицита бюджетов регионов РФ. Как видно из данных, лидирующее положение занимает Москва (60,2% от суммарного профицита бюджетов регионов РФ). Негативное

положение в экономике РФ демонстрирует доминирующее число регионов с дефицитом регионального бюджета. В 2016 году в 57 регионах РФ наблюдался дефицит консолидированного бюджета. Дефицит консолидированного бюджета, который учитывает Федеральное казначейство, достиг показателя 201,6 млрд руб. Среди лидеров с дефицитом консолидированного бюджета выделяются:

- г. Санкт-Петербург — 19,3 млрд рублей;
- Красноярский край — 15,2 млрд рублей;
- Республика Крым — 14,6 млрд рублей.

Средний размер дефицита бюджета всех остальных регионов составил 2,8 млрд рублей.

Погашение дефицита региональных бюджетов осуществлялось посредством следующих инструментов:

- привлечения бюджетных кредитов;
- выпуска ценных бумаг;
- кредитов банков;
- продажи госсобственности.

Основным источником для покрытия дефицита консолидированных бюджетов большинства регионов были бюджетные кредиты. В целом по РФ объем чистого привлечения средств посредством подобных кредитов в 2016 году составил 181,6 млрд рублей. Получателями бюджетных кредитов выступают регионы с дефицитом, а также с профицитом бюджета. К примеру, в 17 из 29 регионов, бюджет которых был исполнен с профицитом, объем чистого привлечения бюджетных кредитов был положительным и составил в общей сложности 59,3 млрд рублей. Значительный объем привлечения бюджетных кредитов позволил регионам сократить привлечение средств из других источников, таких как кредиты банков, выпуск ценных бумаг и т. д. Во многих регионах по итогам 2016 года наблюдалось увеличение остатков средств на счетах. В целом по РФ этот прирост составил 78,2 млрд рублей. Еще одним инструментом финансирования дефицита бюджета является выпуск ценных бумаг. В целом по РФ объем чистого привлечения средств посредством выпуска государственных и муниципальных ценных бумаг (разница между объемом размещения и объемом погашения в течение года) составил в 2016 году 32 млрд рублей. Общий объем размещения составил 160,5 млрд рублей, а объем погашения — 128,5 млрд рублей.

СИСТЕМНО РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СРЕДСТВ ДЛЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ НЕВОЗМОЖНО ПРИ НЫНЕШНЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

При этом средства на публичном долговом рынке в 2016 году 22 субъекта РФ разместили государственные и муниципальные бумаги. Лидерами по объемам размещения в рублях в 2016 году выступили:

- Московская область — 25 млрд рублей;
- Ямало-Ненецкий АО — 20 млрд рублей;
- Красноярский край — 18,2 млрд рублей;
- Нижегородская область — 10 млрд рублей;
- Самарская область — 10 млрд рублей.

В целом по регионам РФ в 2016 году происходило чистое погашение кредитов кредитных организаций: объем погашения задолженности превысил объем привлечения кредитов на 102,6 млрд рублей в рублях и на 28,2 млрд рублей в иностранной валюте. Основной объем операций приходится на рублевые кредиты. Операции по погашению кредита в иностранной валюте были реализованы в 2016 году исключительно бюджетом г. Москвы. В 32 субъектах РФ в 2016-м наблюдалось увеличение задолженности по кредитам — их суммарная задолженность увеличилась на 75,3 млрд рублей.

Суммарно три региона РФ в 2016 году привлекли кредитов более 100 млрд рублей. В качестве «мастодонтов» по привлечению кредитов в 2016-м выступили Нижегородская, Свердловская и Омская области.

Исключением по операциям с кредитами выступили 9 регионов РФ:

● г. Москва;	● Чукотский АО;
● г. Санкт-Петербург;	● Тюменская область;
● г. Севастополь;	● Чеченская Республика;
● г. Байконур;	● Республика Ингушетия.
● Республика Крым;	

Важным инструментом по привлечению средств финансирования бюджетного дефицита являются поступления от реализации акций и других форм участия в капитале организаций, находящихся в государственной и муниципальной собственности, в целом

по регионам РФ в 2016 году они составили только 6 млрд рублей. Продажа акций и других форм участия в капитале проводилась в 62 регионах РФ. В Москве средства от продажи акций и других форм участия в капитале организаций в государственной и муниципальной собственности составили только 248,7 млн рублей. Следует отметить, что приватизация госпредприятий практически не является самым популярным для покрытия дефицитов бюджетов в регионах.

ЧТО МЕШАЕТ НОРМАЛЬНЫМ ИНВЕСТИЦИЯМ?

Среди факторов, отрицательно влияющих на инвестиции в основной капитал, можно выделить:

- отток капитала из экономики РФ;
- санкции против экономики РФ;
- снижение доли прибыльных организаций;
- закрепованность российских предприятий;
- низкая производительность труда.

Несмотря на некоторые оптимистические прогнозы по экономической ситуации в РФ, их реализация вызывает сомнения, в том числе из-за низкого уровня инвестиций в основной капитал. К сожалению, тенденций оживления этих инвестиций в ближайшее время не наблюдается. Об этом свидетельствует, в частности, то, что с 2014 года по настоящее время Правительство РФ реализует программу заморозки накопительной части пенсионных отчислений. Пенсионные накопления являются одним из основных источников так называемых длинных денег. Иначе говоря, пенсионные отчисления являются одним из источников инвестирования в основной капитал. Кроме того, в экономике РФ доминирует спекулятивный капитал. Об этом свидетельствует то, что основными иностранными инвесторами выступают «офшорные» государства.

В целом, к сожалению, следует сделать вывод, что системно решить проблему привлечения средств в целях инвестирования в основной капитал при нынешней экономической политике государства не представляется возможным.

ЗАЧЕМ ЗАМОРОЗИЛИ?

Пенсионные накопления могли стать одним из основных источников так называемых длинных денег.

ПЛАНЫ «НЕПЛАНОВЫХ» ЭКОНОМИК

Лидеры планируют локализовать промышленность

Даже экономики с абсолютно рыночной структурой не живут без плана. Нет никакой невидимой руки рынка: и Франция, и Великобритания, и Германия, и другие развитые страны имеют свои стратегии роста. Они проектируют цепочки создания добавленной стоимости по секторам экономики и туда направляют все возможные меры государственной поддержки.

— Мы только сейчас приходим к осознанию необходимости такого планирования, потому что президент поставил задачу обеспечить темпы экономического роста выше среднемировых, — прокомментировала директор Института экономики роста им. П. А. Столыпина Анастасия Алехнович.

Разработкой такой стратегии сегодня занимается и Столыпинский институт. Чтобы документ максимально отвечал требованиям времени, специалисты проанализировали опыт других стран. Оказалось, что авторы всех изученных стратегий придерживаются единого мнения о том, что ускорение темпов экономического роста возможно в случае локализации всей цепочки создания добавленной стоимости на территории страны и роста производительности труда. Особая роль уделяется цифровизации, поскольку она дает возможность повысить эффективность большинства секторов экономики.

Так, промышленная стратегия Великобритании в первую очередь направлена на развитие технологий искусственного интеллекта, машинного обучения и больших данных. По экспертным оценкам, к 2030 году вклад этого сектора в экономику страны составит 232 миллиарда фунтов стерлингов. Искусственный интеллект в стремительно стареющей стране рассматривают как естественный источник повышения производительности труда во всех секторах экономики.

Кроме того, в Великобритании всерьез озаботились привлечением квалифицированных кадров, в том числе и «перекачкой мозгов» из других стран. Так, 45 миллионов фунтов стерлингов будет выделено Институту Алана Тьюринга на развитие программ PhD (аналог российской аспирантуры) в «цифровых» отраслях. 406 миллионов фунтов стерлингов планируется вложить в развитие программ математического, цифрового и технического образования.

На создание национальной системы переподготовки кадров выделят еще 64 миллиона фунтов стерлингов.

Стратегия Франции тоже провозглашает приоритет экономики данных. В документе прописаны семь ключевых областей, на поддержку которых будет нацелена экономическая политика государства в ближайшие годы. Это, в частности, цифровые технологии и интернет вещей, технологии дополненной реальности и робототехника, аддитивное производство, создание новых композитных материалов, автоматизация производств, энергетическая эффективность и другие. Бизнесу на адаптацию в новых условиях хозяйствования планируется выделять льготные кредиты — на них уже выделено 719 миллионов евро. А чтобы поощрить предпринимателей вести научные исследования и внедрять новые разработки, планируется ввести налоговые льготы.

Приоритетными секторами в экономической стратегии Канады названы обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, медицина, «зеленые» технологии, цифровая экономика и ресурсы будущего. Для развития промышленности канадские экономисты советуют властям упростить механизмы инвестирования, создавая якорные предприятия и укрепляя международную кооперацию, координировать работу академического сообщества и производителей новых продуктов, чтобы снизить затраты на их внедрение, привлекать и обучать новых специалистов и обеспечить «гиперрост» перспективным предприятиям малого и среднего бизнеса.

Стратегический план развития Германии ставит на наращивание связей между академическим сообществом и производителями, привлечение иностранных экспертов и ученых, поддержку малого и среднего бизнеса и улучшение условий для частных инвестиций в исследования и разработки. Власти страны отдают себе отчет в том, что необходимо уси-

АВТОРЫ ВСЕХ ИЗУЧЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ПРИДЕРЖИВАЮТСЯ ЕДИНОГО МНЕНИЯ О ТОМ, ЧТО УСКОРЕНИЕ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ВОЗМОЖНО В СЛУЧАЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВСЕЙ ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ И РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

ливать механизмы защиты интеллектуальной собственности, поддерживать инновационную промышленность госзаказами, совершенствовать систему электронного правительства для облегчения доступа предпринимателей и граждан к госуслугам.

Стратегия Китая, пожалуй, самая амбициозная среди всех проанализированных российскими учеными. Так, если документы других стран базируются на темпах роста ВВП от 1,4 процента в Германии до 2 процентов в Великобритании, то Китай ставит перед собой цель достигнуть к 2020 году показателя 6,3 процента. Но тут, что интересно, построение киберэкономики лишь на третьем месте в числе приоритетных направлений социально-экономического развития. Первые две позиции занимают модернизация сельского хозяйства и оптимизация промышленной системы. Это объяснимо, ведь еще десять лет назад большая часть населения в этой стране могла позволить себе мясо лишь по праздникам, а в промышленности господствовал неквалифицированный ручной труд. Теперь улучшение качества жизни населения — это одна из основных задач, прописанных в «Пятилетнем плане социально-экономического развития Китая на 2016–2020 годы».

По словам Анастасии Алехнович, именно опыт Китая больше других подошел бы России при подготовке документа о стратегическом планировании. «Для равнения на Великобританию или Германию мы слишком отстали по показателю валового национального продукта (ВВП) на душу населения. Пока мы не выйдем на определенный уровень ВВП, нет смысла слепо копировать их модели развития, но надо их учитывать. Мы сейчас по поручению президента готовим такую стратегию. Она будет представлена ему в марте этого года», — прокомментировала Алехнович.

Текст: Надежда Толстоухова

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КНИГА ГОДА

Это новый проект Вольного экономического общества России. На протяжении всей своей истории, особенно дореволюционной, ВЭО внимательно изучало хозяйственную литературу России и в своих изданиях большой раздел отводило и сейчас отводит подробному обзору книг. Теперь эта работа вылилась в ежегодную общественную премию. В этом году победителями стали три книги.

НИКИТА ДЕДНОВ, ГЕННАДИЙ БОРДЮГОВ, ЕКАТЕРИНА ЩЕРБАКОВА.
ИНТЕГРИРОВАННЫЙ УЧЕБНЫЙ КОМПЛЕКС В ДВУХ ТОМАХ «ИСТОРИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИСТОВ», ПОД РЕДАКЦИЕЙ АЛЕКСАНДРА НЕКИПЕЛОВА И СЕРГЕЯ КАТЫРИНА

Сергей Катирин,
президент ТПП РФ

Мы очень рады, что двухтомник, посвященный экономической истории, стал одним из лауреатов. Наш творческий коллектив действительно очень серьезно работал. Хочу сказать, что нам, конечно, не 250 лет (Торгово-промышленной палате России всего 100 лет), но в последние годы мы очень часто обращаемся к истории не только страны, а прежде всего к той роли, которую играла Торгово-промышленная палата в разные периоды истории России: Советского Союза, нынешней России. Я бы хотел сказать, конечно, в профессиональной деятельности Торгово-промышленной палаты практически ни одна дискуссия не проходит без экономистов. Мы очень тесно связаны с Вольным экономическим обществом, с Академией наук. У нас практически на каждой дискуссии присутствуют ведущие экономисты страны. Мы стараемся внимательно следить за развитием событий в экономической науке, слушаем их наяву, приглашаем для выступлений, для дискуссий. Я хочу поздравить всех, кто сегодня получил заслуженные награды, пожелать им успеха. Я надеюсь, что в будущем году мы номинируем тех коллег из российских регионов, которые с нами работают и которые заслужат право участвовать в таком конкурсе.

Александр Некипелов,
академик РАН, директор МШЭ МГУ

Что это за книга? Что это за комплекс учебный? Название очень точное — это история экономистов, то есть это не экономическая история в прямом смысле слова, хотя, конечно, влияние экономическое вопросам большое уделяется. Это, конечно, тем более не история экономических учений, хотя в книге есть, разумеется, упоминание о ведущих экономических мыслителях. Это именно история, которой должен, по мнению автора, и я с ним здесь солидарен, владеть каждый грамотный экономист, если он претендует на то, что способен пользоваться не только неким техническим инструментарием, но и понимать особенности того предмета, исследованию, которыми экономисты-теоретики заняты. Поэтому еще раз большое спасибо, нам очень приятно, что вот этот замысел наших коллег получил такую высокую оценку.

АБЕЛ АГАНБЕГЯН.
«ФИНАНСЫ, БЮДЖЕТ И БАНКИ В НОВОЙ РОССИИ»

Абел Аганбегян,
академик РАН

Это плод длительной работы. Я — больше макроэкономист и попытался с этих позиций взглянуть на финансы. Я думаю, что вы согласитесь, что роль финансов сейчас совсем другая, чем была несколько десятилетий назад. Это колоссальная сфера, от которой зависит и развитие экономики, и развитие социальной сферы. К сожалению, в нашей стране, которая еще не завершила переход фактически к цивилизованному рынку, где не сложилась пока какая-то цельная социально-экономическая новая система в противовес той, которая была у нас, финансы — одна из самых отстающих сфер. Если по уровню экономического развития (это валовой продукт на душу населения), мы в мире занимаем 45-е место, по уровню реальных доходов — примерно 55-е место, то по уровню финансов международный наш рейтинг —

107-е место. Это одна из самых отсталых сфер нашей экономики. У нас очень низкий объем монетаризации, очень небольшая доля банковских активов в валовом продукте, втрое меньше, чем в развитых странах. Мы очень сильно отстаем по объему инвестиций, по количеству длинных денег. Мы не создали финансовые механизмы экономического роста, поэтому уже 27 лет фактически топчемся на месте. Мы выростили за борт наше огромное преимущество планирования, которое на вооружение взяли многие капиталистические страны: Франция, Южная Корея, Китай, Индия и многие другие. Не создали, к сожалению, рынка капитала, не создали настоящей конкурентной среды, не создали рыночного мощного механизма развития. Я с этих позиций рассмотрел финансовую систему и попытался обобщить то, о чем многие писали и говорили.

АЛЕКСАНДР БУЗГАЛИН, АНДРЕЙ КОЛГАНОВ, ОЛЬГА БАРАШКОВА.
«КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ»

Александр Бузгалин,
вице-президент ВЭО России, директор Института социологии МФЮУ, почетный профессор МГУ

То, что эта премия сейчас вручается авторам книги «Классическая политическая экономия», — это результат возросшего уважения к классическому наследию. Хотя сегодня этот курс читается довольно редко (в Московском, Питерском и еще нескольких университетах), но этот курс является базовым в Китае. Этот курс читается во многих университетах Штатов и Европы. Мы очень надеемся, что он вернется и даст знания о том, как устроено это общество, почему оно развивается так, а не иначе, какие интересы в нем присутствуют, молодому поколению да и старшему, которое уже про это забыло. Авторский коллектив решил, что денежная часть премии будет использована для развития преподавания, изучения классической политической экономии.

НОВИНКИ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

ЭКСЛИБРИС

АДАМ ТУЗ.
ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ. СОЗДАНИЕ И ГИБЕЛЬ НАЦИСТСКОЙ ЭКОНОМИКИ.
М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА, 2018. 864 с.

Ключевое место во всех описаниях Второй мировой войны занимало представление о нацистской Германии как о неукротимом монстре, опиравшемся на высокоиндустриализованную экономику. Но что если на самом деле все было совсем по-иному? Что если корни европейской трагедии XX века скрывались не в силе Германии, а в ее слабости? Из-под пера Адама Туза вышло радикально новое описание Второй мировой войны. Автор добился этого, уделив ключевое внимание экономике, наряду с расовыми отношениями и политикой. Принципиальную роль в мировоззрении Гитлера играло интуитивное понимание глобальных экономических реалий. Он догадывался, что относительная бедность Германии в 1933 году была обусловлена не только Великой депрессией, но и ограниченностью территории и естественных ресурсов страны. Он предвидел становление нового, глобализованного мира, в котором Европа будет задавлена сокрушительной мощью Америки.

Оставался последний шанс: европейское сверхгосударство во главе с Германией. Однако глобальный баланс экономической и военной силы с самого начала складывался совершенно не в пользу Гитлера, и именно с целью предупредить эту угрозу с Запада он бросил свои недооснащенные армии на беспрецедентное и в конечном счете обернувшееся крахом завоевание Европы. Даже летом 1940 года, в момент величайших триумфов Германии, Гитлеру все равно не давала покоя нависающая над миром угроза англо-американского воздушного и морского господства, за которым, по его убеждению, стоял всемирный еврейский заговор. Как только вермахт вступил на территорию СССР, война быстро превратилась в битву на истощение, не оставлявшую Германии надежд на победу. Из-за нежелания Гитлера, Альберта Шпеера и прочих признать это, Третий рейх был уничтожен ценой десятков миллионов жизней. В книге Адама Туза читатель найдет захватывающий и ужасающий рассказ о потрясающих событиях, который заставляет нас новыми глазами посмотреть на нацистскую Германию и Вторую мировую войну.

ИРИНА АРХАНГЕЛЬСКАЯ.
ЗОЛОТОЙ ЗАПАС ИМПЕРИИ. О КАПИТАЛЕ, КОММЕРЦИИ И ДЕЛОВОЙ ЖИЗНИ РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА.
М.: БОСЛЕН, 2018. 176 с.

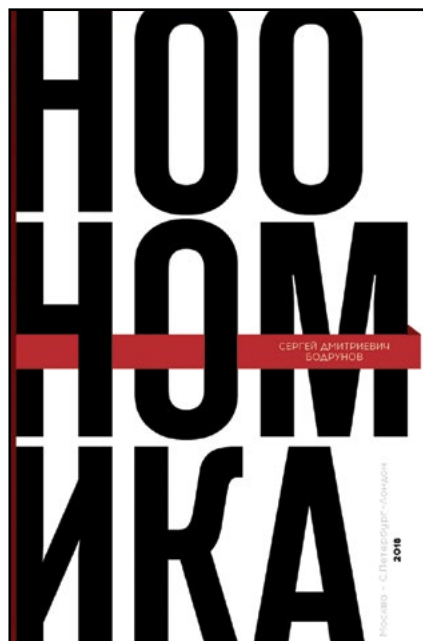
Эта книга о структурах — товариществах, банках, биржах, страховых обществах, выставках как элементе рекламы — и основных экономических сферах — таких как промышленность, торговля, финансы, сельское хозяйство, пути сообщения, в которых деньги традиционно обращаются. А еще эта книга о людях — государственных деятелях и частных предпринимателях, которые деньгами управляют! Необычное историко-популярное издание (путеводитель, справочник и альбом), в котором время оживает.

Вторая половина XIX века — эпоха Великих реформ в России. Крепостное право становится историей, страна с огромными возможностями начинает движение по пути капиталистической модернизации своей экономики. В начале XX века Россия прочно утверждается на пятом месте в мире по абсолютным размерам промышленного производства. Обращаясь к многочисленным профильным источникам, заметное место среди которых занимает периодическая печать, И. Архангельская представляет наполненную событиями, фактами, цифрами картину экономической жизни старой России и знакомит читателя с ценным деловым опытом прошлого.

РАЙНЕРТ ЭРИК С.
КАК БОГАТЫЕ СТРАНЫ СТАЛИ БОГАТЫМИ, И ПОЧЕМУ БЕДНЫЕ СТРАНЫ ОСТАЮТСЯ БЕДНЫМИ.
М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВШЭ, 2018. 384 с.

В книге известный норвежский экономист Эрик Райнерт показывает, что богатые страны стали богатыми благодаря сочетанию государственного вмешательства, протекционизма и стратегических инвестиций, а не благодаря свободной торговле. По утверждению автора, именно такая политика была залогом успешного экономического развития начиная с Италии эпохи Возрождения и заканчивая сегодняшними странами Юго-Восточной Азии. Показывая, что современные экономисты игнорируют этот подход, настаивая и на важности свободной торговли, Райнерт объясняет это давним расколом в экономической науке между континентально-европейской традицией, ориентированной на комплексную государственную политику, с одной стороны, и англо-американской, ориентированной на свободную торговлю, — с другой. Написанная доступным языком книга представляет интерес не только для специалистов по экономической истории и теории, но и для широкого круга читателей.

СЕРГЕЙ БОДРУНОВ. НООНОМИКА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИМ. С. Ю. ВИТТЕ, 2018

Избранные цитаты с презентации «Ноономики» на ярмарке «Нон-фикшн»

Сергей Бодрунов,

президент ВЭО России, Международного союза экономистов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте, эксперт РАН, д. э. н., профессор

Чем отличаются знания от других ресурсов? Сегодня мы экспортируем, продаем одни «бананы», получаем другие «бананы». Продаем сырье, получаем что-то. Попытки импортозамещения какие-то есть, все остальное как-то пытаемся заместить. Но понимаем, что построить коммунизм в отдельно взятой стране уже пытались, и вряд ли это получится заново просто так. Мы должны понимать, что это такое — мировая кооперация производственная, особенно в сегодняшней ситуации. Я могу сказать, что нам надо двигаться активнее в сторону вот этого технологического усиления нашей экономики. Почему? Потому что в том обществе, которое будет, будет другая экономика. Это будет экономика, не основанная на материальных ресурсах, не на том, что мы продаем сегодня, а на другом ресурсе, на знании. А знание, чтобы продавать, его добыть надо сначала. Надо научиться получать его, масштабировать за счет знаниеемких продуктов. И только тогда мы можем действительно реально рассчитывать на то, что наша экономика сумеет подняться, всерьез подняться. Почему? Потому что лидеры будущего, лидеры экономического будущего — лидеры технологические.

Александр Бузгалин,

вице-президент ВЭО России, директор Института социологии МФЮУ, почетный профессор МГУ

Термин новый. Книга интегрирует большой пласт научных исследований. И имя ему в данном случае — не случайно. Имя говорит о том, что экономика будущего —

это не только экономика и в чем-то не экономика, нечто большее, отрицающее традиционное представление сегодняшних параметров. Когда ничего, кроме рынка, частной собственности и симулятивных потребностей у человека не было, нет и быть не может. Взгляд в будущее — это взгляд в систему, где знаниеемкое производство, где и современные технологии, предоставляющие человеку возможность быть организатором производства, где новый тип отношений с природой, и ценности человека как творца приобретают доминирующее значение по отношению ко всему остальному. Изюминка книги состоит в том, что путь к такому положению лежит через развитие высокотехнологичного материального производства, а не через его отрицание.

Руслан Гринберг,

научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, вице-президент ВЭО России

Я твердо знаю, что здоровое общество всегда, здоровое общество — это социальное выравнивание. Если ты такой успешный, удачливый, ты должен делиться. И здесь нет никакой альтернативы. И все должны иметь право на образование, культуру, здравоохранение. И он как раз об этом пишет сам, что, в конце концов, действительно экономика должна быть не только социальной, но и умной, и гуманной. И я думаю, что вы получите удовольствие от чтения этой книги. Именно вот, как и про книгу Кейнса так говорили: «в книге противоречиво, неаккуратно написано», но в общем — это гениальная книга. Так говорили про книгу Кейнса.

Я не знаю, тянет ли книга Бодрунова на книгу Кейнса, но она очень близка по своему запалу. В общем, мы должны быть благодарны автору, что она есть. А я вам очень советую ее почитать.

Сергей Толкачев,

первый заместитель Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, д. э. н., профессор

Книга посвящена таким вопросам, которым, я думаю, принадлежит ближайшее будущее.

Вот недавно один коллега сказал, что в Англии вдруг вышла книга с названием не «Экономикс», а Есопотому — «хозяйство». Еще немного, и они добавят слово Political Есопотому, и будет то, чем занимается Сергей Дмитриевич. Правда, он уже далеко убежал от них — наверное, не догнать. Но это же говорит о том, что мир поворачивается от устаревающей экономической парадигмы, связанной вот с такой примитивной рыночной экономикой, которой была ухудшена глобализация либо либерализация начала 80-х годов. Вот эти 40 лет этой неистовой либерализации, возврата к тому оголтелому рынку, представлению о том, что свободная рыночная экономика может все решить лучше, чем разумный человек, чем ноономика, — вот эти примитивные представления начинают отходить на задний план. И мы присутствуем при возрождении более глубоких и гуманных политэкономических подходов к осмыслению реальной действительности. И особенно отраднo, что вот в основе такого подхода, в качестве экономического базиса лежит идея о реиндустриализации и о возврате к пониманию ценности материального производства, промышленного производства.

Вот, например, в книге здесь специальный параграф есть — «Миражи постиндустриализма». В настоящий момент в Америке определенные научные и организационные группировки ведут активную войну с все еще мощными сторонниками постиндустриальных воззрений. Постиндустриальных и одновременно таких вот, финансовых, как мы их называем.

Михаил Воейков,

заведующий сектором политической экономики Института экономики РАН, д. э. н., профессор

Сейчас многие книги — ничего не поймешь, что пишут. Ставят вопрос. А зачем? А почему? А что дальше будет? И вообще, когда я читал эту книгу, там много таких интересных вещей, которых сразу не понять, но если начинаешь вдумываться — понимаешь. Например: есть где-то в середине книги — на одном и том же аддитивном оборудовании, в принципе, поменять только экструдер — и можно произвести и туфли, и блинчики, и таблетки, и посуду. Вот понимаете, когда я читал такие места, мне вспоминались романы Жюль Верна. Кейнс тут уже отдыхать может. Руслан Семенович называл Кейнса, а вот я — Жюль Верна. Целый цикл всяких моментов книги напоминают фантастику Жюль Верна. Но дело в том, что практически все, о чем писал Жюль Верн и что казалось

фантастикой в конце XIX века, через 10, 20, 30 лет стало реальностью. Вот я и думаю, не знаю, бояться или радоваться надо, что там то, что написано у Сергея Дмитриевича, через какое-то время может стать реальностью. И вот если действительно у меня будет дома стоять это, как его, называется, аддитивное оборудование. Что будет делать наша промышленность — и вообще, куда денется экономика? И Сергей Дмитриевич, пишет, что она исчезнет, будет новый способ.

Главная мысль, которая пронизывает всю книгу, — мне кажется, она очень хорошо, четко сформулирована, емко. Пишет Сергей Дмитриевич: «В воздухе летает предчувствие глубоких перемен. Мы наконец-то подошли к пределу эффективности существующей парадигмы развития».

Сергей Бобылев,

заведующий кафедрой экономики природопользования МГУ имени М. В. Ломоносова, д. э. н., профессор

Я вижу, что есть попытка концептуального пересмотра экономики на основе разума, как говорил Вернадский — сферы разума, и, конечно, я мог бы сказать, что это абсолютно замечательная попытка, и что бы в этой книге ни было бы написано, я горячо ее поддерживаю. Не только обложку, книгу я тоже прочел. Мне показалось, что в ней содержится ряд принципиальных вещей, которые тоже находятся в центре внимания не только нашего российского сообщества, но и мирового сообщества, и на которые нет ответа. На самом деле, кто виноват — как бы более-менее понятно, но что делать в рамках всей нашей планеты — не очень понятно. Здесь, мне кажется, Сергей Дмитриевич пытается дать очень конструктивные такие предложения, что же все-таки делать, в каких направлениях идти. И это, я говорю, это не только проблемы российские, это — проблемы общемировые. И мне кажется, это очень интересная часть сюжетов в книге.

SERGEY BODRUNOV. NOONOMY.

PUBLISHED BY S.YU. WITTE INSTITUTE OF NEW INDUSTRIAL DEVELOPMENT, 2018

Selected quotes from the presentation of Noonomy held at the Non-fiction Book Fair

Sergey Bodrunov,

President of the VEO of Russia, the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, expert of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

What is the difference between knowledge and other resources? Today we are exporting, we are selling some “bananas”, and get other “bananas” in return. We sell raw materials, we get something in return. There have been some attempts at import substitution, somehow we’ve been trying to replace everything else. But we understand there had been attempts to build communism in one country, and it is unlikely that it will happen again just like that.

We must understand what global industrial cooperation is, especially in the current situation. I can say that we need to move more actively in the direction of this technological strengthening of our economy. Why? Because in the future society there will be a different economy. It will be an economy that will be based not on material resources, not on what we sell today, but on a different resource, on knowledge. And in order to sell knowledge we must first gain knowledge. We must learn how to obtain it, how to scale it up on account of knowledge-based products. And only then will we be able to really expect our economy to grow in a serious way. Why? Because the leaders of the future, the leaders of the economic future will be technological leaders.

Alexander Buzgalin,

Vice-President of the VEO of Russia, Director of the Institute of Social and Economic Sciences of the Moscow Finance and Law University, Professor Emeritus of the Moscow State University

The term in the title is new. The book integrates a large amount of research. And in this case the title is not accidental. The title suggests that the economy of the future is not merely an economy; in a certain way it’s not an economy at all but something more than that, something that goes against the conventional notion of today with its markets, private property, simulative needs and nothing else. A look into the future is a look into a system where there is knowledge-intensive production, where modern technologies give man an opportunity to be the organizer of production, where there is a new type of relationship with nature, and where the values of man as a creator are of paramount importance compared to everything else. The highlight of the book is that the path to this situation lies in the development of high-tech material production, not through its renouncement.

Ruslan Grinberg,

Research Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

I know for certain that a healthy society always implies social equalization. If you are successful and fortunate, you must share. And there is no alternative. Everyone should have the right to education, culture, health care. And the author himself writes that economy should not only be social but also smart and humane. And I think you will

enjoy reading this book. It was precisely this that was said about Keynes’s book, people used to say: “the book is contradictory and inaccurate,” but all in all it’s brilliant. That’s what they said about Keynes’s book.

I don’t know if Bodrunov’s book is on par with Keynes’s book, but it is very close in terms of passion with which it is written. In general, we should be grateful to the author for having written it. And I really recommend that you read it.

Sergey Tolkachev,

First Deputy Chief of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

The book is devoted to the issues, which, I think, belong to the nearest future.

Recently, a colleague told me about a book entitled Economy (rather than Economics) that suddenly went on sale in England. Soon they will add the word “Political” to the title, and it will be what Sergey Dmitrievich is writing about. True, he has already surpassed them, they will probably never be able to catch up. It suggests that the world is turning away from the old economic paradigm connected with the primitive market economy that impaired globalization or the liberalization of the early eighties. Those 40 years of frantic liberalization, the return to wild markets and the notion that a free market economy can solve everything better than a rational human being, better than noonomy – those primitive ideas are starting to recede into the background. And we are witnessing the revival of deeper and more humane political and economic approaches to understanding the reality. And it is especially encouraging that the basis, the economic basis of this approach is the idea of re-industrialization and the return to understanding the values of material production, industrial production.

For example, the book has a special paragraph, “The figments of post-industrialism.” At the moment, America’s certain scientific and organizational groups are waging an active war against supporters of post-industrial (and simultaneously, as we call them, financialist) views who are still very powerful.

Mikhail Voeikov,

Head of the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Nowadays many books are incomprehensible. They ask: why? what for? And what will happen next? When

I read this book, I saw a number of interesting ideas I couldn’t initially grasp, but when I pondered them, I understood. For example, the idea expressed somewhere around the middle of the book: you can use the same additive equipment, merely by changing the extruder, to manufacture shoes, pancakes, tablets, or dishes. You see, when I read those passages, I recalled the novels by Jules Verne. Keynes cannot compete with that. Ruslan Semenovitch cited Keynes, and I am citing Jules Verne. A series of passages in the book reminds me of Jules Verne. But the fact is that most everything Jules Verne wrote about, which seemed like fantasy at the end of the 19th century, became a reality after 10, 20, or 30 years. So I don’t know whether we should look forward to or fear the reality Sergey Dmitrievich wrote about. And when I have such additive equipment in my home what will our industry do? What will our industry do – and in general, where will the economy go? And where will our economy go? Sergey Dmitrievich says it will disappear, there will be a new way of doing things.

I believe the main idea that permeates the entire book is very well formulated. Sergey Dmitrievich writes: “There’s a premonition of serious changes. We have finally reached the limit of effectiveness of the existing development paradigm.”

Sergey Bobylev

Head of the Department of Environmental Economics, Moscow State University Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, professor

It is clear to me there is an attempt to review the concept of economy on the basis of knowledge, or, as Vernadsky said, the noosphere. And of course, I can say it’s a brilliant attempt, and whatever is written in the book I absolutely support it. I’ve read the book, not just the cover. It seemed to me that it contains a number of fundamental points which draw the attention not only in Russia but also globally, and which remain unaddressed. In fact, it is more or less clear who is to blame, but it’s not at all clear what is to be done on the global arena. Here, I believe, Sergey Dmitrievich is trying to give very constructive proposals as to what we should do and in what direction we should go. And those are not just Russian problems, those are global problems. I think that part of the book is very interesting.

Закр^ыто на переучёт

В конце прошлого года Росстат подвергся жесткой критике министра финансов Антона Силуанова. А у министра экономического развития Максима Орешкина претензии были еще в 2017 году. Тогда Росстат из независимой структуры превратился в «подвед» Минэкономразвития. В прошлом году поста лишился многолетний глава Росстата Александр Суринов. В чем заключаются претензии к ведомству и насколько они обоснованны?

«УЖАСНЫЕ» ЦИФРЫ

В декабре 2018 года первый вице-премьер, министр финансов Антон Силуанов обрушился с жесткой критикой на российское статистическое ведомство. Его работу он назвал неудовлетворительной, а качество расчетов — ужасным. В качестве примера министр привел показатель реальных располагаемых доходов населения — по данным Росстата, он снижается последние четыре года. «Как он считается, знает, наверное, только Росстат», — отметил Силуанов. Данные по реальным зарплатам считаются «более или менее понятно и достоверно», полагает министр, а вот качество подсчета реальных доходов страдает. Дело в том, что Росстат «вручную» собирает некоторую информацию — например, по стоимости продуктов, входящих в потребительскую корзину. Это сказывается на достоверности подсчетов.

Первый вице-премьер подчеркнул, что Росстат пользуется устаревшими технологиями и ему нужна реформа как в отношении принципов работы, так и в отношении команды. Тем более что роль Росстата особенно повышается сейчас, когда правительство реализует национальные проекты. «Нужно говорить об обновлении команды, обновлении принципов, методов и работ», — настаивал Антон Силуанов.

Такое выступление министра было далеко не первой критикой Росстата за последние годы. Еще в марте 2017 года министр экономического развития Максим Орешкин назвал данные Росстата за февраль 2017 года нерепрезентативными — «по фундаментальным и по техническим причинам». Он отмечал тогда, что на искажение статистики повлияла база — данные за високосный 2016 год, а также перенос на февраль 2017 года дополнительных праздничных дней. Накануне заявления Орешкина Росстат сообщил об ухудшении положения дел в эко-

номике в начале 2017 года. Так, в феврале того года промышленное производство в России по сравнению с тем же месяцем в 2016 году снизилось на 2,7%. А за январь и февраль 2017 года падение в годовом выражении составило 0,3%. Максим Орешкин раскритиковал методологию расчетов Росстата. По его словам, «оценки базировались не на реальных данных», к тому же сроки публикации статистики переносились.

Претензии к Росстату есть не только у правительства. Так, уже в январе этого года Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) обратила внимание на то, что долги по зарплате оказались в пять раз больше данных Росстата. Причем расхождения в цифрах значительные: например, в Орловской области задолженность, по данным Росстата, составляет 8,3 миллиона рублей, а по данным мониторинга профсоюзов — 44,3 миллиона. На Сахалине Росстат задолженности вообще не обнаружил, по данным профсоюзов — 11,2 миллиона рублей.

«Методики, которыми пользуется в своей работе Росстат, не учитывают многие критерии, так что различия действительно есть», — подтвердил в интервью «Российской газете» председатель ФНПР Михаил Шмаков. — При этом должен сказать, что у профсоюзов, в отличие от Росстата, нет задачи вести сплошное наблюдение — мы отслеживаем именно «горячие точки» и обращаем на них внимание правительства и объединений работодателей».

Издание «Проект» «подловило» Росстат на занижении цифр о количестве россиян, уехавших из России. Так, по данным Росстата, из России в Германию в 2016 году уехали 4694 человека, в то время как немецкая сторона зафиксировала почти 25 тысяч прибывших россиян. А по американскому, чешскому и венгерскому направлению число уехавших россиян отличается от данных Росстата в 9, 12 и 14 раз соответственно. Журналисты издания пришли к выводу, что в целом в 24 страны, которые входят в Организацию экономического сотрудничества, из

России выехало в шесть раз больше людей, чем подсчитали в Росстате.

НОВАЯ ЭРА

В скором времени все проблемы Росстата должны остаться в прошлом. Как и рекомендовал министр Силуанов, начали с кадровых перестановок. В конце декабря прошлого года премьер-министр Дмитрий Медведев освободил от должности многолетнего руководителя Росстата Александра Суринова и назначил на его место Павла Малкова. До этого Малков был директором департамента государственного управления Минэкономразвития. «Изменения приходят в Росстат, начинается новая эра развития ведомства», — прокомментировал это назначение Максим Орешкин.

Сразу после назначения главной задачей Малкова на новом посту назвали Всероссийскую перепись населения, которая пройдет в следующем году. Неслучайно именно на этот год придется пик финансирования Росстата из федерального бюджета в ближайшие три года: 18,4 миллиарда рублей на этот год, 33,9 миллиарда на 2020-й и 20,4 миллиарда на 2021-й.

Сам Малков, помимо переписи, выделяет еще два ключевых направления работы. Первый — реформа системы статистики, которая затронет повышение качества собираемых данных и качества аналитики, увеличение скорости выдачи результатов расчетов, применение современных способов и методов обработки информации, в том числе с использованием данных из альтернативных источников.

Второе направление — это реформа системы отчетности, которая предполагает внедрение единых стандартов. «С каждым годом собирается все больше разных отчетов, которые ложатся тяжелым грузом на плечи бизнеса и государственных учреждений. Наша задача — снизить эту нагрузку и привести систему отчетности к единым стандартам», — отме-

тил Малков. Он добавил также, что ведомству необходим качественный переход от статистики к аналитике: важно научиться работать с данными, научиться объяснять их и рассказывать про результаты своих исследований на понятном каждому потребителю языке.

ОПЯТЬ ДВОЙКА

Впрочем, пока благие намерения успехом не увенчались. Не прошло и месяца после назначения Павла Малкова, а Росстат уже успел «отличиться» и снова оказаться в заголовках новостей. Дело в том, что ведомство значительно пересмотрело показатель роста ВВП за 2018 год. В начале января он оценивался в 1,8%, в конце января — уже в 2%, а в начале февраля и вовсе подрос до 2,3%. Это рекордный показатель за последние пять лет.

В Минэкономразвития такой внезапный успех объяснили строительным бумом в Ямало-Ненецком автономном округе, где реализуется масштабный проект Ямал-СПГ. Экономисты ведомства отметили, что за 9 месяцев 2018 года объем строительных работ в регионе составил 97 миллиардов рублей, а инвестиции в строительство зданий и сооружений — 592 миллиарда. Такое расхождение в Минэкономразвития посчитали аномальным и сочли, что оно связано с проблемами в первичном сборе данных. В конце концов «потерянные» 500 миллиардов нашлись, что привело к инвестиционному всплеску в третьем квартале 2018 года и увеличению динамики роста ВВП за целый год.

Такие подсчеты эксперты сочли сомнительными. В конце января произошла публичная дискуссия между директором аналитического департамента «Локо-Инвест» Кириллом Тремасовым и министром экономического развития Максимом Орешкиным — в соответствии с духом времени, в Facebook.

«Логика объяснений, на первый взгляд, очень простая, но, по сути, просто безграмотная, — написал Тремасов. — Почему Минэк сделал вывод, что эти цифры должны быть примерно равны, я не знаю!

НЕ ТАК ВСЕ ПЛОХО

«Строго говоря, у Росстата нет проблем с пересчетами, — полагает Олег Шибанов, профессор финансов Российской экономической школы. — Они происходят везде и всегда, методология используется международная, и в том же США бывают очень большие изменения данных по сравнению

с исходными. Например, про рецессию 2001-го — в первых оценках казалось, что ВВП упал, а потом оказалось, что даже подрос. Претензии, по словам экономиста, связаны с размером пересчета (очень большие в строительстве) и из-за этого — значительной нестабильностью статистических рядов. «Аналитики, госорганы и ЦБ должны

понимать, почему происходят эти пересчеты. Росстату было бы правильно выйти с публичными комментариями по последним числам и показать, за счет чего мы увидели новую динамику. Пока они на официальном сайте не появились», — добавил Шибанов.

Хоть бы в методику, что ли, заглянули. Ее даже всю читать не надо — там на первых страницах достаточно ясно написано, что включается, а что нет в стоимость строительных работ. Если Ямал-СПГ устанавливает дорогое оборудование на новых производственных объектах, то стоимость этого оборудования будет инвестициями, но не будет включаться в стоимость строительных работ. Это, в общем-то, и без методики должно быть понятно.

Аналитик предположил, что «похоже, Орешкина все-таки попросили объяснить, что там опять за хрень со статистикой творится», и обратил внимание, что дискуссии о статистике свелись не к поиску сути (какие реальные достижения/провалы российских компаний стоят за теми или иными цифрами?), а к разбору нюансов статистического учета.

Максим Орешкин на такую эскападу обиделся и напомнил уже в своем Facebook, что в период работы Кирилла Тремасова в Минэкономразвития ему предлагали «заниматься вопросами повышения качества статистики», но он отказался. Быть публичным комментатором в роли «срывающего покровы» гораздо проще, чем планомерно работать в непубличной плоскости, чтобы шаг за шагом делать жизнь в стране лучше, заключил министр.

ИСКЛЮЧИТЬ ВВП?

В последние годы все чаще звучат предложения вообще не считать ВВП либо дополнять его другими показателями, которые более точно покажут темпы роста экономики и благосостояния граждан. Экономисты указывают на то, что темп роста ВВП не является главным и единственным показателем, свидетельствующим об успешном экономическом развитии той или иной страны, поскольку анализ динамики роста ВВП должен сопровождаться анализом факторов, обуславливающих этот рост.

«В экономическом анализе ВВП сопоставляется с численностью всего населения, экономически активного и занятого населения, потребленными

в производстве ресурсами, основными фондами, объемом инвестиций, фондом заработной платы, государственными расходами по различным направлениям, реальными денежными доходами и расходами населения и другими показателями, — пояснила профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ Анна Попова. — Это позволяет исследовать уровень и динамику занятости, эффективность использования трудовых и материальных ресурсов, направления и результаты инвестиционной политики, измерять экономический потенциал страны и степень его использования, анализировать основные результаты экономического развития страны в краткосрочном и среднесрочном плане. Показатель уровня ВВП в расчете на душу населения используется в системе национальных расчетов не для характеристики качества жизни, а для установления размера взносов страны в бюджеты международных организаций, для решения вопросов о величине и условиях предоставления кредитов, финансовой и иной помощи различным странам».

По словам Анны Поповой, по ВВП нельзя судить о размерах таких секторов экономики, как финансово-кредитная система, рынок ценных бумаг, государственный бюджет и т. д. Так как эти сектора перераспределяют созданный ВВП, считается, что учет их операций необязателен. «А ведь в развитых экономиках эти сектора концентрируют огромные объемы капитала, — обращает внимание эксперт. — Другим недостатком показателя ВВП как показателя, выражающего стратегию социально-экономического развития государства, является то, что он не отражает негативных последствий научно-технической революции и экономического роста, а главное — качество жизни, уровень благосостояния, которые, как показывает мировой опыт, растут медленнее, чем ВВП. Именно повышение качества жизни и уровня благосостояния большинства населения должны выражать суть как стратегии, так и тактики социально-экономического развития страны».

Олег Шибанов полагает, что в целом более показательно то, что получают граждане, чем общий ВВП. «Но здесь есть несколько индикаторов, от реальных располагаемых доходов и зарплат до безработицы по регионам, которые вполне показывают динамику благосостояния россиян. Эту статистику стоило бы публиковать более подробно и часто, а сама методология понятна и разумна, — добавил он. — Я не сторонник «индексов счастья», они довольно субъективны, и на них зачастую сложно ориентироваться. Обратную связь по тем же «Госуслугам» уже собирают, и ее анализ помогает улучшить предоставление услуг».

СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Эксперты обращают внимание, что вопросы к Росстату появились не сегодня. Еще в начале 2000-х годов высказывались предложения по изменению подходов к расчетам и методикам.

«На современном этапе лучшими в мире являются децентрализованные статистические системы англо-

саксонских стран: если в привычной нам схеме обобщающие статистические функции осуществляются исключительно (или преимущественно) центральными государственными учреждениями, то в последнем случае основная роль принадлежит статистическим органам ведомств, тогда как общенациональный статистический орган осуществляет лишь функции координации. Для России этот опыт особенно актуален вследствие протяженности страны и разнообразия местных условий», — отметила Анна Попова.

В России, по ее словам, до сих пор не решены проблемы несовершенства законодательной базы для получения статистической информации и обеспечения ею всех заинтересованных пользователей, «распыленности» информации. У пользователей возникают значительные трудности при получении необходимой информации. Кроме того, сегодня в стране отсутствуют показатели, отражающие новые социально-экономические явления и процессы, необходимые для анализа развития российской экономики и общества. «Например, в странах Западной Европы уже есть экологическая статистика, а у нас нет», — пояснила Попова.

Министерство экономического развития сейчас прорабатывает меры, которые помогут повысить качество статистики. В первую очередь речь идет о цифровизации всех процессов сбора и обработки статистической информации, гармонизации государственных информационных систем, которых сегодня

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Как отмечается в главном докладе НИУ ВШЭ, в цифровую эпоху информация генерируется практически повсеместно: промышленными и бытовыми приборами, космическими аппаратами, в организациях и домашних хозяйствах, социальных сетях. При этом состав этой информации непрерывно пополняется и обновляется, расширяется спектр источников и типов генерируемых данных. Это как обычные количественные и качественные характеристики объектов, процессов или явлений, так и текстовые, аудиовизуальные и иные «технологичные» форматы. Новые сведения могут не только дополнять либо уточнять результаты предшествующих наблюдений, но и кардинально изменять их.

Заметно меняется и роль статистики в глобальных процессах, круг ее пользователей значительно расширяется. Как отмечают эксперты, в объективном, системном и своевременном описании экономических, социальных, демографических, экологических, технологических трендов оказываются заинтересованными различные группы людей, которые одновременно вовлечены и в производство информации. Государственные системы статистики в мире все активнее применяют большие данные, определяют области, где они будут играть решающую роль в будущем (например, макроэкономический прогноз).

Экономисты обращают внимание на сохраняющиеся системные проблемы российской статистики. Среди них — межведомственная рассогласованность, непрозрачность и противоречивость информации, предоставляемой отдельными органами власти, отсутствие единого методологического надзора. Также проблему аналитики

видят в первоочередной ориентации Росстата на «заказ» управленческих структур, недостаток актуальной и детализированной информации для бизнеса (в том числе малого), науки и общества. Доступ к первичным данным ограничен, собственная исследовательская база Росстата недостаточно сильна, не хватает полномочий для проведения аналитических работ, а потенциал цифровых технологий недоиспользуется. Авторы доклада полагают, что создание на базе Росстата Национальной системы управления данными станет серьезным импульсом к становлению новой модели статистики в нашей стране. В рамках системы должны будут внедряться эффективные инструменты, обеспечивающие удовлетворение информационных потребностей субъектов экономики, общества, государства, их активное взаимодействие в процессе сбора и распространения данных — не только агрегированных, но и первичных.

Эксперты обращают внимание на опыт нацио-

больше 320, и создании единой цифровой платформы. Создать Национальную систему управления данными премьер-министр Дмитрий Медведев поручил правительству на сочинском инвестиционном форуме в прошлом году. Эта система должна стать одним из ключевых элементов инфраструктуры цифровой экономики.

«Ссылки на цифровую экономику стали общим местом, — отметил первый проректор НИУ ВШЭ Леонид Гохберг на XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. — При формировании и внедрении системы управления данными принципиально важно понять и четко обозначить роль государственной статистики (и статистической службы), систематизировать подходы к модернизации процедур сбора и интеграции информации в условиях цифровизации, межведомственной координации статистических работ, применению новых аналитических возможностей административных, открытых и больших данных».

Текст: Кира Камнева

нальных статистических службы стран ЕС, которые занимают проактивную позицию при взаимодействии с обществом, бизнесом, государством, мировым сообществом. Их деятельность, координируемая Евростатом, ориентирована на национальные, межведомственные, региональные, корпоративные информационные потребности.

Успешный опыт цифровой трансформации статистической службы показала Великобритания. Там действует принципиально новый подход к официальным публикациям («воспроизводимые аналитические процедуры»). В отличие от традиционной организации доступа к данным, подразумевающей цепочку «хранилище — коммерческое программное обеспечение — электронные таблицы — верстка — итоговый текстовый документ», планируется массовое внедрение в официальные информационные ресурсы средств автоматического формирования документов, базирующихся на открытых языках программи-

рования и средствах разметки. Это сокращает сроки и стоимость разработки индикаторов. Предусматривается также создание специализированных программных библиотек с публичным, облегченным доступом для ученых, аналитиков и других заинтересованных пользователей. В России уже есть пример использования широкого спектра данных для статистики — в 2015 году правительство Москвы инициировало проект оценки численности населения столицы. Использовались официальные результаты переписи населения, а также административные данные ведомств (ФНС, ФОМС, ПФР, ЦИК, Минобрнауки России, ФСС, МВД), которые ведут в своих интересах учет отдельных категорий граждан. Привлечение ведомственной информации с применением методологических приемов, обеспечивающих ее сопоставимость, позволило скорректировать итоговые статистические оценки.

Как полагают эксперты НИУ ВШЭ, использование альтернативных источников будет способ-

ПРОБЛЕМА ВВП

Основной недостаток показателя ВВП заключается в том, что он усредненный: если у одного человека два автомобиля, а у другого ни одного, то в среднем каждый имеет по одному автомобилю. Показатель не учитывает многие качественные характеристики уровня благосостояния (две страны, имеющие одинаковую величину ВВП на душу населения, могут иметь разные уровни образования, продолжительность жизни, уровень заболеваемости и смертности, уровень преступности и др.). Также ВВП игнорирует разную покупательную способность доллара в разных странах (на 1 доллар в США и, например, в Индии можно купить разное количество товаров), не учитывает негативных последствий экономического роста (степень загрязнения окружающей среды, зашумленности, загазованности и т. п.).

ствовать более точному прогнозированию доходов бюджета по налогу на доходы физических лиц, расходов на социальную поддержку и инфраструктуру.

Интересно, что востребованной становится сама профессия статистика. По данным CareerCast.com, она заняла первое место в рейтинге лучших специальностей за 2017 год. Оценивались уровень дохода, перспективы роста, уровень стресса и условия работы. Востребованность вырастет на 34% в ближайшие семь лет, полагают эксперты, такие специалисты нужны во множестве сфер (маркетинге, банкинге, правительстве, спорте, торговле, здравоохранении). Везде сегодня нужны анализ и интерпретация данных. Причем зарабатывают статистики неплохо: в США средняя зарплата составляет 80 тысяч долларов в год.

«Великая стагнация» и кризис Европы

«Желтые жилеты» с точки зрения экономической науки

Руслан Дзарасов,

член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой политической экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, д. э. н.

КОНФЛИКТНАЯ ПРИРОДА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Прошло десять лет с момента мирового финансового краха 2008 года, за которым последовал так называемый Великий спад, продолжавшийся до 2010-го. Это был «момент истины» для современной глобализации, раскрывший ее глубоко конфликтную природу. С тех пор мировая экономика вступила в период «Великой стагнации», которая характеризуется низкими темпами экономического роста, нарастанием финансовой и социально-экономической нестабильности, увеличением социального неравенства, усилением международных конфликтов. Не обошли эти проблемы и Европейский Союз. Еще недавно он рассматривался в нашей стране как образец равноправного интеграционного объединения, открывающего перед своими членами равные возможности развития. Вступление восточноевропейских стран в этот «клуб избранных» рассматривалось в этих обществах как пропуск в число развитых стран с их высоким уровнем жизни и социальной стабильностью. (Это представление сыграло важную роль и в разжигании украинского кризиса 2013–2014 гг.) Однако кризис десятилетней давности раскрыл совсем другую сторону евроинтеграции. Он показал глубокую разницу в положении старых и новых членов объединения, обнажил наличие внутренних центра и периферии в Европе. Неравные отношения между странами внутри еврозоны стали причиной ее структурных диспропорций, породивших кризис европейской интеграции. Они лишь воспроизводят принципы, на которых покоится глобализация в современном мире.

ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КРИЗИС МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В 2010-е годы экономический рост в мире возобновился. Однако вывод о том, что кризис преодолен, был бы преждевременным. «Великая стагнация» продолжается. Она проявляется в низких темпах роста и еще больше — в их неустойчивости. Обратимся к таблице, содержащей оценки Всемирного банка, касающиеся темпов роста мировой экономики.

Динамика ВВП в реальном выражении

Рост реального ВВП (%)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Мир в целом	2,8	2,4	3,1	3,1	3,0	2,9
Развитые экономики	2,3	1,7	2,3	2,2	2,0	1,7
США	2,9	1,5	2,3	2,7	2,5	2,0
Страны еврозоны	2,1	1,8	2,4	2,1	1,7	1,5
Япония	1,4	1,0	1,7	1,0	0,8	0,5

2017 г. — оценка, 2018–2020 гг. — прогнозные данные Всемирного Банка.

Представленные данные показывают, что эксперты Всемирного банка ожидают снижения темпов роста как мировой экономики в целом, так и всех групп развитых капиталистических стран. Чемпионом низких темпов по-прежнему остается Япония. США тоже ожидает существенное замедление. Страны еврозоны, как предполагается, испытают заметный спад с 2,4% совокупного ВВП, согласно оценке на 2017 год, до 1,5%, прогнозируемых на 2020 год. Это значит, что мировой экономический

НЕ ИЗМЕНИТСЯ ЛИ ОТНОШЕНИЕ ЕВРОПЫ К САНКЦИЯМ?

Алексей Громыко,
член президиума Вольного экономического общества России, директор Института Европы Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук

Я думаю, что это вполне вероятно. Потому что, когда против России был общезападный санкционный фронт, там все чувствовали себя в едином фронте, хотя для многих санкции против России отзывались разным эхом: кто-то от этого практически не терял, а кто-то терял очень много. Но все дело в том, что сейчас ситуация абсолютно новая. Под санкциями находится часть Запада, который в свое время проявил полную, тотальную солидарность с Соединенными Штатами в отношении введения первых санкционных пакетов против России. И, конечно же, сейчас там многие стали задумываться и говорить даже открыто, что Европа должна изменить свою политику. Среди многих направлений, которые вот

эту стратегию могут вывести на поверхность из глубин академических обсуждений, это, безусловно, пересмотр отношений со стратегическим партнером Евросоюза — Россией. И абсолютно ясно, что у Евросоюза стратегия во многом не совпадает, а я бы сказал, большей частью не совпадает с той стратегией, которая установилась в Соединенных Штатах, с их взглядом на мир, причем не только при Дональде Трампе, а начиная еще с Буша-младшего. Это стратегия, которая не рассматривает Европу как первоочередный регион мира, где сосредоточены интересы США. Вот в этой связи для Европы, я имею в виду для Западной Европы в первую очередь, вновь встает вопрос

о том, а какие у нее геополитические, геоэкономические рычаги, которые не допустят того, что Евросоюз в XXI веке ушел на второй или третий план. И ясно, что, по крайней мере, для прагматиков, для реалистов ясно, что Россия — это, безусловно, один из немногих стратегических потенциальных союзников Западной Европы, благодаря которым эти две части континента могут достаточно успешно пройти через XXI век.

кризис, характеризовавшийся спадом 2008–2010 гг., перешедшим в т. н. «Великую стагнацию», далеко не завершился. Значит, фундаментальные причины, обусловившие его появление десять лет назад, продолжают действовать. В связи с этим о перспективах Европы можно судить, лишь поставив анализ европейской ситуации в глобальный контекст. Автор данных строк полагает, что проблемы еврозоны отражают тот путь, которым развивался глобальный капитализм, начиная с 1980-х годов.

Послевоенный подъем капитализма завершился «стагфляцией» 1970-х, когда восстановление экономики Западной Европы и Японии привело к обострению международной конкуренции и началось долгосрочное падение доходности от вложений капитала в производство [2, с. 7–47]. На марксистском языке это явление называется «относительным перенасыщением производительного капитала». Ответом на это, в частности, стала т. н. «контрреволюция акционеров», когда максимизация стоимости акционерного капитала сменила долгосрочный рост как главную цель американских корпораций [3, с. 13–35]. В новых условиях инвестиционные банки и фонды Уолл-стрит приобрели огромную власть над американскими корпорациями [4]. Наибольшая часть прибылей корпораций направляется теперь на выплаты дивидендов и меры (подобные обратному выкупу акций), поднимающие котировки акций. Это происходит за счет сокращения персонала, производственных инвестиций, распродажи части активов.

Произошло глубокое изменение самой структуры капитала американских корпораций. Сегодня более половины активов нефинансовых корпораций США составляют финансовые активы (по данным ФРС). Этот процесс получил название «финансиализация», под которой понимается замещение производственного капитала финансовым. Глобальный капита-

ДОЛЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ВВП СТРАН — ЧЛЕНОВ ОЭСР УСТОЙЧИВО СНИЖАЕТСЯ С 1990-Х ГОДОВ

лизм сместил акцент с созидательной, производственной деятельности на финансово-паразитическую. Так, в самый канун мирового финансового обвала, в 2007 году, сумма капитализации рынков акций, долговых обязательств и банковских активов превышала мировой ВВП в 4,4 раза, а теневой рынок деривативов достиг почти 600 трлн долл., что было в 11 (!) раз больше того же показателя [5, с. 13].

Возникает закономерный вопрос: если произошло массовое перераспределение доходов в пользу дивидендов и финансовых вложений в ущерб производственной деятельности, то за счет чего произошел рост корпоративной прибыли? Ответ кроется в массовом переносе производства в регионы с низкой оплатой труда, начавшемся еще в 1970-е годы и принявшем поистине глобальные масштабы в 1990-е [6]. Именно в эти годы полтора миллиарда человек из Китая, Индии и республик бывшего СССР пополнили мировой рынок труда, удвоив его [7]. В результате бурной индустриализации ряда развивающихся стран доля промышленной продукции в экспорте мировой периферии выросла с 20% в 1980 году до 80% в 2003-м [8, с. 45]. Это, однако, не означает, что проблема развития тем самым была решена. Важно учитывать реальные условия, на которых осуществляется подобное сотрудничество.

ТЕОРИЯ «ЦЕПОЧЕК СТОИМОСТИ»

Его природу отразила теория «цепочек стоимости» [9]. Их суть состоит в том, что ТНК разделяют производственный процесс на капиталоемкие и трудозатратные звенья. Первые характеризуются высокой добавленной стоимостью, а вторые — низкой. Затем трудоизбыточные процессы переносятся в регионы с низкой оплатой труда, а капиталоемкие — НИОКР, маркетинг, дизайн, юридическое обслуживание и т. д. — сохраняются за собой. Нередко западные ТНК не ведут никакого производства вообще [10].

Эти процессы определили движение мировой экономики к современному кризису. В основе этого

процесса лежат изменения в положении наемного труда. Доля заработной платы в ВВП стран — членов ОЭСР устойчиво снижается с начала 1980-х годов [11]. В результате рост производственных мощностей в мире не сопровождается соответствующим приростом мирового совокупного спроса. По этой причине начиная с 1980-х наблюдается систематическое падение загрузки производственных мощностей в развитых капиталистических странах [12, с. 1023] и во всем мире. Это означает падение доходности инвестиций в реальное производство, на фоне чего еще больше растет привлекательность финансово-спекулятивных операций. Производственные инвестиции снижаются, и темпы роста мирового ВВП в реальном выражении также падают [13, с. 8]. Возникает порочный круг, когда противоречия капитализма временно преодолеваются за счет усиления эксплуатации периферии, что еще больше подрывает его эффективность. Именно эта логика и лежит в основе современного мирового экономического кризиса. В ее рамках развиваются и проблемы еврозоны.

ОТНОШЕНИЯ СЕВЕР — ЮГ ВНУТРИ ЕВРОЗОНЫ

Главной проблемой еврозоны, предопределившей ее движение к нынешнему кризису, составляет глубокое неравенство регионов и стран внутри интеграционного объединения. Неравномерность развития различных регионов была предопределена самим расширением зоны европейской интеграции. Шесть стран — основательниц «Общего рынка» — Бельгия, Франция, Германия, Италия, Люксембург и Нидерланды — обладали сходным уровнем социально-экономического развития. Таков был результат их принадлежности к «центру» европейского капитализма примерно в течение двух предыдущих столетий. Последующее расширение объединения породило «две скорости» интеграции. Новые члены с развитыми капиталистическими экономиками — Великобритания, Дания, Швейцария, Финляндия

ПРОБЛЕМЫ ЕДИНОЙ ВАЛЮТЫ

Различия в уровне развития стран — участниц европейской интеграции не исчезли. Это неудивительно. Ведь сам переход к единой валюте закреплял неравное положение внутри объединения.

и Австрия — демонстрировали высокие темпы промышленного роста и быстро встраивались в «общий рынок». А вот такие страны с относительно менее развитой промышленностью, как Испания, Греция, Ирландия и Португалия, интегрировались значительно труднее. В результате возникла проблема неравенства в развитии стран внутри ЕС.

Прием восточно-европейских стран, начавшийся в 2004 году, назвали «большим взрывом» европейской интеграции. Эти страны характеризовались высоким уровнем социального неравенства. С их вступлением в ЕС разрыв в развитии старых и новых членов стал очевиден [14]. Обратимся к рисунку, приводящему данные о подушечном ВВП в некоторых странах еврозоны. Данные свидетельствуют, что в странах юга Европы, в которых разыгрался долговой кризис, ВВП на душу населения меньше, чем в среднем по еврозоне. В то же время этот показатель для Германии заметно выше. Таким образом, различия в уровне развития стран — участниц европейской интеграции не исчезли. Значит, сам механизм интеграции не способствовал преодолению этих различий.

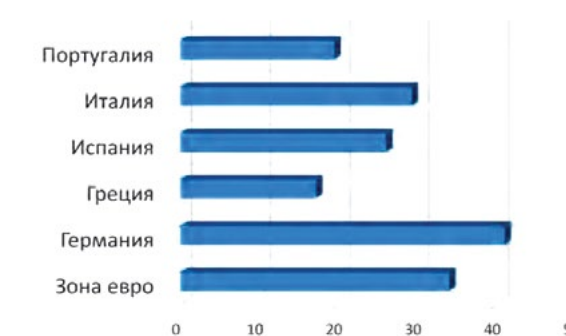

Рис. 1. ВВП на душу населения (в текущих ценах)
Построено по данным: [15].

Это неудивительно. Ведь сам переход к единой валюте закреплял неравное положение стран внутри объединения. Новые члены ЕС — включая юг и восток — должны были соответствовать критериям вступления. Ради этого им приходилось фиксировать высокий обменный курс своих национальных валют к евро. Считалось, что данная мера необходима для сдерживания инфляции. Это неизбежно означало подрыв конку-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. The World Bank. Official site. — Global economic prospects. The turning of the tide. — June 2018. — Downloads. — Real GDP growth (%), <http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects>, last accessed at 03.11.2018.

2. Brenner R. The boom and the bubble. The US and the world economy. — London, New York: Verso, 2003.

3. Laznick W. and M. O'Sullivan. Maximizing shareholder value: a new ideology for corporate governance // Economy and society. — 2000. — Vol. 29. — No. 1, pp. 13–35. Bair J. (ed.). *Frontiers of commodity chain research.* — Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.

4. Ho K. Liquidated. An ethnography of Wall Street. — Durham and London: Duke University Press, 2009.

5. Birch K. and V. Mykhnenko. Introduction // Birch K. and V. Mykhnenko (eds.). The rise and fall of neoliberalism. The collapse of an economic order? — London, New York: Zed books, 2010.

6. Dicken P. Global shift: reshaping the global economic map in the 21-st century. — London etc.: SAGE publications inc., 2003.

7. Freeman R. What really ails Europe (and America): the doubling of the global workforce // The Globalist. — 2010. — 5 March, <http://www.theglobalist.com/storyid.aspx?StoryId=4542>, last accessed at 18.11.2018.

8. Blecker R. & Razami A. Developing Country Exports of Manufactures: Moving Up the Ladder to Escape the Fallacy of Composition? // American University, Department of Economics, WP 2006–06.

9. Bair J. (ed.). Frontiers of commodity chain research. — Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.

рентоспособности этих стран на мировом рынке. Таким путем искусственно закреплялось положение, когда новые члены еврозоны специализируются на экспорте более трудозатратных товаров, ввозя из стран — старых членов союза капиталоемкие товары с высокой добавленной стоимостью. В результате происходил быстрый рост экспорта товаров и капиталов с севера на юг и восток [16, с. 7]. Последствия этого положения хорошо видны на примере роли двигателя евроинтеграции — Германии — в экономике Старого Света. С падением железного занавеса Германия начала перенос трудозатратного производства в Восточную Европу, пользуясь тем, что в наследство от «времен социализма» в этом регионе осталась квалифицированная, но дешевая рабочая сила [17]. С 1994 года наибольшая доля немецких прямых иностранных инвестиций была переориентирована на страны Восточной Европы. Это обусловило снижение реальной заработной платы в Германии и усиление конкурентоспособности немецких товаров на мировом рынке. Представленные данные показывают, как еврозона двигалась к кризису 2008 года. На графиках хорошо видно, что в то время, как в Германии заработная плата в реальном выражении сдерживалась и даже снижалась, в странах юга Европы она росла. Правда, росла она по отношению к гораздо более низкой базе. Сама возможность этого роста была связана с валютно-финансовыми отношениями в еврозоне, о чем будет сказано дальше. На данном этапе обсуждения проблемы важно подчеркнуть, что благодаря переносу производства в Восточную Европу Германия смогла обеспечить предпосылки для наращивания экспорта в страны юга.

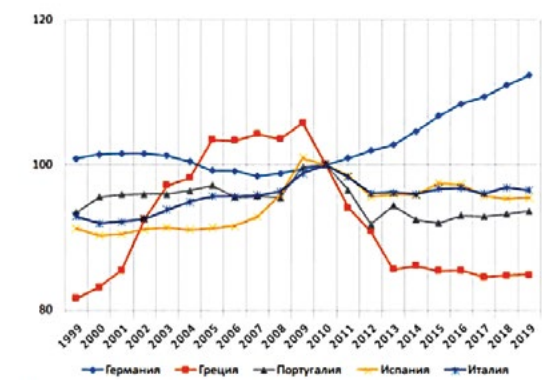

Рис. 2. Реальная заработная плата на работника в процентах (дефлятор частного потребления, экономика в целом, в процентах к 2010 г.) 2019 г. — оценка, 2019 г. — прогнозные значения. Построено по: [18].

Рисунок отражает сальдо платежного баланса Германии и стран юга еврозоны. На графиках хорошо видно, что в течение почти двух десятилетий превышение поступления средств над их оттоком для Германии непрерывно росло. Это обусловлено, прежде всего, соотношением экспорта и импорта товаров. В то же время сальдо платежного баланса стран юга еврозоны устойчиво тяготеет к нулю. Такой результат отражает неравенство условий конкуренции, на котором покоится нынешняя модель

евроинтеграции. В странах юга еврозоны в результате действия этих условий произошла значительная деиндустриализация. Она была неизбежна, когда промышленность этих стран столкнулась с конкуренцией со стороны более эффективной немецкой промышленности. Однако этот результат нельзя списать на слепые силы рынка, так как большая эффективность немецких компаний отражает в том числе и преимущества эксплуатации более дешевого труда восточноевропейских стран.

Рис. 3. Сальдо платежного баланса некоторых европейских стран (в довл. США) 2019–2023 гг. — прогнозные данные МВФ. Построено по данным: [19].

Такое развитие грозило массовой безработицей, падением уровня жизни, социальными потрясениями. Такой ход событий не только подрывал своеобразную «витрину капитализма», которой стал Евросоюз, но и грозил затормозить дальнейшее наращивание экспорта из Германии. Этому воспрепятствовала валютно-финансовая политика ЕС. Германия начала выдавать кредиты и делать значительные инвестиции в ценные бумаги своих внешнеторговых партнеров. Эта политика финансировалась за счет росшего активного сальдо платежного баланса. Примеру немецких финансовых кругов последовали и финансовые структуры других стран. Таким образом, возраставший отток средств из стран юга Европы компенсировался столь же непрерывно повышавшимся импортом капитала, прежде всего, из Германии. Именно на этой основе происходил рост государственной, корпоративной и потребительской задолженности юга Европы. Именно такую природу имел настоящий бум потребительского кредита в этих странах накануне кризиса. Таким путем Германия способствовала расширению емкости рынка для своего возраставшего экспорта.

Подобный рост в долг не мог продолжаться вечно. После мирового обвала финансовых рынков в 2008 году приток средств на южную периферию Европы замедлился. Когда платить по долгам стало сложно, угроза дефолта в большей или меньшей мере нависла над Исландией, Грецией, Испанией, Португалией, Италией, Ирландией, балтийскими

странами некоторыми другими государствами. В этом отношении особенно показателен пример Греции. Конечно, проблемы этой страны выходят далеко за пределы чисто финансовой области и связаны с ее непростой историей. Чтобы залечить раны гражданской войны 1946–1949 годов и режима «Черных полковников» (1967–1974), правящие классы страны стремились поддерживать систему социальных гарантий. Для ее финансирования активно использовались внешние заимствования. В конце 1990-х произошел подлинный бум иностранных инвестиций на греческих финансовых рынках. Значительную роль в этом процессе играли финансовые круги Германии. Не понимая уязвимости своего положения, греческая буржуазия решила реализовать свои давние амбиции стать гегемоном капиталистических Балкан. На местные финансовые рынки потекли капиталы из Греции.

Когда разразился мировой кризис, оказалось, что вернуть капиталы, вложенные в мираж региональной гегемонии, нельзя, а вот платить внешним кредиторам надо. Разумеется, в 2009 году, когда впервые возникла угроза дефолта этой страны, ей была оказана помощь. Но не из гуманизма, а потому, что дефолт Греции означал бы потери для финансовых кругов старых членов ЕС. В ответ Греция была вынуждена принять требования строжайшей экономии (финансовый аскетизм). Под давлением международных финансовых кругов Греция была вынуждена согласиться на снижение дефицита государственного бюджета за счет урезания государственных расходов, прежде всего на социальные нужды, и повышения налогов.

Подобные меры «финансового аскетизма» навязываются и другим странам юга Европы. Нечего и говорить, что в конечном счете все эти меры оплачиваются рядовыми гражданами. Вернемся, однако, к рисунку, отражающему динамику реальной заработной платы в Германии и странах юга Европы. Представленные на нем данные говорят о том, что 2010 год был переломным. Как сказано, с конца 1990-х годов и вплоть до глобального кризисного спада 2008–2010 годов реальная заработная плата в Германии сдерживалась, в то время как на юге Европы непрерывно росла. После 2010 года роли переменялись. Разумеется, это неслучайно. Рост заработной платы в Германии опирается на улучшившееся положение страны в период ее замораживания. Теперь он позволяет смягчать последствия «Великой стагнации». У стран юга Европы никакой «подушки безопасности» на случай кризиса не оказалось. Поэтому они пошли по пути переноса основного бремени кризиса на наименее работников. В то же время экспорт из Германии пока не пострадал. Это связано с финансовой политикой, навязанной югу Европы.

Данный рисунок показывает динамику государственного консолидированного долга некоторых

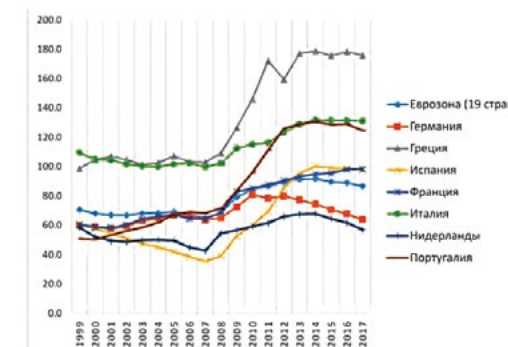

Рис. 4. Государственный консолидированный валовой долг некоторых стран еврозоны (% от ВВП) Источник: EUROSTAT. Database. — Government deficit and debt. — Table "Government deficit/surplus, debt and associated data", <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>, last accessed at 07.11.2018.

европейских стран. На графиках хорошо видно, что этот показатель у Германии и Нидерландов (стран севера) начал снижаться после некоторого роста в 2008–2010 годах. В то же время у стран юга консолидированный государственный долг в тот же период начал стремительно нарастать. Это значит, что, снижая личное потребление наемных работников, эти страны противодействуют снижению емкости рынка за счет наращивания государственной задолженности.

Рассмотренные факты говорят о том, что кризис еврозоны еще далек от своего разрешения. В самом деле, он является органической частью глобального кризиса мировой неолиберальной модели. Она покоится на двух китах: переносе производства из развитых капиталистических стран в регионы мира с низкой оплатой труда и доминировании финансово-спекулятивного капитала над промышленным. Эти два столпа современной мировой экономики тесно связаны и взаимно обусловлены. Именно эксплуатация дешевого труда мировой периферии позволила развитым странам сократить сферу материального производства. С другой стороны, мировые финансовые рынки выполняют важную роль посредников в присвоении доходов, создаваемых населением периферии, крупным капиталом центра.

В своеобразной форме данные проблемы проявились в еврозоне. Здесь роль внутренней периферии играют страны юга и востока в отношении старых членов ЕС. Именно поэтому преодоление текущего кризиса интеграционного объединения невозможно без смены самой модели интеграции. Германия, как и другие старые члены ЕС, должна отказаться от своего монопольного и привилегированного положения в пользу ущемленных стран. Если этого не произойдет, еврозоне будут ждать новые испытания.

ТАКТИЧЕСКИЕ ИГРЫ

Николай Кавешников, заведующий кафедрой Интеграционных процессов МГИМО

Различие в видении будущего Вашингтона и европейских столиц увеличивается. И противоречия между Соединенными Штатами и рядом европейских стран и экономические, и по ряду политических вопросов вышли на поверхность. Но при этом как раз российский вопрос — это вопрос, где базовые позиции американцев и европейцев, к сожалению, для нас совпадают. Различия могут быть в тактике. Соединенные Штаты стремятся увеличить санкционное давление. Европейцы не намерены его увеличивать, но готовы его сохранять вплоть до как минимум урегулирования ситуации на юго-востоке Украины. Так что я бы не стал делать ставку на какой-то очевидный раскол между США и Европой и какое-нибудь более-менее стремительное сближение Евросоюза и России. Я думаю, не много в Европе найдется людей, даже скептически относящихся к США и откровенно не любящих Трампа, которые при этом готовы были стать союзниками Кремля для противодействия Америке.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ 2018

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ ЭКОНОМИСТЫ НА СВОЕМ
ГЛАВНОМ ФОРУМЕ В КОНЦЕ ГОДА

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент
Международного союза
экономистов, дирек-
тор ИНИР им.
С. Ю. Витте, эксперт
РАН, д. э. н., профессор

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО — В ПЕРЕХОДЕ К НОВОУКЛАДНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Тема сегодняшнего пленарного заседания не случайно сформулирована нами как «Российская экономика: стратегия прорыва». В майском указе президентом поставлена задача возобновления экономического роста страны. До 2024 года нам необходимо в два раза снизить бедность, увеличить ожидаемую продолжительность жизни, обеспечить естественный рост численности населения, войти в число пяти крупнейших экономик мира. Все это — непростая комплексная задача и достойный вызов. И главная проблема — не только преодолеть кризис в отечественной экономике, но и устранить технологическое отставание России от развитых стран.

Чтобы догнать экономических лидеров по показателям роста, мы должны ежегодно увеличивать свой внутренний валовой продукт на 4–5% и более, если мы говорим о догоняющем или опережающем разви-

тии. В то же время Банк России и Минфин на ближайшие годы прогнозируют темпы роста ВВП в районе 1,5–2%. Таким образом, необходимо искать резервы роста, на что нацеливает нас и президентский указ, да и сама жизнь.

Какие новые решения можно было бы сформулировать? На каких направлениях надо сосредоточиться, чтобы обеспечить необходимый экономический рост? И не просто — рост, но рост качественный, повышающий уровень жизни населения, обеспечивающий формирование здоровой нации и массового креативного класса?

По всем этим направлениям нам необходимо в кратчайшие сроки осуществить прорыв формата «экономического чуда».

Возможно ли это?

Да, однако только при широком и повсеместном использовании преимуществ нового технологического уклада.

Что имеется в виду?

Первое. Нынешний переход к новоукладным технологиям (резко и принципиально отличающимся от предыдущих) сопровождается (впервые!) превалированием в новых технологиях знания над материальной основой. А это влечет за собой драматическое расширение использования их в качестве базовых, переход на базовое применение таких технологий, которые я называю знаниеемкими, которые имеют в основе «знания» и «емкость» и имплементируют в себе воплощенные определенные технологические решения.

Речь идет об объединении и синергетическом взаимном усилении нано-, био-, генно-, инфо- и когнитивных технологий, интегрированных на базе единой — цифровой — платформы, и формирующих ядро нового технологического уклада. Надо четко осознать, что весь мир в ближайшие десятилетия перейдет к такому укладу, который составит основу экономики будущего.

И у нас есть, в отличие от «азиатских

Приветствие в адрес Всероссийского экономического собрания председателя Совета Федерации ФС РФ Валентины Матвиенко, зачитано председателем Комитета Совета Федерации ФС РФ по экономической политике Дмитрием Мезенцевым:

«От имени Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и от себя лично приветствую участников Всероссийского экономического собрания и поздравляю вас с профессиональным праздником — Днём экономиста. Сегодня, благодаря эффективному взаимодействию государственных и общественных деятелей, представителей российской экономической науки, экспертов-практиков, в нашей стране происходит существенное преобразование экономики в результате развития новых направлений хозяйственной деятельности, роста экономического потенциала субъектов Российской Федерации, расширения области международного сотрудничества. Реализация мероприятий, посвящённых Дню экономиста, будет способствовать укреплению авторитета специалистов в области экономики, формированию профессиональной этики и ответственности, а также эффективной профессиональной ориентации молодого поколения. Уверена, что высокий представительский уровень Всероссийского экономического собрания и конструктивность дискуссии в рамках пленарного заседания позволят выработать предложения о поддержке социально-экономических преобразований в нашей стране и об обеспечении долгосрочного, сбалансированного пространственного развития Российской Федерации. Особое поздравление — лауреатам Общероссийской высшей общественной экономической премии «Экономист года», чьи достижения во благо общества и государства отмечены такой высокой оценкой. Желаю всем реализации намеченных планов и новых успехов».

тигров» второй половины XX века, создававших свое «экономическое чудо» в условиях предыдущего технологического уклада, подчеркну — есть огромные заделы в наличии и продвинутой новоукладных технологий и соответствующих знаний — причем не только пятого, но и шестого уклада. Это — второй аргумент в пользу движения по этому пути.

Далее, третья. Технологии нового поколения значительно, на порядок относительно менее капиталоемки и фондоемки, чем технологии предыдущих укладов, где в производственных издержках доминируют материалы. Плюс — что всем вам хорошо известно — выделяя в новом информационно-когнитивно-коммуникативном продукте его информационную составляющую (как сублимированное знание), мы понимаем, что она обладает свойством распределения издержек и не имеет такой затратности на условную единицу применения при масштабировании, как материальный продукт эпохи любого из предыдущих технологических укладов. Это позволяет получать

результат от перехода к таким технологиям практически сразу при их внедрении, что резко сокращает и глобальные издержки, и период первоначальных инвестиций, связанные с переводом экономики на новую технологическую базу.

К такой новой цифровой инфокоммуникативно-когнитивной экономике мы в состоянии перейти и можем, не откладывая, в ближайшие годы начать реальную реиндустриализацию сразу на вот этой, новой технологической основе.

Виктор Ивантер,
научный руководитель
Института народно-
хозяйственного про-
гнозирования РАН,
академик РАН, дей-
ствительный член
Сената ВЭО России

У НАС ЕСТЬ ПОЛНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ УСКОРЕННОГО РОСТА

Видная экономическая политика — это политика экономического роста, а рост мы меряем в доходах. Сказать, что у нас нет экономической политики, будет не верно, у нас есть то, что мы называем латентной экономической политикой. Мы принимаем конкретный набор решений: мы строим мост, строим дорогу или строим конкретное производство, и в этом смысле денежно-кредитная и финансовая политики не являются помехой. Уверяю вас, что, когда принималось решение, скажем, по строительству Крымского моста, никто не обсуждал вопрос, какая там будет ставка кредита, а говорили о том, строить — не строить, кто будет строить. То же самое, когда речь шла об оборонной промышленности, там, правда, были эксцессы с кредитами, но в целом все решалось.

Бизнесмен вкладывает, чтобы получить доход. А как нормальный бизнесмен у нас

знает, имеет ли смысл вкладывать? Если цены на его продукцию растут, то он вкладывает, а если не растут, то он не вкладывает. У нас чего добились? Мы боремся за снижение цен! То есть взяли и разбили градусник, которым бизнес мерил, куда вкладывать. Еще раз скажу: в действительности нет человека, который любил бы рост розничных цен, то есть с политической точки зрения электорат не любит, когда цены растут. Но бизнес любит, чтобы цены росли — это индикатор, куда двигаться.

У нас действительно инфляция снизилась, и дело не в том, как, где и насколько, ведь мы меряем как инфляцию — это рост розничных цен по всей стране от пива до автомобиля, от Калининграда до Магадана. И что, вы полагаете, таким образом можно заметить эти изменения вообще? И что при таких условиях 4,3% можно отличить от 4,1%? Чепуха на постном масле! В действительности есть недопустимый уровень инфляции — двухзначная инфляция абсолютно недопустима.

Проблема заключается еще в так называемых инфляционных ожиданиях. Инфляционные ожидания российского потребителя — не в росте цен на хлеб и молоко, они — в росте цен на бензин и курс доллара, это касается даже людей, которые никаких долларов на руках никогда не имели и на автомобилях не ездят. У нас плавающий курс рубля, но есть разница между пловцом и утопленником. Такое ощущение, что у нас рубль не совсем плавает. Плавает — это значит движение выше и ниже определенного стержня, а у нас происходит нечто странное: денежно-кредитные власти располагают резервами, близкими к полутриллиону рублей, у нас — минимальный государственный внешний долг, очень удачные цены на продукцию внешнеэкономической деятельности, и в этих условиях под плаванием понимается девальвация на 20% национальной валюты.

А ведь что произошло? Почему произошла такая девальвация? Может быть, все-таки сами виноваты? Первое — надо

было вводить определенные правила на случай массового бегства из облигаций, но более важный вопрос — зачем мы вообще продаем эти облигации? Мы на эти деньги что хотим получить? Мы продаем их, чтобы получить валюту, и платим за это процентов от 7 до 9. И что мы тут же делаем с полученными деньгами? Мы отдаем им, но уже, конечно, не под семь, а под три. Интересный бизнес! При этом, если бы эти инвесторы действительно покупали на свои деньги, ничего бы не было, но они же в кредит покупают, они играют на бирже.

Теперь по поводу резервов, которые необходимы для экономического роста. У нас есть главный резерв для экономического роста — это свободные мощности. Да, они не всегда комплектные. Но у нас загрузка — не более 60% в среднем, это не значит, что можно увеличить производство на 40%. Но на 20% мы можем увеличить без инвестиций! Это будет безинвестиционный рост. И это вполне реализуемо.

С другой стороны, мы говорим, что нам нужны резервы, потому что нас могут те обидеть, эти. А чем могут обидеть? А нас отключат от расчетов, пятое-десятое, перестанут нам давать кредиты и так далее. Так они уже перестали давать,

и где беда? Никакой беды нет, выяснилось, что справились. По нашей оценке, критический импорт, для которого нужны резервы, — 150 млрд долларов. Если у нас с вами лежит 450 млрд, это значит, мы можем три года ничего не продавать ни на одну копейку, ни одной копейки не получать и нормально жить. Зачем это нужно? В действительности эти деньги нужны прежде всего для нашего экспорта. Вы знаете, что деньги нужны в двух случаях: когда вы хотите что-то на них купить или что-то продать. А если вы хотите продать не углеводороды и не продовольствие, вы должны это продать в кредит, а для этого вам нужны деньги. Хорошо, допустим, мы будем так двигаться, мы будем давать деньги. А сколько? Так вот, если бы мы объявили, что мы готовы предоставить 50 млрд долларов кредитов для покупателей нашего высокотехнологичного экспорта, я думаю, что бизнес был бы заинтересован в развитии в России, а если мы выделяем аж 20 млрд рублей, то это пустой разговор.

Я думаю, что когда говорят об экономическом чуде, то оно у нас есть. Первое экономическое чудо, которое является централизованно управляемым, это наша оборонная промышленность. В 1999 году вышло интервью Юрия Маслюкова, кото-

рый стал первым вице-премьером, рекомендую прочесть, что он говорил о шансах на возрождение этой отрасли. Однако это произошло. Что касается разговоров, что не взлетало, а что упало, то у Королева тоже не все взлетало — не надо дурака валять. Совершенно понятно, что есть недостатки, но в целом мы восстановили вполне приличный оборонный потенциал. Но у нас есть и другой успех — это фантастический успех в сельском хозяйстве. Это успех не постсоветский, по сравнению с досоветскими временами, это успех исторический. Российская империя действительно экспортировала зерно в большом количестве, но время от времени был голод. А мы сейчас реально экспортируем избытки продовольствия, полностью себя обеспечивая. Это безусловное чудо. А как это произошло? В отношении сельского хозяйства мы вели себя адекватно: там были нормальные кредитные ставки, там были нормальные экономические условия. Но не нужно путать две вещи: мы действительно имеем успех в сельском хозяйстве, но это не успех села. Осталась проблема сельского уклада жизни. Мы должны внятно себе сказать, хотим ли мы сохранить среднюю Россию как базу нашего развития или мы перейдем к агрогородам и прочему.

По нашим расчетам, если мы будем вести адекватную экономическую политику, у нас есть полная возможность решить задачи ускоренного роста. Для этого нужно перестать играть в прятки и в слова, внятно определить, какими способами мы будем это делать, а у нас есть не только успешные отрасли, у нас есть успешные регионы, и будем тиражировать успехи, а не жаловаться на всякие безобразия.

Сергей Глазьев,
академик РАН,
советник Президента
РФ, вице-президент
ВЭО России

ПОКА МЫ ОСТАЕМСЯ В СТОРОНЕ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЧУДЕС

Мы переживаем сегодня переходный период: с одной стороны идет технологическая революция семимильными шагами, преобразовывая нашу экономику и общество. Именно в этот период страны, которые правильно концентрируют свои ресурсы на ключевых направлениях роста нового технологического уклада, совершают рывок, именно в этот период совершаются экономические чудеса. Как раз сейчас восходящая длинная волна Кондратьева дает возможность, в том числе и нам, если мы правильно сконцентрируем свои научно-технические, производственные и интеллектуальные ресурсы, совершить тот самый рывок.

С другой стороны, мир переходит к новому мирохозяйственному укладу, формируется новая система институтов, новая система управления. Те страны, которые осваивают первыми эту новую систему вос-

производства экономики совершают на наших глазах потрясающие рывки в своем развитии, формируются новые локомотивы глобального экономического роста, формируется новый центр мировой экономики в Юго-Восточной Азии. Этот новый мирохозяйственный уклад нам очень хорошо понятен, мы о нем говорили, наши ученые, еще 50 лет назад. По примеру выраженного Питиримом Сорокиным образа «интегрального строя» мы его назвали интегральным, когда государство сочетает стратегическое индикативное планирование и механизмы рыночной самоорганизации, контроль за движением денег и поощрение частного предпринимательства, а власть выступает как интегратор разнообразных социальных интересов, поощряющий частный бизнес в той степени, в которой он работает на подъем экономики.

Примером такого интегрального уклада является не только Китай, но и Индия, страны Индокитая. Везде, где он формируется, мы видим взрывной экономической рост на уровне от 8 до 12% ВВП в год.

Мы остаемся пока в стороне от этих экономических чудес. Если в цифрах, на какие темпы роста мы должны ориентироваться? Именно на те цифры, которые показывают страны, совершающие рывок в экономическом развитии. Это означает не менее 7–8% роста ВВП, в основе должен лежать опережающий рост инвестиций, и сама центральная часть системы управления в этих странах обеспечивает прежде всего рост инвестиций, все инструменты экономической политики настраиваются именно на форсированный рост инвестиций. Разумеется, не куда попало, а в те сферы, которые дают наибольший подъем экономической эффективности.

Очевидно, что это прежде всего новый технологический уклад, он растет сегодня темпами в среднем 35% в год. Это первая составляющая стратегии опережающего развития. Вторую составляющую мы называем «динамическое наверстывание». Это инвестиции в те сферы, где мы близки к фронту научно-технического прогресса, например, авиационную промышленность,

НЕ САЖАЙТЕ В ЛАГЕРЯ!

Владимир Жириновский,
депутат, член Совета
Государственной Думы Федерального
Собрания Российской Федерации, руко-
водитель фракции ЛДПР, доктор
философских наук, профессор

Вы говорите: «Занимайтесь бизнесом». Сперва не сажайте в лагерь тех, кто занимается бизнесом, как вы будете уговаривать их детей и внуков заниматься бизнесом? В 94 году мы убрали статью, запрещающую предпринимательство, всего-навсего, видите, 25 лет прошло, а до этого-то было наказание, это тоже нужно иметь в виду. Частную собственность мы восстановили, но мы с чего начали переход к другой экономике? За рубежом как начинали? Сперва приватизация, а потом либерализация. Мы: сперва либерализация, а потом приватизация. Сперва деньги рухнули, а теперь покупайте акции. На что? Но это же издевательство. Кто-нибудь понес ответственность за то, что специально была использована не та формула приватизации? Сперва у нас у всех были деньги, 300 миллиардов советских рублей было на книжках у нас у всех, люди бы с удовольствием купили акции новых предприятий. Нет, сперва мы их, так сказать, продадим кому надо, а потом вы со своими ваучерами бегайте. В Думе мы полгода назад приняли поправку в закон — послушайте — разрешающую собирать валежник в лесу. Представляете? Какой бизнес, когда наш сельский житель не мог пойти в лес и собрать валежник, то, что валяется на полу, мусор лиственный, засохшие все эти штучки, которые можно собрать и в печи топить? Мы разрешили полгода назад, до этого — штраф, наказание, это воровство. Кого мы подвинули в класс предпринимателей? Теневиков, а они все делали в обход закона. Какое же соблюдение закона, когда мы их легализовали, весь теневой сектор Советского Союза? Но и они не устояли, их перестрелял криминал, который увидел лакомые кусочки. Какие там теневики? Их убрали криминал, а криминал перестреляли силовики. Главный вывод, который никогда никто не делает, я уже об этом говорю 30 лет. Я это сказал в Кремле, Путину: «У нас вся демократия и экономика — сверху». Мы никогда не достигнем успеха. Сверху делал все царь. Где он? Сверху все делал генеральный секретарь. Где он? Почему все сверху идет? Это невозможно сделать сверху.

где относительно небольшие, но системные инвестиции, в том числе в создание финансовых инструментов для лизинга самолетов, могут дать взрывной рост в этой потрясающей по своему мультипликативному эффекту отрасли. Наконец, это догоняющее развитие, которым занимается наше правительство, в виде поощрения промышленной сборки автомобилей — но это лишь малая часть стратегии, которая даст 1–2% роста, тогда как научно-техническая революция на базе нового технологического уклада дает многократное увеличение эффективности во всех сферах, куда проникает комплекс высокотехнологических производств (нано-, биоинженерных, информационных, аддитивных и т. д.). Четвертая часть этой стратегии, о которой многократно говорилось, это углубление переработки сырья. Возможности увеличения продукции нефтехимии, газохимии, деревообработки и т. д. составляют кратные величины. Пятая составляющая — интеллектуализация нашего производства, опережающее развитие науки и образования.

К сожалению, находясь в зависимости от старого центра мировой экономики, куда мы скатились благодаря политике Вашингтонского консенсуса, мы более 20 лет идем по пути воплощения рекомендаций МВФ и, как все страны на этом пути, все глубже и глубже опускаемся на периферию старой мировой экономической системы, которая сама по себе уже переживает разрушительные удары финансового кризиса.

Совсем рядом с нами формируется новый центр глобального экономического роста, и мы испытываем колоссальное напряжение на разрыв. Выйти из этого напряжения, удержаться от разрыва нашей экономики можно только путем совершения экономического рывка.

Андрей Клепач,
заместителю председателю
Внешэкономбанка,
заслуженный экономист
Российской Федерации

ИМЕТЬ ТЕМПЫ РОСТА, КАК У НАС, РИСКОВАННО

Экономика у нас выросла в прошлом году на 1,5%, в этом году, я думаю, будет 1,6%, но действительно возникает вопрос, а какие темпы роста нам нужны? Позиция Института народнохозяйственного прогнозирования РАН — в том, что мы реально можем выйти на темпы роста уже в ближайшей, в среднесрочной перспективе — 4,5–5,5%. Я думаю, что у нас здесь есть достаточно много барьеров (и внешних, и внутренних), из-за которых мы на такие темпы выйти все-таки в ближайшее время не сможем, но тем не менее потенциал для ускорения как минимум до 3–4% реально есть.

Это оценки Института экспертизы Внешэкономбанка. Если мы говорим о мировом прогнозе, то сейчас это — 3,8%. На последующие годы, по большинству оценок, рост также составит примерно

3,7%. Хотя структура лидерства меняется, темпы роста Китая замедляются, в целом в Юго-Восточной Азии (и особенно в Индонезии, это тоже один из таких ключевых лидеров мировой экономики) в перспективе они будут достаточно высокие. Индия — более 7% в среднесрочной перспективе, Индонезия — 5–6%, а это страна с населением 260 миллионов человек, конкурент для нас и по углю, и по многим другим продуктам. На этом фоне иметь темпы роста, которые мы имеем, рискованно. Нижняя кривая — это консервативный вариант, но не самый худший — 2 с лишним процента роста для нашей экономики. Но, по нашей оценке, темпы роста 3,5%, до 4% достижимы.

Хотел бы отметить несколько моментов, связанных с тем, а что мы можем реально сделать для такого прорыва и какие возможности или, наоборот, барьеры у нас существуют. Первое, что обычно выделяют, — это то, что у нас крайне негативная демографическая ситуация и она ограничивает рост российской экономики. Тем не

менее на самом деле ситуация не настолько плохая, как часто кажется, и нельзя списать наши низкие темпы роста сейчас и вопрос низких темпов роста в будущем на демографические показатели.

Вот два прогноза: зеленый — это базовый, серый — более оптимистичный. У нас есть демографические прогнозы, на которые ориентируются параметры демографической политики. По ним мы должны не просто сохранить стабильность населения, но есть возможности его увеличения примерно до 155 миллионов человек. Трудно сказать, выйдем ли мы на продолжительность жизни 78 лет к 2420 году, но потенциал увеличения есть и в повышении рождаемости, и особенно в уменьшении смертности в трудоспособном возрасте. Есть такой показатель, не совсем демографический, скорее, социальный. Наверное, не все знают, но у нас показатель убийств на 10 тысяч жителей чуть менее чем вдвое выше, чем в Соединенных Штатах, где этот показатель нельзя назвать низким. Если мы сравниваем с Китаем, то там показатель убийств примерно в 4–5 раз ниже, чем у нас, и это тоже определенный, важный, хотя и не только экономический показатель. Это показатель социального здоровья общества, показатель ценности человеческой жизни и эффективности работы

РАЗВИТИЕ НЕСЫРЬЕВОГО РЕГИОНА

Сергей Морозов,
губернатор Ульяновской области

Неприятно вспоминать, но все же буквально несколько примеров. Самая низкая зарплата в России. Самая высокая безработица, уровень которой, по методологии Международной организации труда, составлял практически около 10%. У наших соседей этот показатель был в два, в три раза меньше. Спад производства: 50% от уровня 90-х годов буквально за 10 лет после распада Советского Союза, вот так мы пришли к такому ужасному положению. На 90% объем промышленного производства формировался буквально в трех предприятиях региона. Мы практически перестали строить жилье. Уровень безработицы, прошу прощения, уровень бедности подходил уже к 50%, и, конечно, государственный долг был существенно больше бюджета региона. Можно было сказать о том, что все, был банкрот.

Для исправления ситуации (и мы тогда обратились к Вольному экономическому обществу и ко многим экспертам, которые сегодня входят в эту замечательную организацию) мы сделали основную ставку на улучшение делового климата, на увеличение инвестиционной составляющей в регионе, на формирование лучшей нормативно-правовой базы на то время в Российской Федерации, на обучение и формирование уникальной команды управленцев и, конечно, на желание изучать лучшую практику и формировать таким образом свою историю и формулу успеха. Результатом тех решений сегодня является, наверное, практически самое стабильное вхождение региона в группу лидеров, причем и по инвестиционным, и инновационным, и по другим направлениям, которые сегодня отслеживают федеральные органы власти. Это подтверждается многими замечательными показателями. Например, буквально за короткий период времени почти 1 триллион рублей влив в экономику. Частных инвестиций, я говорю только о частных инвестициях. Валовой объем регионального продукта вырос более чем в пять раз за последние 10 лет. Темп роста валового регионального продукта в основных ценах за последние пять лет не опускался ниже 5%. Индекс промышленного производства никогда не опускался ниже 100%, несмотря на то что в отдельные годы имел и 110, и 112% к уровню предыдущего года.

силовой и правоохранительной системы. Итак, у нас есть возможность переломить негативную тенденцию к сокращению населения в трудоспособном возрасте, и, в принципе, к 2024–2025 году она может начать увеличиваться.

Оценивать потенциальный эффект национальных проектов еще достаточно сложно, хотя бы по той причине, что хотя они уже утверждены и согласованы правительством, но не все закреплено и согласовано в рамках бюджета до 2021 года. По оценке Счетной палаты, примерно триллион денег пока еще не распорядился. Либо его надо извлекать из других расходов, либо все это сносится на следующий бюджетный цикл, на 2022–2024 годы. Тем не менее, по оценкам нашего института, хотя похожие есть и у других экспертных сообществ, эффект повышения НДС понижает траекторию роста примерно на 0,4%. Это плата, которую решили заплатить за увеличение бюджетных расходов, нужных для национальных проектов. И, собственно говоря, то, что дают сами национальные проекты — это в начале примерно 0,8%, а далее — 1,7–1,9 процентных пункта. Это значимый эффект, однако это не позволит нам выйти на темпы роста более 3%. По нашей оценке, 2–2,5% — это максимум. Это означает, что нужны дополнительные, другие факторы.

Экономисты любят считать совокупную факторную производительность, вклад капитала, труда. Когда мы говорим о производительности, то понятно, что эта производительность берется не просто от закручивания гаек или внедрения передовых методов, хотя это очень важный фактор, она связана более с инвестициями, связана с технологиями, и поэтому здесь есть достаточно прямая зависимость с расходами на НИОКР, и расходами на образование. Известно, что расходы на образование, если мы возьмем бюджетный сектор, они у нас достигли пика примерно в 2012–2013 годах и с тех пор стали снижаться, то же самое — расходы на здравоохранение в процентах к ВВП. Расходы на науку стабильны уже много лет: на уровне не более 1,1% ВВП. Это существенно ниже, чем все параметры, которые в свое время принимались в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития, да и в других программных документах. Соответственно, возникает вопрос, а почему мы этого не достигли? В какой мере это связано с практически постоянным урезанием или недофинансированием со стороны бюджетной системы, а в какой мере связано с тем, что нам не удалось действительно создать условия, чтобы част-

ный бизнес начал инвестировать в то же развитие науки и технологий?

Даже с учетом того, что сейчас заложено в Национальный проект по образованию, мы существенного рывка до 2024 года получить не сможем. Эти расходы, если брать бюджетную систему, поднимутся, будут где-то около 3,6–3,8%, то есть не сильно больше, чем сейчас, и ниже, чем в 2008–2009 году. То же самое — по науке и по здравоохранению.

Норма накопления. Вроде бы азбука и аксиома всех экономических исследований в том, что страны, которые делали рывок, всегда имели существенно более высокую норму накопления. В Индии она долгое время была около 20%, сейчас — 25–27%. Про Китай с их 40% я не говорю, она у них будет снижаться. Мы многократно ставили задачу: когда-то 27%, если брать указ 2012 года, сейчас — 25% инвестиций. Пока мы от решения этой задачи далеки, но опять же возникает вопрос, что нужно для этого сделать?

Из-за чего норма накопления низка? Первое. Государство фактически сокращает свою норму накопления, и государственные инвестиции сокращаются в реальном выражении. И второе. Нет условий, чтобы частный бизнес реально вкладывался. Причем прибыли позволяют это делать. Но мы видим существенный экспорт капитала, экспорт капитала за этот год — примерно 60 миллиардов долларов, а прирост сбережений государства — почти 40 миллиардов, с учетом валютных резервов — даже и больше.

Напомню: на самом деле проект нынешнего бюджета — это уже модификация де-факто бюджетного правила. По бюджетному правилу, расходы бюджета должны были быть существенно более низкими, чем то, что сейчас заложено. Но это каким образом решается? Бюджетное правило осталось, бюджет профицитный на весь планируемый период, но одновременно федеральный бюджет начнет занимать.

Мы поддерживаем финансирование национальных проектов, но одновременно увеличиваем государственный долг. И, если ничего не менять в бюджетном правиле, то у нас внебюджетные фонды когда-нибудь разбухнут до 28% ВВП. Дальше возникает вопрос, зачем нам такого рода избыточные национальные сбережения, если мы их не инвестируем в свою страну, а де-факто накапливаем в виде валютных резервов стран, с которыми, как известно, у нас крайне дружеские отношения?

Александр Мурычев,
исполнительный президент РСПП, д. э. н., профессор, вице-президент ВЭО России

У КРУПНОГО БИЗНЕСА ЗАМОРОЖЕНО ПРОЕКТОВ НА 6 МЛРД

Оценивая ситуацию с крупным бизнесом, могу сказать, что сейчас есть маленькая надежда, что мы с правительством наконец-то стали разговаривать на одном языке. Я пока неуверенно об этом говорю, но тем не менее, сейчас формируется документ по трансформации делового климата, где фактически собраны все инновации и предложения, которые бизнес наваял за последнее время, прежде всего по линии Российского союза промышленников и предпринимателей. Наши предложения в достаточно большой части вошли в этот документ под названием «Трансформация делового климата». Это механизм, который, по нашему разумению, обеспечивает оперативное реагирование на запросы бизнес-сообщества от принятия в рамках экспертных заключений того или иного нормативного документа до контроля за его реализацией и оценки регулирующего воздействия

и реализации заложенных в этом документе мероприятий. Для нас как для бизнеса очень важен не сам документ, а документ, который формируется вместе с правительством. И, самое главное, чтобы мы имели рычаги влияния на мониторинг, контроль, который обеспечивал бы реальную реализацию этого документа. Всё, что было до этого, к сожалению (я уже начал с этого), не приносило результатов, и поэтому мы имеем то, что на сегодня мы с вами имеем. Мы, конечно же, поднялись достаточно уверенно в рейтинге Doing Business и сейчас находимся на 31-м месте. Это, конечно же, очень показательный результат последних лет работы. 31-е место — достаточно благоприятная позиция. Мы хорошо преуспели по подключению к электросетям, по открытию проектов программ, связанных со строительством, по вопросам, связанным с международной торговой деятельностью, по вопросам, связанным со сбором налогов, и по ряду других позиций. Но здесь стоит очень серьезное «но», потому что когда начинаешь анализиро-

вать и слушаешь уважаемых экономистов, то все подчеркивают, что у нас очень большие проблемы с инвестиционной деятельностью, и, прежде всего, в области инвестиций в основной капитал. В главном пока мы, к сожалению, не можем похвастаться, у нас очень медленно увеличивается объем инвестирования в основной капитал. И, к сожалению, попадание в лучшие места никак не пропорционально, не адекватно позиции, связанной с увеличением объема инвестиций в основные средства производства. Здесь мы говорим о главном и постоянно подчеркиваем, что застарелые проблемы, о которых мы постоянно говорим, касаются не денег. Деньги-то в стране есть, тем более у крупного бизнеса, у банков. Большие объемы — триллионы лежат на депозитах, они никак не задействованы, в том числе остатки средств предприятий, депозиты кредитных учреждений, они совершенно не задействованы по разным причинам. Первая и главная причина связана с тем, что нет

ных инвестиций, которые могли бы сыграть свою значительную роль в рамках частно-государственного партнерства, в том числе и в реализации стратегически важных направлений. Я в этой связи хотел бы сказать, что, несмотря на наши успехи в налоговой реформе, так называемая предсказуемость в ведении политики неналоговых платежей, есть пример НДС, другие примеры, но тем не менее мы видим, что таких системных реформирований в налогах не происходит. Но параллельно с этим произошла другая картина: ведомства, регионы, отрасли стали увлекаться неналоговыми платежами. Тарифы, пошлины, сборы очень сильно ударили по предсказуемости и инвестиционной привлекательности ведения бизнеса в регионах или в отраслях нашего хозяйствования. Что-то сейчас действительно в этой связи делается, готовится законопроект, связанный в первую очередь с консолидированием позиций, связанных с теми или иными платежами, чтобы они вошли в Налоговый кодекс и имели некую обязательность, и ведомства и регионы не шибко увлекались этим направлением своей деятельности.

Сейчас работает рабочая группа по содействию реализации новых инвестиционных проектов, куда вошли все профильные министры российского правительства и все крупные предприниматели. Возглавили эту рабочую группу: со стороны правительства — Силуанов, со стороны бизнеса — Шохин. И рабочая группа активно начала работать. И ведомства, министерства начинают предоставлять свои проекты для рассмотрения на этой рабочей группе (в том числе и в рамках Проектного комитета, который создан по этой рабочей группе) тех или иных программ, куда правительство в лице отраслевых ведомств, министерств готово пригласить крупный частный бизнес для соинвестирования. Мы при этом говорим, что задача этой рабочей группы — и она должна быть четко понятной для всех — не отбирать проекты, проекты будет отбирать Внешэкономбанк, естественно, там есть достаточно сильная экспертная база. А задача этой рабочей группы — создать системные правила игры с привлечением всех внебюджетных возможностей, средств и повысить эффективность реализации государственных проектов через совершенствование регуляторики как таковой и создание дополнительных или отсутствующих инструментов мотивации, для того чтобы частный бизнес мог вкладывать средства. Но и при этом самое главное: не просто вкладывать, не просто создавать мотивацию,

но и защищать те средства, которые бизнес будет, или намерен, или ему предложат вкладывать в те или иные проекты. У самого крупного бизнеса, когда мы стали просчитывать, было проектных разработок на 6 триллионов рублей — по развитию собственных компаний и корпораций. Но они не реализуются в том числе и из-за того, о чем я и сказал: из-за слабой предсказуемости и отсутствия мотивации по включению этих средств для развития собственного производства. Поэтому здесь двоякая задача: реализовывать проекты частно-государственного партнерства, которые имеют стратегический характер, и формировать предложения и инструменты для включения собственных средств предприятий для реализации их инвестиционных программ. И наконец, конечно же, стержневая задача текущего момента, на наш взгляд, — это защита внутреннего российского рынка не столько от прямых санкций, которые, воз-

Поэтому, конечно же, нужно создание такого органа, где бы целенаправленно, через принятые решения, дорожную карту осуществлялась программа дедолларизации нашей экономики, и тем самым мы бы, наверное, несколько обезопасили свое будущее, которое должно быть в меньшей степени зависимо от самого доллара. При этом ЦБ, я напоминаю, снял все ограничения на невозможность повышения ключевой ставки. А это значит, что ставка, которая является инструментом денежно-кредитной политики, прямым образом влияющим на процентные ставки в экономике, может и вырасти. И, скорее всего, она вырастет, если сейчас будут усиливаться санкции и будет наблюдаться нестабильность в поведении. Психологически это очень сильно будет давить на сам бизнес, и риски будут возрастать. Скорее всего, ЦБ будет наращивать эти возможности, я имею в виду, повышать ставку. Напомню, что 16 декабря 2014 года ставка достигала 17%

СТЕРЖНЕВАЯ ЗАДАЧА ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА — ЭТО ЗАЩИТА ВНУТРЕННЕГО ПРОИЗВОДИТЕЛЯ ОТ ВТОРИЧНЫХ САНКЦИЙ

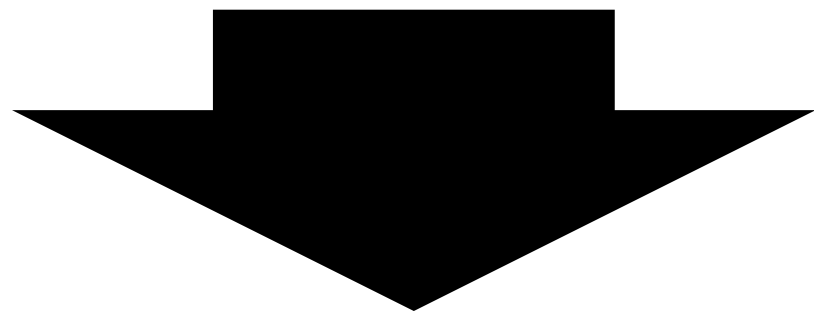
можно, будут сейчас усиливаться, сколько от так называемых вторичных санкций, которые могут ударить по целой группе крупных компаний, клиентской сети этих коммерческих банков и государственных банков. Поэтому главное сейчас, на сегодняшний день, конечно же, включение в полном объеме рублевой среды. Эволюционное избавление от доллара, дедолларизация российской экономики должна осуществляться, мне кажется, в рамках какого-то межведомственного органа, который должен методически, через дорожную карту осуществлять эту важную задачу. Потому что, когда спросишь «а кто за это отвечает, если, мы говорим, от доллара надо избавляться, так сказать, уходить в рубль или расчеты вести в национальных валютах, даже в рамках ЕАЭС», оказывается, никто за это не отвечает сейчас в стране.

Она постепенно снижалась. ЦБ снижал ставку, вот 14 сентября 2018 года впервые за эти 4 года ЦБ повысил ставку уже до 7,5%, на 0,25 процентных пункта. Но при этом бизнес всегда настаивал и будет настаивать (даже в этих условиях тем более будет настаивать), чтобы ставка не повышалась, а все-таки снижалась с учетом текущих огромных вызовов, которые сейчас стоят перед российской экономикой. Нужны нестандартные действия, и я за то, чтобы роль ЦБ повышалась в обеспечении роста экономики. Это важнейший институт, который очень сильно влияет на ход событий в экономике, и здесь нужна по-настоящему единая денежно-кредитная политика, которая согласовывалась бы правительством, Центральным банком со всеми регулирующими органами, и бизнес в этом активно принимал бы участие.

ALL-RUSSIAN ECONOMIC ASSEMBLY 2018

DISCUSSING PROBLEMS OF RUSSIAN
economy

Sergey Bodrunov,
President of the VEO of Russia, President
of the International Union of Economists,
Director of the S.Yu.Witte Institute of New
Industrial Development, expert of the
Russian Academy of Sciences, Doctor of
Economics, Professor.

AN ECONOMIC MIRACLE IS IN THE TRANSITION TO NEW-GENERATION TECHNOLOGIES

It is not by chance that the topic of today's plenary session has been formulated as follows: "Russian economy: a breakthrough strategy". In his May decree, the president set the task of resuming the country's economic growth. Until 2024, we need to halve poverty, increase life expectancy, ensure natural population growth, and become one of the world's top five economies. It is a difficult and complex task and a worthy challenge. And the main problem is not only to overcome the crisis in the domestic economy but also to eliminate the technological gap between Russia and the developed countries.

In order to catch up with economic leaders in terms of growth, we must be annually increasing our gross domestic product by 4-5% or more to ensure catch up or advanced development. At the same time, the Bank of Russia and the Ministry of Finance forecast GDP growth rates in the region of 1.5–2% for the coming years. Thus, it is necessary to look for growth reserves, as suggested by the presidential decree and life itself.

What new solutions could be formulated? What areas do we need to focus on to ensure the necessary economic growth? And not just growth, but a qualitative growth which would raise the living standards of the population and ensure the formation of a healthy nation and a massive creative class?

In all these areas, we need breakthroughs in the form of «economic miracle» as soon as possible.

Is it possible?

Yes, but only with the comprehensive use of the advantages of the new technological order.

What does it mean?

First, the current transition to new-generation technologies (extremely and fundamentally different from the previous ones) is accompanied (for the first time!) by the domination of knowledge over the material basis in those new technologies. And this entails a dramatic expansion of their use as basic technologies, the transition to basic application of such technologies, which I call knowledge-intensive and which are based on «knowledge» and «capacity» and embody certain technological solutions.

We are talking about integration and mutual synergistic reinforcement of nano-, bio-, genetic, information and cognitive technologies, integrated on the basis of a single, digital, platform, and forming the core of the new technological mode. It should be clearly understood that in the coming decades the whole world will move on to such a mode which will form the basis of the economy of the future.

Let me emphasize that in contrast to the "Asian tigers" of the second half of the 20th century, who created their own "economic miracle" in the conditions of the previous technological mode, we have a huge lead in the availability and advancement of new-generation technologies and corresponding knowledge — not only the fifth but also of the sixth mode. This is the second argument in favor of following this path.

Third. The new-generation technologies are significantly, by orders of magnitude, less capital-intensive and fund-intensive than those of the previous modes where costs of materials dominate production costs. Plus, as you all well know, by highlighting the information component (as sublimated knowledge) in the new information-cognitive-communicative product we understand that it has cost distribution properties and that its scalable costs-per-application unit ratio is not as high as that of any material product of the era corresponding to any of the previous technological modes. This allows you to get a result from the transition to such technologies almost immediately upon their introduction, which dramatically reduces both the global costs and the period of initial investment associated with the transition of the economy to a new technological base.

We are in a position to move to such a new digital information, communication and cognitive economy, and we can, without delay, launch a true re-industrialization in the coming years on the new technological basis.

Sergey Glazyev,
Academician of the
Russian Academy of
Sciences, Advisor to the
President of the
Russian Federation,
Vice President of the
VEO of Russia

NO ECONOMIC MIRACLES SO FAR

We are experiencing a transitional period today: on the one hand, the technological revolution is taking place by leaps and bounds transforming our economy and society. It is during such periods that countries with proper concentration of their resources on the key areas of growth of the new technological order are making their breakthroughs, it is during that period that economic miracles occur. Right now, the rising phase of a Kondratieff wave gives us the opportunity to make such a leap, if we properly concentrate our scientific, technical, industrial and intellectual resources.

On the other hand, the world is transitioning to a new world economic mode, a new system of institutions and a new management system are being formed. Those countries that are the first to master this new system of economic reproduction are making tremendous breakthroughs in their development right before our eyes, new locomotives of global economic growth emerge, a new center of the world economy is being created in Southeast Asia. This new world economic order is very well understood by us, our scholars talked about it 50 years ago. Following the example of the "integral order" concept offered by Pitirim Sorokin, we used the term "integral" when the state combined strategic indicative planning and market self-organization mechanisms, control over the movement of money and encouragement of private entrepreneurship, and when the government acted as an

integrator of various social interests, encouraging private businesses inasmuch as they worked for the benefit of economic recovery.

Examples of such an integral order include not only China, but also India, and the countries of Indochina. Everywhere, where such an order has taken root, we see explosive economic growth at the rate of 8 to 12% of GDP per year.

So far, no economic miracles for us. What numbers should we focus on in terms of growth rate? Exactly the numbers demonstrated by the countries that made their breakthroughs in economic development. This means at least 7-8% of GDP growth, based on the advanced growth of investment. The management systems in those countries are primarily focused on the growth of investment, and all economic policy instruments are specifically tuned to accelerated investment growth. Of course, investments should not be arbitrary, they should target those areas which provide the greatest increase in economic efficiency.

Obviously, the new technological mode is currently growing at the average rate of 35% per year. It is the first component of the strategy of advanced development. The second component is called dynamic catch-up. It means investments in areas where we are close to the frontier of scientific and technological progress, for example, the aviation industry where relatively small but systemic investments, including the creation of financial instruments for aircraft leasing, may yield explosive growth for the industry with its stunning multiplicative effect. Finally,

it means catch-up development, which is supported by our government by encouraging industrial car assembly — but it is only a small part of the strategy, which will yield 1-2% growth, whereas a scientific and technological revolution based on a new technological mode will ensure a manifold increase in efficiency in all hi tech spheres (nano— and bioengineering, information technology, additive manufacturing, etc.). The fourth, widely discussed, part of this strategy is deepening the processing of raw materials. Opportunities for increasing the output of petrochemical, gas chemical, woodworking products, etc. are abundant. The fifth component is the intellectualization of production, the advanced development of science and education.

Unfortunately, with our dependence on the old center of the world economy, where we ended up thanks to the Washington Consensus policy, we have been following the path of implementing the IMF recommendations for more than 20 years, and, like all countries which followed that path, we're moving farther and farther to the periphery of the old world economic system, a system which itself has already been exposed to the devastating impact of the financial crisis.

A new center of global economic growth is being established right next to us, and we are exposed to a tremendous breaking strain. The only way to ease the strain and keep our economy from breaking is achieving an economic breakthrough.

Andrey Klepach,
Deputy Chairman of
Vnesheconombank,
Honored Economist
of the Russian
Federation

THE GOVERNMENT HAS BEEN ACTUALLY REDUCING ITS ACCUMULATION RATE, AND PUBLIC INVESTMENTS ARE DECLINING IN REAL TERMS.

OUR GROWTH RATES ARE RISKY

Our economy grew by 1.5% last year, and I believe will be up 1.6% this year, but the real question is: what growth rates do we need? The position of the Institute for National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences is that we could realistically achieve the growth rates of 4.5-5.5% quite soon, in medium term. But there's a number of obstacles (both domestic and foreign) due to which we will not be able to achieve those rates in the nearest future. Yet the potential of accelerating to at least 3-4% does exist.

According to a moderately optimistic scenario we will be able to approach world economy growth rates

These are the estimates by the Vnesheconombank Expert Review Institute. As regards the global forecast, it is currently 3.8%. In subsequent years, according to the majority of estimates, the growth rate will also be about 3.7%. Although the leadership structure is changing, and China's growth is slowing down, the growth rates in Southeast Asia (and especially in Indonesia as it is also one of the key leaders of the global economy) will be generally quite high in the future. Growth rates will exceed 7% for India in medium term, and 5-6% for Indonesia, a country with the population of 260 million, our competitor in coal mining and many other industries. Against this background, it is risky to have such growth rates as we have. The

lower curve is a conservative, and not the worst-case, scenario, — over 2 percent growth for our economy. But, according to our own estimates, growth rates of 3.5-4% are achievable.

I would like to mention a few points in relation to what we can really do for such a breakthrough and what opportunities or, conversely, setbacks we have had. The first point that is usually emphasized is that we have an extremely negative demographic situation which limits the growth of the Russian economy. However, in reality, the situation is not as bad as it often seems, and we cannot explain away our current or future low growth rates by demographic indicators.

Demographic situation is one of the key factors limiting the growth of the Russian economy

Here are two projections: the green one is basic, and the gray one is more optimistic. Our demographic projections guide the parameters of demographic policy. According to those projections it will not only be possible to keep the current population as it is but also to increase it to about 155 million. It is difficult to say whether we will reach a life expectancy of 78 by 2024, but there is an potential of increasing the birth rate and decreasing the mortality rate for working-age people, which is especially important. There is a particular indicator, it's not entirely demographic but rather social. Probably, not everyone knows but our homicide rate per 10 thousand people is just nearly twice as high as in the United States, where it cannot be thought of as low.

Compared to China, our homicide rate is nearly 4-5 times higher than theirs, and it is also a certain important indicator albeit not purely economic. It is an indicator of society's social health, an indicator of the value of human life and the effectiveness of the law enforcement system. So, we have the opportunity to reverse the downward demographic trend for working age people, and, in principle, working-age population may start to grow by 2024-25.

Accumulated contribution of VAT increase and national projects implementation to GDP growth

Although the national projects have already been approved and agreed upon by the government it is still quite difficult to assess their potential effect because some of their aspects have not been fully confirmed and coordinated within the framework of the budget until 2021. According to the estimate of the Accounting Chamber, about a trillion rubles has not yet been allocated. It should be either taken from other expenses or carried over to the next budget cycle, for the years 2022-24. Nevertheless, according to our institute's estimates (confirmed by other expert communities) the effect of the increased VAT will lower the growth trajectory by nearly 0.4%. It is the cost the government decided to pay for the increase in budget expenditures required for the national projects. And, strictly speaking, the national projects themselves will initially yield 0.8%, and subsequently 1.7-1.9%. It is a significant effect, but it will not allow us to achieve a

growth rate of more than 3%. According to our estimate, 2-2.5% is the maximum. This means additional factors should be taken into consideration.

The necessity of increasing science, health care and education expenditures

Economists are wont to consider total factor productivity, the contribution of capital and labor. As regards productivity it is clear that productivity cannot be derived merely from crackdowns or introduction of advanced techniques, although this factor is very important. It is to a larger extent derived from investments and related to technology, and therefore there is a fairly direct correlation with R&D and education expenses. It is known that education spending, if we take the public sector, peaked in 2012-2013 and has started to decline since then; the same is true for healthcare spending as a percentage of GDP. Science spending has been stable for years at no more than 1.1% of GDP. This is significantly lower than all the parameters that were once adopted under the Concept of Long-Term Socio-Economic Development, as well as in other program documents. Accordingly, the question arises: why did we fail to achieve our targets? To what extent is this due to the almost constant cuts or underfunding on the part of the budget system, and to what extent is it due to the fact that we were not able to create proper conditions for private businesses to start investing in the development of science and technology?

Estimates show that as regards education

spending, even taking into account what is now incorporated in the National Education Project, we will not be able to get a significant breakthrough before 2024. These expenditures, as far as the budget system is concerned, will rise to somewhere around 3.6-3.8%, that is, not much higher than they currently are and lower than in 2008-2009. The same is true for science and health care.

This means that for a serious acceleration of economic growth, and, most importantly (because there are more important things than economic growth), for creating a better quality of life (when economic growth works for the benefit of the individual, not merely for the acquisition of profit or increase in the competitiveness of the economy) we need to significantly increase expenditures. Both on the part of the state and on the part of private business.

Changes in GDP structure (utilization, %)

A moderately optimistic scenario is only possible given a substantial growth of gross accumulation volumes

Accumulation rate. It is common knowledge among economists that countries that have achieved breakthroughs have always had significantly higher accumulation rates. India's accumulation rate was about 20% for years, currently it is 25-27%. I'm not discussing China with its 40% rate, it will be decreasing. We repeatedly set the target: at one time it was 27%, as prescribed by the 2012 Decree, now it's 25% of investments. To date we are far from reaching this target, but again the question arises, what is to be done?

What makes the accumulation rate low?

First, the government has been actually reducing its accumulation rate, and public investments are declining in real terms. Second, no proper conditions have been created for private businesses to really invest although their profits allow them to do so. But we see substantial capital exports, capital exports were about \$60 billion this year, and an increase in government savings, almost \$40 billion, and even more if we take into account foreign exchange reserves.

Returning to the topic of the budget maneuver, it is clear that a structural maneuver is impossible without a budget maneuver. But let me remind you: in fact, the draft of the current budget is already a modification of the de facto budget rule. According to the budget rule, budget expenditures should have been significantly lower than what is now prescribed. How can this situation be resolved? The budget rule will remain in place, there will be a budget surplus during the entire planned period, but at the same time the federal budget will start to borrow, that is, we will pay rather high interest rates, which are currently in excess of 8%.

We support the financing of the national projects, but at the same time we are increasing public debt. And if nothing changes in the budget rule, then our extrabudgetary funds will someday swell to 28% of GDP. Then we will face the question: why do we need such excessive national savings if we don't invest in our economy but rather accumulate them de facto in the form of foreign exchange reserves of the countries with which, as we know, we have extremely friendly relations?

ПОДОБНЫЙ УРОВЕНЬ НЕРАВЕНСТВА БЫЛ В РОССИИ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

«За последние 36 лет реальные доходы всего населения России выросли на 34%, в Китае — на 831%, в Индии — на 221%, в США и Канаде, вместе взятых, — на 63%, в Европе — на 40%, в мире в целом — на 60%. Доходы населения России росли очень медленно, меньше чем на 1% в год, то есть в два раза медленнее, чем в среднем по миру. При этом у «беднейших» 90% населения с 1980 года доходы упали примерно на 15%, но у 10% высокообеспеченных россиян выросли в среднем на 190% (почти в три раза). У топ-1% богатых доходы выросли в восемь раз, у топ-0,1% — в 26 раз, у топ-0,01% (таких в России не более 10 тысяч человек) — в 80 раз, у топ-0,001% — рост в 250 раз».

Кирилл Тетерятников,

советник АНО «Институт исследований и экспертизы
Внешэкономбанка», член Правления Вольного экономического
общества, академик Международной академии менеджмента,
доктор экономики и менеджмента, к. ю. н.

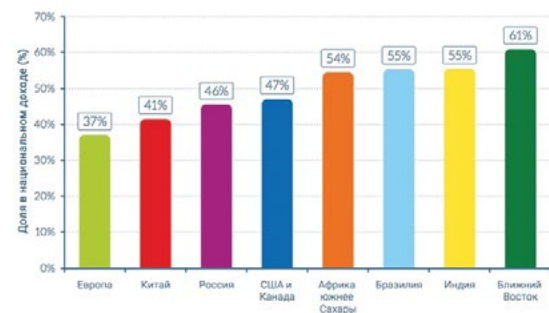

Рост неравенства доходов населения, происходящий во многих странах мира, зачастую препятствует их социально-экономическому развитию. Многие современные зарубежные ученые (М. Фридман, Т. Пикетти, П. Таунсенд, П. Кругман, Дж. Стиглиц и др.) полагают, что только радикальное сокращение неравенства способно оживить экономический рост как развитых, так и развивающихся стран.

Во-вторых, неравенство ведет к ухудшению качества жизни граждан, что нередко чревато социальными протестами и возможными угрозами политическим элитам. В-третьих, современные тенденции в мировой экономике предполагают активное использование частного капитала (участия широкого круга людей в инвестировании и бизнесе) для ускорения экономического развития и решения в том числе общегосударственных задач. В-четвертых, из-за снижения доходов наблюдается парадоксальный откат к совместному пользованию отдельными формами имущества, находящегося в частной собственности (sharing economy), а также использование современных информационных технологий для получения наиболее оптимального доступа к самым разнообразным услугам (этот процесс получил название uberization — юберизация, по имени соответствующей компании Uber). И наконец, самое главное — в связи с созданием и развитием искусственного интеллекта, биотехнологий и биоинженерии уже во вполне обозримом будущем мы можем стать свидетелями зарождения совершенно нового типа неравенства — биологического, которое сменит экономическое.

Особое значение неравенство принимает в услови-

ДОЛЯ 10% САМЫХ БОГАТЫХ В НАЦИОНАЛЬНОМ ДОХОДЕ В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ МИРА В 2016 ГОДУ

Источник: WIR 2018.

ях рецессии или замедления темпов экономического роста. В России социально-экономическое неравенство населения было официально признано одной из наиболее острых проблем современного российского общества еще в 2008–2009 годах при принятии Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Среди ключевых были указаны тогда конкретные показатели, которых государство планировало достичь в установленные сроки: преодоление проблемы бедности пенсионеров, снижение уровня абсолютной бедности, снижение дифференциации населения по уровню доходов (с 17 до 12 раз между 10% самых богатых и 10% самых бедных), адресность выплат соцпособий. К середине 2018 года реальные достигнутые результаты составили не более 25–30% от плановых показателей. Однако неравенство не упоминается как потенциальная угроза в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной 31 декабря 2015 года указом Президента РФ N 683. В новом майском указе ставятся задачи увеличения численности населения, повышения уровня жизни россиян и создания для них комфортных условий жизни, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. Тем временем проблемы неравенства и бедности не только остаются, но и усугубляются.

В середине декабря 2017 года вышел 300-страничный доклад о мировом экономическом неравенстве (World Inequality Report, WIR 2018), подготовленный Всемирной лабораторией изучения проблем экономического неравенства (World Inequality Lab, WIL) при Парижской школе экономики. Международный

НЕРАВЕНСТВО В ДОХОДАХ НАСЕЛЕНИЯ США

Источник: WIR 2018.

коллектив исследователей (более 100 человек со всего мира) под руководством пяти содиректоров — Фаундо Алваредо, Лукаса Чэнсила, Тома Пикетти, представляющих Парижскую школу экономики, а также Эммануэля Саеза и Габриэля Цукмана, работающих в настоящее время в Калифорнийском университете в Беркли (США), опубликовал результаты, пожалуй, одного из самых масштабных в науке проектов исследования неравенства доходов и богатства в различных странах мира.

Авторы доклада прямо говорят о необходимости борьбы с неравенством для предотвращения социальных, политических и экономических катастроф. Исследователи WIL указывают, что неравенство доходов росло в последние десятилетия почти везде, но есть сильное различие в темпах по странам и регионам мира. Россия, Индия, Северная Америка и Китай испытали самый значительный рост доли верхних 10% по доходам (топ-10%): от уровня в 20–35% в 1980 году до 45–55% в 2016-м. В то же время уровень неравенства доходов в Бразилии, на Ближнем Востоке и в Африке южнее Сахары оставался на крайне высоком уровне и практически не менялся, а где-то даже понижался.

Самый умеренный рост неравенства по доходам демонстрирует Европа. Это особенно очевидно при сравнении Западной Европы с США. Доля верхнего 1% и нижних 50% в национальном доходе в США и в Западной Европе, 1980–2016: различные траектории неравенства в доходах.

У 1% самых богатых в мире людей рост доходов был вдвое больше, чем у 50% самых бедных. У сред-

НЕРАВЕНСТВО В ДОХОДАХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Источник: WIR 2018.

них 40% (между bottom-50% и top-10%), условного мирового среднего класса, включающего в себя весь низший класс Европы и США, оказалась самая низкая доля мирового экономического роста: их доходы выросли менее чем в полтора раза. Другими словами, 60 млн наиболее обеспеченных людей наращивали свои доходы вдвое быстрее, чем 3 млрд наименее обеспеченных, а 2,9 млрд человек из среднего класса почти не увидели увеличения доходов, несмотря на все технологические прорывы последних десятилетий. Это означает, что в обозримом будущем почти весь экономический рост будет приходиться на прослойку толщиной 1%, а люди среднего достатка вовсе перестанут наращивать свое благосостояние, что невозможно оправдать никакой разницей в талантах и трудолюбии.

Растущее неравенство в доходах вместе с масштабным перетеканием имущества от государства в частные руки приводит к усилению имущественного неравенства. В США с 1980 по 2014 год доля имущества топ-1% подскочила с 22 до 39%, причем преимущественно за счет топ-0,1%. С 1995 по 2015 год аналогичный скачок в Китае поднял долю топ-1% с 15 до 30%, а в России — с 22 до 43%. При этом уровни начала XX века еще не достигнуты.

Таким образом с 1980 года по настоящее время неравенство в мире резко выросло, несмотря

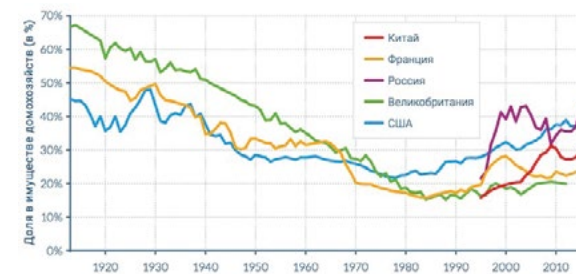
БЕДНОСТЬ — ЭТО ОТСУТВИЕ ПОКУПАТЕЛЬСКОГО СПРОСА

Роберт Нигматулин, академик РАН

С моей точки зрения, для нынешнего состояния России вот это социальное неравенство, то есть аномальная бедность подавляющей части населения, является главным тормозом развития экономики. И пока мы не гармонизируем этот показатель, у нас никакого технологического роста не будет. И это показывает и опыт. Практически с 2008 года у нас нет экономического роста, в постоянных ценах — 0,3% в год в среднем вот за эти 10 лет. И разговариваем, разговариваем об инновациях, инвестициях... Зачем экономический рост нашему народу, если половина из них получает зарплату менее 20 тысяч рублей? Он все равно ничего не купит. Только 7% имеют доход более 70 тысяч рублей. Вот с 70 тысяч рублей начинается тот слой населения, который что-то может покупать. И дело ведь не только в несправедливости. Дело в том, что единственный двигатель экономики в наших условиях — это покупательский спрос, а покупательский спрос задавлен тем, что основная часть населения обделена, и основные доходы переходят к полпроцента нашего населения, которые, конечно, ничего нашего не покупают и переносят капиталы туда. Поэтому инвестиционный потенциал, который у нас есть (у нас же инвестиции — 17%, а весь мир — 24), должен формировать народ. Вот у нас есть пирог. И если основная часть этого пирога, который идет на покупательский спрос, в конце концов переходит к полпроцента населения, то не будет никакого спроса, не будет никакого роста экономики.

ДОЛЯ ВЕРХНЕГО 1% В МИРОВОМ ИМУЩЕСТВЕ, 1913–2015: ПАДЕНИЕ И РОСТ ИМУЩЕСТВЕННОГО НЕРАВЕНСТВА СРЕДИ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Источник: WIR 2018.

на быстрый рост доходов населения в Китае. Доходы беднейшей половины мирового населения значительно увеличились благодаря высоким темпам роста ВВП в Азии (особенно в Китае и Индии). Тем не менее ввиду высокого и увеличивающегося неравенства внутри каждой отдельно взятой страны, с 1980 года на 1% самых богатых в мире лиц пришлась вдвое большая доля роста, чем на 50% самых бедных. Рост доходов был слабым для лиц, находящихся между двумя этими категориями (в том числе для средних и низших слоев населения в США и Европе).

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ

По данным авторов WIR 2018, переход от планово-административной экономики к рыночной после падения Советского Союза привел к резкому росту экономического неравенства. Если в 1990–1991 годах на долю 10% наиболее богатых граждан приходилось менее 25% национального дохода, то к 1996 году этот показатель вырос до 45%, а доля доходов «бедной» половины населения опустилась с 30 до 10%. Сейчас на долю бедных 50% приходится 17% национального дохода. Основными бенефициарами экономического роста с 1998 по 2008 год стали богатые граждане: их доля в национальном доходе поднялась с 43 до 52%.

Уровень неравенства по коэффициенту Джини в 2016 году был 0,414 (показатель принимает значения от нуля в случае абсолютного равенства до единицы в случае абсолютного неравенства). Доля

ДОХОДЫ РАСПРЕДЕЛЕНЫ КРАЙНЕ НЕРАВНОМЕРНО, ТАК, 50 ПРОЦЕНТОВ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУЧИЛИ В 2016 ГОДУ ПО 7,8 ТЫСЯЧИ

экономически уязвимо населения в России превышает 50% и продолжает расти. Население России с доходом ниже \$10 в день выросло до 53,7%, при этом 13,8% россиян тратят меньше \$5 в день. Сейчас на долю менее состоятельной половины населения приходится только 17% национального дохода — такое положение в экономике царской России наблюдалось в преддверии революции 1905 года. Если упорядочить всех взрослых россиян по уровню дохода и разделить на две половины, то на долю первой группы будет приходиться лишь 17% национального дохода в 2016 году, на долю второй — 83%. При этом доходы богатейших 10% граждан составляют 45,5% национального дохода. Это почти совпадает с распределением дохода в 1905 году (см. график). Данные по 1905 году основаны на историческом документе — таблице распределения доходов, подготовленной фискальными органами царской России в преддверии возможного введения подоходного налога.

Доход, приходящийся в среднем на одного взрослого россиянина, в 2016 году составил 23,2 тыс. за год, что по методологии авторов WIR соответствует около 55 тыс. руб. в месяц. Но на самом деле доходы распределены крайне неравномерно: 50% населения (57,5 млн человек) в 2016 году получили в среднем только по 7,8 тыс. Наиболее обеспеченные 10% граждан (верхний дециль) располагали средним доходом 105,5 тыс., следует из расчетов исследователей лаборатории. Таким образом, на 10% наиболее богатых россиян в 2016 году приходилось 45,5% национального дохода. Для сравнения: в Европе для верхнего дециля доля национального дохода составила 37%, в Китае — 41%. Но в Северной Америке (США и Канада) самые богатые 10% концентрируют еще больше дохода — 47%, в Индии и Бразилии и вовсе 55%.

Самый высокий уровень неравенства зафиксирован на Ближнем Востоке, где верхние 10% аккумулировали 61% национального дохода.

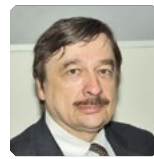
1,15 млн россиян (1%) располагают в среднем по 470 тыс. в год, 11,5 тыс. человек (0,01%) располагают в среднем 12,1 млн, примерно тысяча богатейших россиян (0,001%) располагает в среднем 58,6 млн национального дохода. К сожалению, большая часть накопленного частного капитала не инвестируется в российскую экономику, не создает новые рабочие места, не формирует потребительский спрос, а выводится за пределы страны.

На этот счет интересные данные приведены в научном отчете, опубликованном в августе 2017 года американским частным Национальным бюро экономических исследований (National Bureau of Economic Research, NBER), под названием «От советской власти до олигархов: неравенство и собственности в России, 1905–2016 гг.» (From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016). В российских СМИ эта публикация не прошла незамеченной, однако, как правило, ссылки шли на анонимных экспертов NBER, что несколько снижало значимость проведенных исследований. Между тем во главе небольшого исследовательского коллектива стоял ученый с мировым именем, уже упоминавшийся в данной статье, — Тома Пикетти, которого в научной среде вполне заслуженно называют Марксом XXI века. При этом показательно, что на первое место в списке авторов выдающийся французский экономист поставил не себя, а своего аспиранта из Парижской школы экономики Филипа Новокме, выполнявшего львиную долю технической работы по сбору и анализу информации. Третьим соавтором стал молодой французский экономист Габриэль Цукман (1986 г. р.), в настоящее время работающий деканом экономического факультета

УКАЗАННЫЕ ВЫШЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО ПО НЕРАВЕНСТВУ ДОХОДОВ РОССИЯ ОПЕРЕЖАЕТ И ЕВРОПУ, И АМЕРИКУ:

ОСОБЕННО СРЕМИТЕЛЬНО РАССЛОЕНИЕ ПО ДОХОДАМ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ НАЧАЛОСЬ С НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ И К НАСТОЯЩЕМУ ВРЕМЕНИ ДОСТИГЛО СОСТОЯНИЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШЕГО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА:

В РЕЗУЛЬТАТЕ ПО СОСТОЯНИЮ НА СЕРЕДИНУ 2017 ГОДА НА ОДНУ ДЕСЯТУЮ ЧАСТЬ РОССИЯН ПРИХОДИТСЯ БОЛЕЕ 70% ЧАСТНЫХ СОСТОЯНИЙ В СТРАНЕ:

Сергей Смирнов,
директор Института социальной политики и социально-экономических программ ГУ ВШЭ, д. э. н.

Моя позиция основана на результатах исследования ситуации с социальным неравенством в различных странах и динамики ее, которая наблюдается в последние годы. Возьмем Индию, например. При Неру там была в общем-то достаточно четкая социальная политика, однако бедность не сокращалась. Была высокая ставка прогрессивного налога, до 97% дохода. После перехода на нормальные экономические реформы, да, углубилось социальное неравенство. Но при этом резко сократилась бедность в том самом нижнем дециле, снизилось число бедных и их доля в общем населении страны. Китай демонстрирует то же самое. С переходом в конце 70-х, в начале 80-х годов на рельсы экономического развития, да, увеличился разрыв между богатыми и бедными. Но при этом уровень бедности в стране сократился. В Советском Союзе небольшой был разрыв в доходах. Но при этом уровень жизни был достаточно низким сам по себе. Поэтому, я бы сказал, да, безусловно, нужно поддерживать бедных. Но это можно сделать не за счет перераспределения, не за счет введения прогрессивной шкалы подоходного налога, а за счет того самого экономического роста.

Распределение национального дохода до налогообложения (без учета налогов и трансфертов за исключением пенсий и пособий по безработице) среди взрослого населения. Доход супружеских пар делился на два.

Источники: Filip Novokmet, Thomas Piketty, Gabriel Zucman. "From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016". NBER working paper, August 2017.

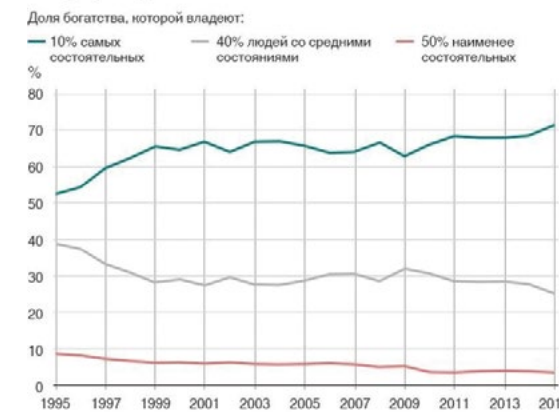
Распределение доходов в российском обществе XX–XXI веков

Распределение национального дохода до налогообложения (без учета налогов и трансфертов за исключением пенсий и пособий по безработице) среди взрослого населения. Доход супружеских пар делился на два. Скорректированные оценки объединяют отроссы и налоговые данные, а также данные о накопленных богатствах и национальных счетах. Приблизительные оценки опираются только на данные, полученные в ходе отроссов.

Источники: Filip Novokmet, Thomas Piketty, Gabriel Zucman. "From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016". NBER working paper, August 2017.

Кому принадлежит Россия

Источники: Filip Novokmet, Thomas Piketty, Gabriel Zucman. "From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016". NBER working paper, August 2017.

Калифорнийского университета в Беркли (он также является одним из содиректоров WIL и соавтором WIR 2018). Цукман известен как автор книги «Припрятанное богатство наций: Божья кара налоговых лагун» («The Hidden Wealth of Nations: The Scourge of Tax Havens»), посвященной выводу капитала в офшоры.

Примерно с середины 1990-х годов население России начало стремительно накапливать активы, при этом значительная их часть была выведена за рубеж. В результате, по мнению авторов доклада NBER, в настоящее время офшорный капитал россиян в три раза превышает объем валютных резервов страны. Граждане хранят в офшорах сумму, равную 75 процентам валового национального дохода (ВНД), объем резервов страны составляет 25 процентов от ВНД. Таким образом, согласно оценке бюро, в офшорах хранится свыше триллиона долларов (или более 60 триллионов рублей).

При этом объем офшорного капитала российского происхождения в два с лишним раза превышает размер банковских депозитов россиян, находящихся в России (25 трлн рублей). Отток капитала за рубеж сопровождается и отъездом на постоянное место жительства состоятельных россиян. Так, например, в течение 13 лет из России на постоянное место жительства в другие страны уехали около 20 тыс. долларовых миллионеров и миллиардеров, из них 6 тыс. покинули родину в последние три года (с 2014-го по 2017-й). А многие из

миллионеров и миллиардеров, пока остающихся гражданами Российской Федерации, тем не менее уже не являются ее налоговыми резидентами.

Так, например, согласно информации, опубликованной на сайте правительства Мальты, за последние три года более 730 человек — известных российских бизнесменов плюс члены их семей оформили мальтийское гражданство и стали налоговыми резидентами Мальты. Кстати, одним из требований к кандидатам на гражданство Мальты является приобретение государственных облигаций на сумму 250 тыс. евро плюс уплата административного налога 30 тыс. евро, а общая сумма расходов на получение гражданства составляет в среднем 900 тыс. евро на человека. Это средства, которые могли быть инвестированы в российскую экономику.

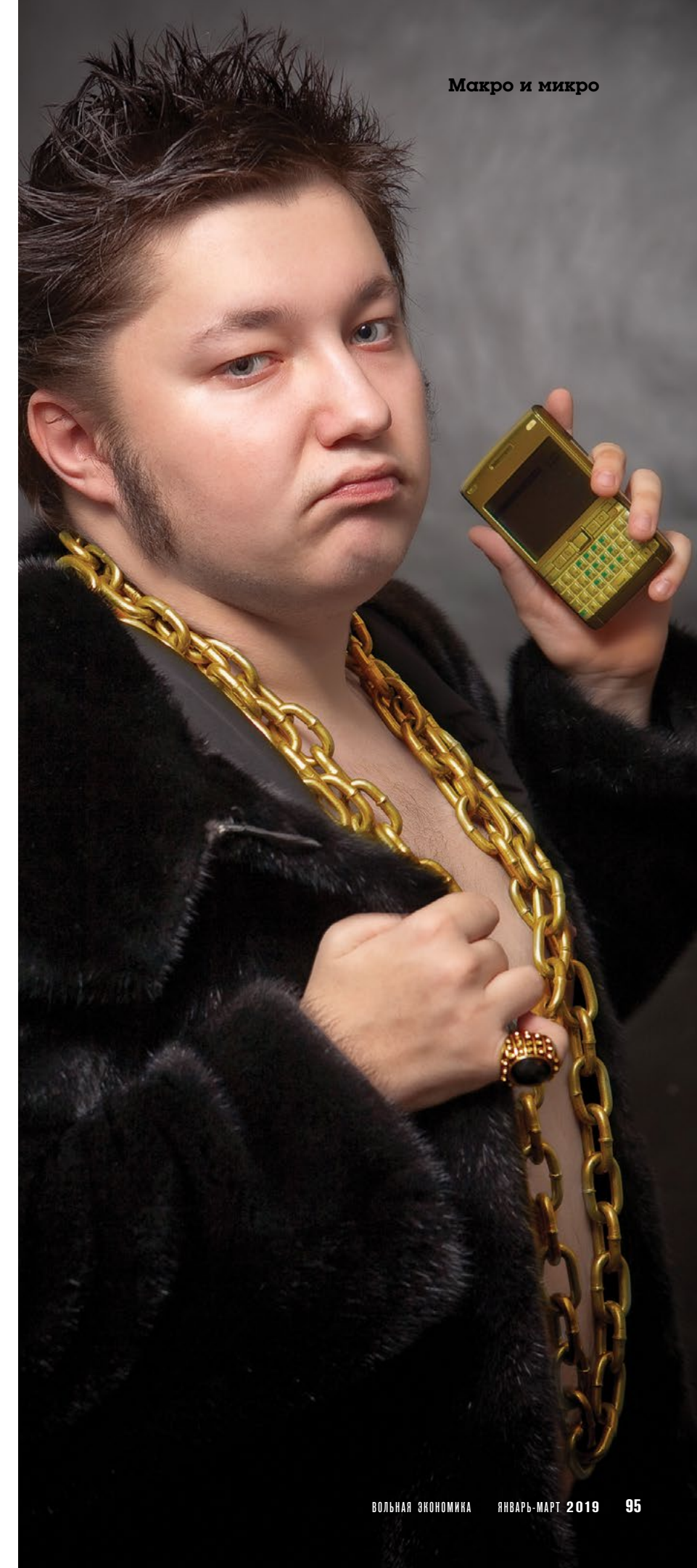
Доля граждан РФ, получающих зарубежное гражданство, составляет около 26 тыс. в год. Вместе с тем, по данным МИД РФ, число россиян, постоянно проживающих за рубежом, но сохраняющих российское гражданство и состоящих на консульском учете, еще в 2016 году превысило 2 млн человек. Часть из них относится к категории «дауншифтеров», то есть людей, использующих свой источник доходов в России для проживания в странах с более низкой стоимостью жизни (например, в Таиланде, Вьетнаме, Камбодже). Однако значительно большая доля выехавших на ПМЖ россиян стремится осесть в странах с более высоким, чем

в России, уровнем жизни, что предполагает также и наличие высоких доходов или накоплений, позволяющих поддерживать соответствующий уровень жизни. Помимо этого, часть из ежегодно выезжающих за рубеж 5,5 млн россиян также получает временный вид на жительство за рубежом и/или проводит там некоторое время, что также требует наличия достаточно высокого уровня доходов.

Из доклада NBER следует, что российский бюджет, домохозяйства и компании могли бы быть значительно богаче. В период с 1993 по 2015 год благодаря нефтегазовому экспорту торговый баланс России из года в год был профицитным и обеспечивал в среднем 9,8% национального дохода, пишут его авторы, но официальные чистые международные активы России к 2015 году составили всего 25% национального дохода. Некоторые россияне присвоили часть доходов от международной торговли, уведя деньги в офшоры, приходят к выводу авторы: если суммировать профицит торгового баланса за 1990–2015 годы, отток составил около 200% национального дохода, если учесть недополученный накопленный доход от иностранных активов — 300% (стр. 19–20 доклада).

Таким образом, спустя четверть века после начала рыночных реформ в России бедные стали еще беднее, богатые — богаче, сверхбогатые — кратно богаче.

И в завершение анализа проблем роста экономи-

С СЕРЕДИНЫ 90-Х БОГАТОЕ НАСЕЛЕНИЕ СТАЛО НАКАПЛИВАТЬ ДОХОДЫ. И ВЫВОДИТЬ ИХ ЗА РУБЕЖ

РОСТ ДОХОДОВ И НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ С 1989 ПО 2016 ГОД

Группа по уровню доходов	Средний темп роста реальных доходов в год	Рост реальных доходов за весь период
Все население	+1,3%	+41%
Нижние 50%	-0,8%	-20%
Средние 40%	+0,5%	+15%
Верхние 10%,	+3,8%	+171%
включая:		
1% лучше всего зарабатывающих	+6,4%	+429%
0,1% лучше всего зарабатывающих	+9,5%	+1054%
0,01% лучше всего зарабатывающих	+12,2%	+2134%
0,001% лучше всего зарабатывающих	+14,9%	+4122%

Источник: Filip Novokmet, Thomas Piketty, Gabriel Zucman. 'From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016', NBER working paper, August 2017.

ческого неравенства в мире и Российской Федерации хотелось бы еще раз вернуться к некоторым удивительным данным из доклада WIR 2018, которые не попали в сокращенную русскоязычную версию, но полностью приведены в англоязычном варианте доклада. Речь идет о таблице роста доходов населения в реальном выражении (с учетом инфляции) с 1980 по 2016 год с разбивкой по странам и отдельным группам населения по размерам полученных доходов (Table 2.1.1 «Global

income growth and inequality 1980-2016») [стр. 45]. Среди групп выделены: все население в целом (Full Population), 50% населения с самыми низкими доходами (Bottom 50%), промежуточная группа между населением с самыми низкими и самыми высокими доходами (Middle 40%), 10% с самыми высокими доходами (Top 10%), в том числе 1%, 0,1%, 0,01% и 0,001% людей с самым высоким уровнем доходов. Приведем таблицу на английском языке в оригинале.

ТАБЛИЦА 1
РОСТ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ, ЕС, ИНДИИ, РОССИИ, США-КАНАДЫ И МИРА В ЦЕЛОМ В РЕАЛЬНОМ ВЫРАЖЕНИИ (С УЧЕТОМ ИНФЛЯЦИИ) С 1980 ПО 2016 ГОД

Table 2.1.1
Global income growth and inequality, 1980–2016

Income group	Total cumulative real growth per adult					
	China	Europe	India	Russia	US-Canada	World
Full Population	831%	40%	223%	34%	63%	60%
Bottom 50%	417%	26%	107%	-26%	5%	94%
Middle 40%	785%	34%	112%	5%	44%	43%
Top 10%	1316%	58%	469%	190%	123%	70%
Top 1%	1920%	72%	857%	686%	206%	101%
Top 0.1%	2421%	76%	1295%	2562%	320%	133%
Top 0.01%	3112%	87%	2078%	8239%	452%	185%
Top 0.001%	3752%	120%	3083%	25269%	629%	235%

Source: WID.world (2017). See wir2018.wid.world for data series and notes.

В соответствии с приведенными данными за последние 36 лет реальные доходы всего населения России выросли на 34%, в Китае на 831%, в Индии на 221%, в США и Канаде, вместе взятых, — на 63%, в Европе на 40%, в мире в целом на 60%. По сравнению со всеми остальными упомянутыми странами доходы населения России росли очень медленно, меньше чем на 1% в год, то есть в два раза медленнее, чем в среднем по миру. Вместе с тем при росте доходов населения в сред-

нем на 34% у беднейших 50% граждан России доходы упали на 26%, у следующих 40% (промежуточный класс) доходы выросли на 5%. У «беднейших» 90% населения с 1980 года доходы упали примерно на 15%, но у 10% высокообеспеченных россиян выросли в среднем на 190% (почти в три раза). Вместе с тем у топ-1% доходы выросли в 8 раз, у топ-0,1% — в 26 раз, у топ-0,01% (таких в России не более 10 тысяч человек) — в 80 раз, топ-0,001% — рост в 250 раз.

ПОЧЕМУ У БОГАТЫХ РАСТЁТ, А У БЕДНЫХ — НАОБОРОТ?

При росте доходов населения в среднем на 34%, у беднейших 50% граждан России доходы упали на 26%, у следующих 40% доходы выросли на 5%.

РОССИЙСКАЯ АРКТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА СЕГОДНЯ

Обеспечить гармонию общего и особенного

Валерий Крюков,
директор Института экономики
и организации промышленного произ-
водства Сибирского отделения РАН,
член-корреспондент РАН, профессор
НИУ ВШЭ
(По материалам Абалкинских чтений
ВЭО России)

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ АРКТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Арктика объединяет в себе проблемы и глобальные, и военно-стратегические, и социальные, и природоресурсные, и этнографические — целый комплекс проблем. Всплеск интереса в последние годы в основном связан и с изменением климата, и с распределением геополитических ролей при появлении новых игроков. На мой взгляд, Арктика — это не только и не столько ресурсная проблема. Интерес к Арктике связан с целым комплексом интересов, которые выходят за рамки чисто экономические.

Тем не менее среди экономических факторов, на мой взгляд, важны следующие. Есть общие экономические особенности, которые верны для всех видов хозяйственной деятельности, — это сравнение затрат и результатов, и оценка эффективности тех или иных решений, связанных с использованием труда, капитала и других возможностей, которыми располагает любой экономический агент. Особенно важна значительная удаленность, удлинение сроков оборота финансовых ресурсов вследствие этого, отсутствие локальных рынков, где можно сбывать, откуда можно привлекать те или иные ресурсы, те или иные факторы производства.

Существенна роль экологических проблем. Это ранимость арктической природы, длительные циклы восстановления, возобновления и, как я уже отметил, значительное влияние геополитических факторов и обстоятельств, которые связаны как с трансграничными отношениями, так и с общеполитическими. То, что сейчас Индия, Южная Корея, Япония, Китай — страны, которые находятся далеко от Арктики, — имеют серьезные арктические программы, проекты, направления, говорит о многом.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРКТИКИ

Традиционная экономика Арктики живет по тем же принципам и законам, что и нетоварная экономика в любой другой части света. Это хозяйственная деятельность, связанная с укладами жизни коренных народов Севера Арктики, которые сформировали уникальные культуры и подходы к хозяйствованию. И уникальность, и неповторимость, и их разумность, и их жизнеспособность по-настоящему осмысляются только сейчас, когда мы сталкиваемся с новыми пагубными явлениями климатического, социально-демографического плана.

Этой темой занимались многие российские исследователи, в том числе мои уважаемые учителя в Новосибирске. Впервые, на мой взгляд, обстоятельно проанализированы аспекты этого направления были канадским исследователем Гарольдом Иннисом, начиная с его ранней работы «Меховая торговля в Канаде». Это книга 1920-х годов, где было проанализировано место и роль ведущего продукта, где автор рассмотрел, как реализуется деятельность, связанная с продвижением, развитием, получением тех или иных экономических результатов.

С этим ведущим продуктом было связано решающее правило, которое состоит в последовательном переходе от одного уникального источника данного ресурса к другому. То есть в нашем случае — от одного вида природного ресурса к другому виду, от одного месторождения — к другому. Этот процесс разворачивался и разворачивается. Но мы являемся сейчас свидетелем того, что пространство в достаточной степени доступно, а лучших источников становится все меньше. И возникают новые проблемы, которые вызывают необходимость пересмотра подходов к освоению.

НЕТ КУЛЬТУРЫ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Александр Широв,
заместитель директора
ИНП РАН, д. э. н.

Рентная проблема этого процесса, на мой взгляд, состоит в том, что неправомерно и неправильно весь дополнительный доход, который возникает в случае освоения арктических ресурсов, изымать в пользу государства. Это связано с тем, что существуют очень большие расходы, очень большие обязательства, связанные с рекультивацией, с восстановлением, с завершением хозяйственной деятельности.

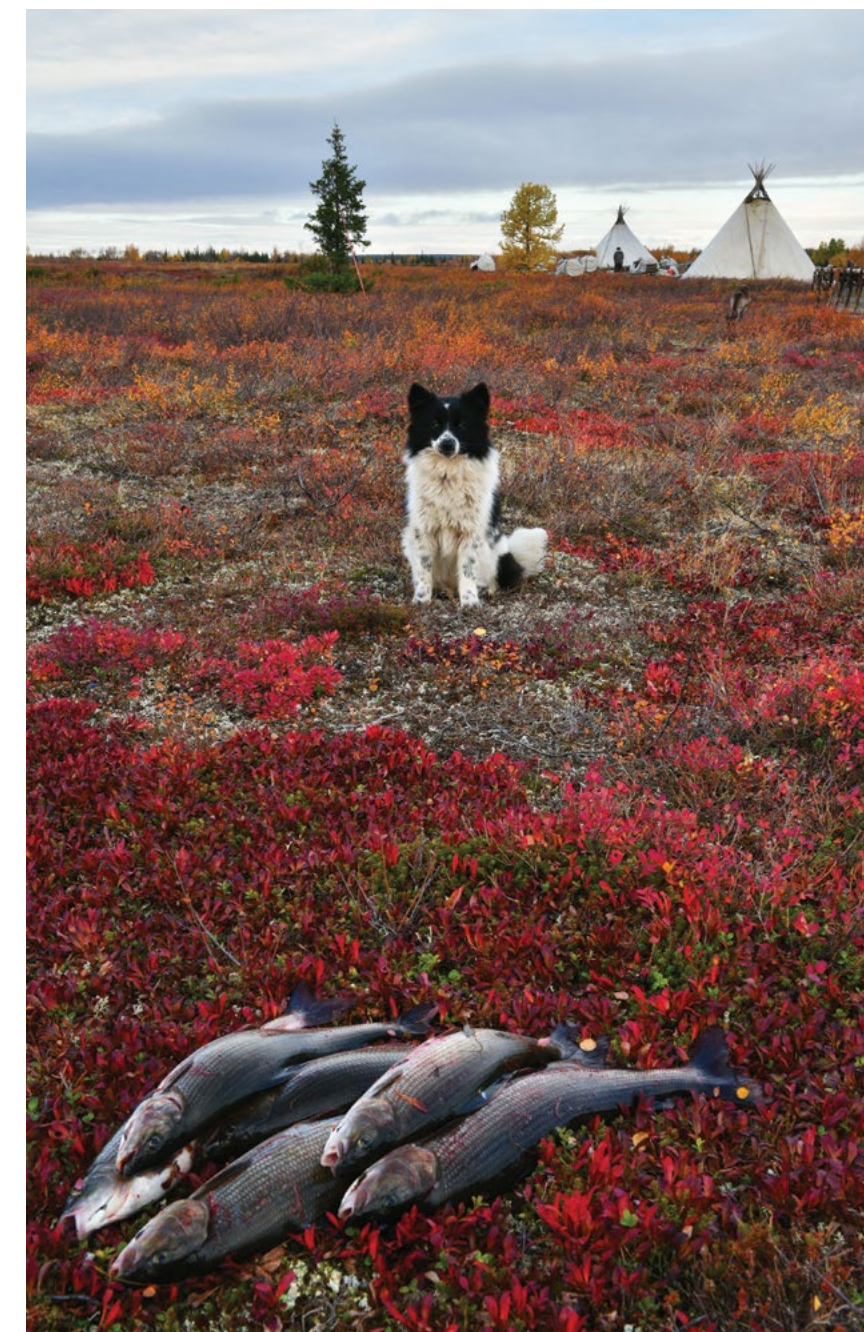
Сейчас мы с этими проблемами столкнулись. Есть те производственные объекты, которые оставляет «Газпром», которые оставляют нефтяники, которые оставили наши горнорудные компании. Когда ставится вопрос, что необходимо это убрать, естественный вопрос: за какие деньги и где их взять? У нас денег нет. Тем не менее есть процедуры, определенные финансово-экономические институты, ликвидационные фонды — они существуют, функционируют, взаимодействуют по определенным принципам и правилам. Эта практика апробирована в ряде стран. И нам, видимо, предстоит пройти этот путь — путь поиска своей взаимоприемлемой модели реализации таких финансово-экономических механизмов, связанных с переходом от одного месторождения к другому и с ликвидацией последствий ведения этой хозяйственной деятельности.

ОТ ПЛАНИРОВАНИЯ К СТИХИИ РЫНКА

Важно иметь в виду, что каждая экономическая система имеет свой, присущий только ей производственный аппарат. Это касается рыночной экономики, это касается экономики централизованного планирования. Это очень актуально для России, потому что на протяжении 70-летней истории мы сформировали определенный производственный аппарат, который накладывает определенные ограничения и формирует определенные обязательства. Изменение экономической системы и особенности осваиваемых объектов неизбежно подразумевают

на мой взгляд, проблема состоит в том, что, к сожалению, пока вопрос развития Арктики носит такой девизный характер. Да, в указы президента попала цифра объема перевозок по Северному морскому пути. Кроме того, понятно, что там реализуются некоторые проекты оборонного характера. Но целостной стратегии или понимания того, что там будет

происходить в ближайшее десятилетие, у нас нет. И связано это, на мой взгляд, с тем, что, к сожалению, и это нужно признать, в стране практически утрачена культура этого комплексного пространственного социально-экономического анализа и прогнозирования. Остались отдельные островки такого рода деятельности.

и изменения организационных рамок. Нельзя в рамках стабильных устойчивых организаций, которые возникали десятки лет тому назад, сейчас реализовывать процессы на различных стадиях и этапах освоения ресурсов, решать проблемы, которые возникают в арктической и вообще в ресурсной экономике.

Итак, какие были основные этапы? В период до 1930 года примерно развитие шло в рамках общепринятой экономической модели, ориентированной на освоение природных ресурсов частным капиталом. Это были лучшие источники развития, которые обеспечивали дополнительный доход, которые компенсировали транспорт, удаленность и возможные риски. После 1930 года работала модель на основе безусловного участия государства, государственных инвестиций, необходимого соотношения цен и тарифов. Это принципиальный момент. Нельзя и неправомочно очень многие проекты, очень многие начинания, которые реализуются в Арктике, рассматривать в рамках тех ценовых, финансовых пропорций и соотношений, которые складываются в иных экономических обстоятельствах. Надо тщательно смотреть, как соотносятся стоимость факторов производства и организация проектов.

Тогда был основной акцент сделан на гарантированный сбыт — проблема сбыта не возникла, на выявление и ввод уникальных эффективных природных горных объектов и трансформацию цивилизаций народов Севера в практику планирования.

Казалось бы, это странно. Тем не менее, на мой взгляд, особенно это видно сейчас на примере полуострова Ямал, когда мы ликвидировали систему планирования и систему программ развития хозяйства коренных народов, на место пришел стихийный рынок. И что в результате мы имеем? В результате излишнее поголовье на полуострове Ямал приближается к 200 000 оленей. А ямальская тундра, судя по длительным исследованиям тундры, которые начались еще в XIX веке и продолжились в первой трети XX века, может удерживать не более 450 тысяч голов. Сейчас там 700–750 тысяч голов. Исчезают

ПОВЫШЕНИЕ НАУКОЕМКОСТИ

Важнейшая задача — это повышение наукоемкости на всех стадиях и для всех типов проектов. Рост сложности вызывает необходимость повышения интеллектуальной составляющей, ничего, кроме знания. Здесь нельзя не вспомнить Григория Аграната, который очень много писал с конца 50-х годов о специальной технике

для Севера, о специальных подходах. Это остается до сих пор актуальным. Кадры, наукоемкое сервисное обслуживание, меняется роль различных типов компаний. Нет универсальных технологий, объекты становятся очень специфичными и очень рассредоточенными. Это вызывает необходимость постоянного научного мони-

торинга, сопровождения, взаимодействия научной среды и производственной при реализации таких проектов. И отсюда важнейшее условие — соучастие нескольких компаний в реализации проектов. Принцип моноигрока мне представляется неэффективным, неоперациональным и недееспособным с точки

зрения тех особенностей, с которыми приходится сталкиваться в Арктике. Как раз это говорит о том, чем, благодаря чему и в связи с чем достигнуты те успехи, которые были получены в Канаде. Наука и постоянное научное сопровождение проблем, с которыми приходится сталкиваться при освоении природных источников.

ягельники, появляются заболевания. Природа включает аварийные обратные связи.

В свое время знания коренных народов было трансформировано в работу плановых органов или организаций, которые этим занимались. Сейчас знание коренных народов отсутствует, планирования нет и система регулирования этой деятельности всецело ориентирована на рыночные индикаторы, которые связаны со спросом прежде всего на рога оленей, который предъявляет Юго-Восточная Азия. И результатом является то, о чем я сказал. Это как раз проблема, которая говорит о том, что проблема интеграции в современную рыночную систему понимания природных условий, которые наработали коренные народы, это касается и многих других экологических проблем, — крайне актуальная задача.

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРОШЛОГО

Что в результате мы получили? Я назвал это «зависимость от прошлого». Это очаговый характер освоения (осваивались только те места, где располагались высокоэффективные ресурсы). Чрезвычайно высокий уровень урбанизации на Севере и в Арктике. Были сформированы уникальные производственно-технологические комплексы и системы, рассчитанные на высокий пиковый уровень производства. Что будет потом, такие вопросы не ставились и не предусматривались, их решение и откладывалось на потом. При переходе к системе координат, основанной на рыночных сигналах, проявляется неэффективность и нецелесообразность поддержания многих проектов, что мы и наблюдаем, избыточная занятость и нецелесообразность многих монопоселений, десятки которых сейчас заброшены. Отложены проблемы рекультивации, оздоровления территорий. Разрушены системы хозяйственного уклада коренных народов Севера и Арктики.

Поскольку, как я уже сказал, в основе системы освоения были крупные проекты, мы получаем много проблем отложенного характера. В то же время происходит неуклонное усложнение условий для продолжения деятельности на этих проектах, обостряется проблема раздела рисков, компании настаивают на льготах, на преференциях, на изменении существующего принципа взаимодействия с экономической средой, с финансовой средой, что опять же порождает дополнительные риски. Становится актуальной проблема адаптации правил регулирования. Надо менять правила, надо менять подходы, которые бы учитывали эти динамически меняющиеся обстоятельства ведения хозяйственной деятельности.

Крупных месторождений газа больше нет. Сейчас крупным месторождением уже считается месторождение, запасы которого исчисляются сотнями миллиардов кубических метров, это далеко не те объемы, которые вводились и рассматривались в 70-е годы. Вот газовый промысел Надымского месторождения Медвежье, бездействующий. Стоит проблема рекультивации, нейтрализации, вывода и приведения тундр в исходное состояние. У «Газпрома» на это денег нет. Но спрос, если посмотреть и оценить потенциал этой рекультивационной экономики, колоссален. За счет каких ресурсов и в рамках каких процедур взаимодействия хозяйствующих субъектов государства и экономической системы это делать? Этот вопрос в России остается открытым.

АРКТИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ

Можно ли говорить о диверсификации экономики в Арктике? Конечно, можно. Но нужно учитывать, что возможности диверсификации экономики высоких широт, арктических регионов более чем ограничены. Есть экономическое направление диверсифи-

НИЗКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОГРАММ

Виктор Полтерович,
академик РАН, заведующий лабораторией математической экономики Центрального экономико-математического института

Программы эти на самом деле чаще всего не выполняются. В общем,

эффективность всевозможных программ эта крайне низкая. Это сейчас общепризнано. На мой взгляд, суть дела именно в том, что они недостаточно структурированы. Если мы рассматриваем программу, скажем, развития Арктики как совокупность проектов, при этом эти проекты хорошо просчитаны, их совокупный эффект оценен (а методы оценивания совокупности проектов, хотя они не на поверхности лежат, но на самом деле есть значительный задел), вот в этом случае мы можем рассчитывать на эффект. И второе, очень важ-

ное условие. Такого рода программы должны быть результатом совместной деятельности государства, бизнеса, банковского сообщества и общества в целом. Вот только в этом случае, когда не на уровне обсуждения, на уровне отбора проектов и на уровне их реализации мы координируем действия всех этих сил, где роль государства координирующая, важная, но это вовсе не означает, что государство должно непосредственно вкладывать, делать наиболее крупные вложения.

кации, когда появляются новые виды деятельности, есть финансовое направление — этим путем идут штат Аляска и штат Альберта.

У нас проблема связана с прямой диверсификацией. Назову в качестве примера Уренгойский газохимический комплекс. Там безвозвратно утрачено оборудование на миллиард тогда еще дойчемарок, завод так и не запущен, хотя «Газпром» каждый год обещает. Это связано с тем, что решение было принято в тех координатах, в тех измерителях, которые были сформированы к концу 80-х — началу 90-х годов. В новой экономической ситуации, в новой экономической системе этот проект, видимо, едва ли можно реализовать так, как он был задуман.

Из проектов прямой диверсификации, которые связаны с развитием систем газоснабжения, с производством СПГ, реализован пока только один — это «Финнмарк» и почти реализован проект «Ямал СПГ». Он вышел на проектную мощность и начал функционировать, и уже ведется речь о следующем этапе. Но это не только и не столько диверсификация, сколько логическое развитие процессов добычи и подготовки углеводородов для транспортировки и реализации в изменившихся финансовых и экономических условиях. Финансовая диверсификация возможна, если имеет место наличие значительного положительного финансового потока плюс развитый финансовый рынок. Но в России пока в должной степени этих условий не сформировано.

Старая проблема, которая возникает в Арктике, — это проблема пространственно-распределенных цепочек создания стоимости и времени реализации для компаний, которые ведут данные проекты.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА АРКТИКА?

Это главный вопрос, на который нужно ответить. Арктика в экономическом смысле нужна не только для того, чтобы освоить ее пространство. Проекты, которые уже реализуются, и те, которые могут быть

реализованы, потенциально обладают колоссальным мультипликативным эффектом для остальной экономики. Они должны рассматриваться и должны оцениваться, исходя из взаимосвязей в более широкой системе, в рамках российского экономического пространства. Сейчас, к сожалению, этот проектный мультипликатор работает своеобразным образом.

Мы поставляем сложное технологическое оборудование для того же «Ямал СПГ» исключительно импортное, главным образом из Западной Германии и Южной Кореи, которое перебрасывается по Оби. В то же время корейские коллеги показывают, что Северный морской путь и освоение арктических регионов не может быть устойчивым без формирования устойчивых, обоснованных и взаимно выгодных связей с внутренними регионами Российской Федерации, прежде всего районами, расположенными к югу от арктических регионов.

С чем мы сталкиваемся? Что важно с точки зрения реализации проектов? Это не локальная оценка эффективности в месте добычи, а оценка проекта, исходя из тех пространственно-распределенных цепочек создания стоимости, с которыми связан данный проект. У нас такой учет не ведется.

Возьмем норвежское месторождение Большой Экофиск. Там идет общественный мониторинг, идет оценка социальной стоимости и тех социальных выгод и эффектов, которые получает государство от реализации проектов. Учитываются товары и услуги, зарплаты, кредиты, дивиденды, сколько получает государство. То есть все эффекты, которые вызывает тот или иной проект с точки зрения развития национальной экономики.

Что мы имеем по тем проектам, которые сейчас реализуются? Вот — проект в высокой степени готовности «Ванкорнефть», который уже перешел в стадию снижающейся добычи на севере Красноярского края. Участие Красноярского края в этом проекте — от 4 до 7%. То есть никакого мультипликативного эффекта на развитие наукоемкой индустрии, машиностроение. То же самое «Ямал СПГ» не влияет на реализацию проектов, связанных с криогенным машиностроением в городе Омске.

КИТАЙ ХОЧЕТ ВЫЙТИ НА СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ

Андрей Островский,
заместитель директора
Института Дальнего Востока

Для более активного участия Китая в развитии СМП Китай нам на государственном уровне предлагает создать Банк освоения океана, который бы финансировал эти совместные экономические

и научные проекты. В настоящее время в Китае уже выделены структуры, которые занимаются реализацией этого проекта: Даляньское морское пароходство, и уже получил крупный грант на научную разработку проекта внедрения Китая в Арктику Харбинский инженерный университет. В Китае также предполагают развитие сотрудничества с Россией для более активного включения ее в разработку СМП. Каким образом? Китайскими учеными неоднократно выдвигались идеи об использовании двух наших транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» для сокращения транспортных маршрутов для това-

ров с Северо-Востока Китая — провинций Хэйлуньцзян и Дзилинь до Владивостока и порт Зарубино с последующей перегрузкой на суда для следования по Северному морскому пути. Кроме того, в Китае есть Институт приграничных территорий Академии общественных наук, где использовали для развития Северного морского пути в качестве опорной зоны погранпереход Хэйхэ — Благовещенск. Где Благовещенск и где Арктика? Тем не менее планы у них — ввозить товары в Благовещенск по железной дороге, далее по Транссибу Тынды — Якутск с последующей перевалкой на суда — по реке Лене до порта Тикси.

Особенности мультипликативных эффектов: ослабление по мере перемещения с востока на запад, наибольшее мультипликативное влияние на предпринимательские услуги, производство и распределение электроэнергии. В Норвегии наибольшее влияние подобных проектов — на научные исследования, разработки, машины и оборудование. Норвегия при добыче порядка 160 миллионов тонн нефтяного эквивалента поставляет машин и оборудования и наукоемких услуг на сумму порядка 70 миллиардов долларов ежегодно. То есть в основе — социальная ценность.

Сказать об этом легко, осуществить — не так просто. Целесообразно при работе в этом направлении больше ориентироваться на свой опыт и традиции, разделить науку и сферу коммерческих разработок, установить ясные приоритеты развития науки и сферы инноваций, обеспечить надлежащую государственную поддержку приоритетных направлений при разумном уровне бюрократического вмешательства.

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА АРКТИКИ

Арктика не исчерпывается углеводородами, она настолько богата, что постоянно предлагает нам новые возможности, появляются новые виды минерально-сырьевых ресурсов. Это редкие земли, это новообразованное сырье, связанное с импактными алмазами в кратере Попигай. Томторское месторождение — один из крупнейших источников редкоземельных материалов. Стоимость всех извлеченных из тонны руды компонентов приближалась три года назад к 11 000 долларов. Сравните с ценой нефти. Но есть проблема — эта ниша занята Китаем. А у нас отсутствует внутренний спрос. Как с этим быть при отсутствии внутреннего спроса и как пробиться на рынок? Видимо, надо развивать свою экономику,

интегрировать арктические проекты в общее русло или в общую канву экономической и структурной политики.

Совместимы ли современная экономика и арктическая экономика? Совместимы вполне, но для этого необходима гибкость во всех областях выработки, принятия и реализации решений. Если нет у нас рынка, если нет индикаторов, могут использоваться блокчейн, система больших данных, те возможности, которые предоставляют системы управления данными в современных условиях, когда возрастают потребности в высокотехнологичных видах сырья и материалов.

На этом я бы, пожалуй, закончил, если бы не одно важное замечание — ориентация многих решений на простоту, кажущуюся антикоррупционность и как бы эффективность. Необходимо формирование подходов на принципах соучастия и реального вовлечения в них представителей региональных и местных сообществ, рассмотрение проектов и инициатив для развития хозяйственной деятельности и решения социально-экономических проблем.

КТО ХОЗЯИН «ЯМАЛ СПГ»?

- Финансирование — Китай, Франция.
- Техническое руководство — Франция.
- Интегратор проекта — сербская компания.
- Расположение — Крайний Север России.
- Потребители — Китай, Япония.
- Технологии — Европа.
- Оборудование — Китай, Европа, Япония.
- Танкеры — Корея с норвежской начинкой.

То есть ничего с точки зрения мультипликатора для развития сибирской экономики, восточной экономики, российской экономики данный проект не обеспечил. Предполагается строительство центра по выпуску платформ на Мурманской Губе, но это опять же только основание, это не столь наукоемкий вид деятельности.

ПОЧЕМУ НЕ РАБОТАЮТ РОССИЙСКИЕ ОФШОРЫ

Минфин разрабатывает изменения в Налоговый кодекс, продлевающие амнистию капиталов минимум еще на год. Будут сохранены имеющиеся гарантии закона о добровольном декларировании, если декларируемые активы будут перерегистрированы в специальные административные районы (САР), а средства переведены в Россию.

НАИБОЛЬШИЙ ИНТЕРЕС САР МОГУТ ПРЕДСТАВЛЯТЬ ДЛЯ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ, ОПАСАЮЩИХСЯ САНКЦИЙ

ЧТО ПРЕДЛАГАЮТ

«Условия следующего этапа амнистии предусматривают, что если физическое лицо переводит либо деньги в Российскую Федерацию, либо свои холдинговые структуры в САРы, то оно сможет воспользоваться амнистией и после 1 марта 2019 года, еще в течение одного года», — говорится в сообщении ведомства.

До 1 марта проходит амнистия капитала, по которой граждане могут добровольно сообщить о своих зарубежных активах, чтобы избежать каких-либо претензий к ним в будущем. Однако активы достаточно задекларировать, переводить их в страну не требуется. Но продлевать амнистию на этих же условиях власти не планируют, теперь активы «ждут дома».

Специальные административные районы на островах Русский в Приморском крае и Октябрьский в Калининградской области были созданы в 2018 году, после того как под санкции США попали несколько крупных российских компаний и их собственники. Резиденты САР могут получить специальный статус международной компании; освобождение от уплаты налога на прибыли своих контролируемых иностранных организаций, от продажи активов и с полученных дивидендов; снижение до 5 процентов ставки налога на дивидендный доход; облегченный валютный контроль и т. д. В обмен на это в экономику региона, где расположен САР, нужно инвестировать 50 миллионов рублей. На островах собраны все имеющиеся в РФ льготные режимы для бизнеса, тем не менее они не работают.

МИЛЛИАРДА НЕТ

Изначально потенциальный объем инвестиций в русские офшоры оценивался в миллиард долларов в каждом регионе. Однако за почти полгода их существования в САР зарегистрировались лишь две ком-

пании. Основной акционер банка «Восточный» Finvision Holdings стал резидентом острова Русский в Приморье, а международный холдинг Adanimov Trading Limited «прописался» на острове Октябрьский в Калининградской области. О своем намерении перерегистрироваться в САР объявили акционеры En+ Group (ей принадлежит UC Rusal), бенефициаром которой является Олег Дерипаска. За перевод компании с острова Джерси в отечественный САР проголосовало абсолютное большинство акционеров, но дальше декларации о намерениях дело не пошло.

Да и мало кто считает, что регистрация в САР примет массовый характер. «Инвесторы пока относятся к САР настороженно, выжидают и пытаются оценить риски и преимущества регистрации в данных зонах. Впрочем, уже сейчас понятно, что САР не являются полноценной альтернативой зарубежным офшорным зонам, — отмечает Александр Пахалов, руководитель проекта «Рейтинги регионов России» Национального рейтингового агентства. — Во-первых, налоговые льготы в САР значительно менее щедрые, чем в классических офшорах, и касаются эти льготы в основном налогообложения дивидендных доходов. Во-вторых, САР будут действовать в рамках российского правового поля и российской судебной системы, в то время как одно из ключевых преимуществ зарубежных офшоров — большая защищенность прав инвесторов в условиях более развитых правовых систем. В-третьих, САР в отличие от ряда офшоров не предоставляют возможностей для сокрытия корпоративной информации».

ДОВЕРИЕ ОФШОРОМ НЕ ВЕРНУТЬ

Кроме того, проблема слабого интереса к САР связана с недоверием отечественного бизнеса к постоянно меняющимся правилам игры в экономической

политике России, уверен ведущий аналитик «Открытие Брокер» Андрей Кочетков: «Многие компании заинтересованы не столько в возможности снизить долговую нагрузку, сколько в возможности укрыть свои доходы и капиталы от налоговой системы, которая может измениться в любой момент. Поэтому, какие бы условия ведения бизнеса ни предоставлялись в экономических зонах на территории РФ, потребуется еще много времени, чтобы заинтересованные организации смогли почувствовать безопасность размещения в них своих капиталов. На текущий момент отношение к таким возможностям характеризуется подозрением в том, что налоговая система государства сможет выявить неучтенные средства с целью впоследствии изъять их в пользу государства».

По мнению управляющего партнера экспертной группы Veta Илья Жарского, ключевой проблемой САР является отсутствие четких гарантий защиты интересов бизнеса. «Создавая САР, законодатели исходили из необходимости площадки для перерегистрации головных структур всего нескольких российских компаний, в первую очередь «Русала» и En+ Дерипаски, которые попали в список SDN в апреле прошлого года и получили так называемый «токсичный» статус, подразумевающий возможность введения вторичных санкций в отношении их контрагентов. Технически «переезд» в САР не создает предпосылок для снятия санкций, но резиденты получают возможность воспользоваться услугами подсанкционных банков, которые имеют право не раскрывать часть обязательной к раскрытию информации, в частности о структуре дебиторской и кредиторской задолженности», — напоминает Илья Жарский.

Кроме того, использование так называемого «закрытого контура» подсанкционных банков для обеспечения транзакций резидентов САР так же обеспечивает высокий уровень защиты от введения ограничений со стороны США в отношении контрагентов резидентов. «До начала реализации международного соглашения по автоматическому обмену

налоговой информации, относительную защиту обеспечивали офшоры, но сейчас такой механизм можно назвать неактуальным. Собственно, возвращаясь к причинам создания САР вполне очевиден тот факт, что снятие санкций с «Русала» и En+ само по себе отменяет острую необходимость в них, поскольку на ком-то механизм перевода в российский офшор должен быть отработан, должен быть удачный пример того, как это работает и какой уровень защиты предлагает», — считает Илья Жарский.

БЕГУЩИЕ ОТ САНКЦИЙ

Наибольший интерес САР могут предоставлять для компаний российского происхождения, зарегистрированных за рубежом и опасющихся санкций. «Скорее всего, для таких компаний нежелание нести потери из-за санкционных ограничений и настоятельные рекомендации руководства страны станут хорошими стимулами для регистрации в САР», — говорит Александр Пахалов.

Сами по себе налоговые послабления не означают отказ от их взимания, а механизма скрыть собственника активов не предусмотрено, поэтому сложно назвать Русский и Октябрьский классическими офшорами.

«Острова, где созданы САР, малоперспективны для строительства широкой инфраструктуры за счет бюджетных средств. Зарубежный опыт сегодня не демонстрирует практики создания офшоров за счет бюджетных средств, и это, наверное, ключевое отличие российского феномена», — уточняет Светлана Дахненко, доцент, к. ю. н., замглавы Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ.

Текст: Елена Березина

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ

Какие бы условия ни предлагались, потребуется много времени, чтобы организации смогли поверить в безопасность своих капиталов.

ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА СТАЛ КЛЮЧЕВЫМ ИНСТРУМЕНТОМ КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Сергей Михалкин,
арбитражный управляющий, председатель наблюдательного совета СПО «Развитие» (Фото ТАСС)

Институт банкротства должен решать две основные задачи: максимальное погашение задолженности перед кредиторами и возможность для должника восстановить платежеспособность. Мы не изобретатели этого института в таком виде, он эффективно действует во многих эффективных экономиках. У него есть свои параметры, которые есть смысл сравнить. У нас от года к году среднестатистическое погашение прав требований кредиторов находится на уровне 5%. В развитых экономиках эта цифра — от 40 до 60%. Мы в 10 раз меньше погашаем реестр. Что касается восстановительных процедур. У нас в год заявляется восстановительных процедур 350–500 — это внешнее управление и финансовое оздоровление, они немного отличаются. Внешнее управление — это когда сохраняется собственник, на процедуру идет арбитражный управляющий, финансовое оздоровление — когда предлагается некий план мероприятий по восстановлению платежеспособности.

Но итоговая статистика совершенно аховая: в 2015 году 14 предприятий успешно завершили финансовое оздоровление, в 2016-м — 13, в 2017-м — 5, в 2018-м — 4. С цифрами можно спорить, поскольку подписываются и мировые соглашения, но реально восстановления платежеспособности в целом не происходит. В 70% процедур банкротства, завершенных в 2015–2017 годах, кредиторам не

ВОТ К ЧЕМУ МЫ ПРИШЛИ

Сергей Глазьев,
академик РАН, советник
Президента РФ, вице-президент
ВЭО России

Мы наблюдаем за последние годы резкое увеличение количества уголовных дел против предпринимателей (несмотря на требования прекратить использование силовых методов давления на бизнес — были приняты поправки, запрещающие содержание предпринимателей под стражей по обвинениям, связанным с коммерческой и хозяйственной деятельностью).

Инициаторами выступают государственные банки. Поскольку им никто задание по кредитованию реального сектора не дает и никто не спрашивает за состояние дел с заемщиками, получается, что некоторые граждане, работающие в банках, используют свои полномочия фактически для рейдерского отбора имущества заемщиков. Таких случаев стало настолько много, что вошел

в оборот термин «залоговое рейдерство», когда госбанки сознательно ухудшают платежеспособность своих заемщиков для того, чтобы отобрать имущество в пользу аффилированных с ними лиц. Все госбанки обросли дочерними структурами с подназванием «капитал», которые профессионально занимаются работой с так называемыми проблемными кредитами путем

передачи имущественных комплексов предприятий посредникам, которые затем эти предприятия перепродают заинтересованным инвесторам. Собственники предприятий, которые оказывают сопротивление и пытаются добиться от банков правильного выполнения своих функций, часто подвергаются уголовному преследованию. Следствием всего этого оказывает-

ся разорение, остановка предприятия. Эта болезнь подобно сепсису поразила всю нашу кредитную систему. По опросам нашего предпринимательского сословия, большинство предпринимателей сегодня хотят продать свой бизнес. Вот к чему мы пришли.

выплачено ни рубля. Попыток восстановить — 1,5% от общего числа, а реально восстанавливаем 5–10 предприятий в год. В США восстанавливаются от 1000 до 1500 предприятий в год. С учетом того, что 1/3 российских предприятий имеет признаки неплатежеспособности, то есть находится в зоне банкротного риска, эту статистику нужно внимательно анализировать и искать эффективные пути ее изменения.

Что происходит внутри института банкротства? В чьих интересах он работает? Наша точка зрения: институт банкротства стал ключевым инструментом криминальной экономики, он не выполняет макроэкономическую миссию, он улучшает материальное положение конкретных бенефициаров и заказчиков. Зачастую нарушается баланс интересов должника, кредиторов, общества и государства. Именно этот баланс записан в законе как основная цель института банкротства.

В России институт банкротства стал в значительной степени отдельным видом криминального и сверхдоходного бизнеса, который решает три основные задачи: сокрытие ранее совершенных экономических преступлений, недобросовестное завладение собственностью — рейдерские захваты через залоговые и многие другие операции, а также уход от долгов и обязательств. Такие обстоятельства стали возможны благодаря отсутствию должного госконтроля над институтом банкротства, а главное — концентрации его возможностей в частных руках. Учитывая, что сегодня в управлении арбитражных управляющих находятся активы на сумму 1,5 трлн рублей, вышеназванные тенденции вызывают особую тревогу. В сфере банкротства и продажи имущества предприятий-должников работают организованные группы. Некоторые из них, на мой взгляд, имеют признаки организованных преступных сообществ, при этом статья 210 УК РФ в отношении них почти не применяется. Мне применение такой статьи неизвестно. Надо отметить, что эти ОПГ отличаются от ОПГ 90-х годов. Там работают высококвалифицированные люди, которые активно

взаимодействуют с госорганами, коррумпируют их, и там крутятся огромные деньги.

Я могу привести яркий пример ситуации в Пермском крае. Более 10 лет в регионе действовала группа мошенников, ворующих деньги ЖКХ. Группа объединяла более 600 компаний, управляющих, подрядных, консалтинговых, платежных агентов и пр., и несколько сотен участников. Ущерб от деятельности группировки оценивается ориентировочно в 20 млрд рублей. Управляющие компании бесконечно клонировались, собирали деньги, рассывали их по карманам и уходили в банкротство. При этом новым компаниям с теми же названиями регулятор выдавал лицензию, обыватели зачастую не замечали, что счета приходят от новой компании с прежним или подобным названием, директором и адресом. Особую роль в этой схеме играли расчетно-кассовые центры, собирающие и присваивающие деньги населения, все они обслуживались в Сбербанке России. Тем не менее никакой финансовый мониторинг и контроль там не сработал. Банкротные технологии позволяли уничтожать доказательства преступлений, списывать долги управляющих компаний перед ресурсоснабжающими организациями, ликвидировать управляющие компании как юрлица и таким образом уходить от ответственности. Кстати, разобраться в схеме и вывести мошенников на чистую воду также помог институт банкротства, потому что в нем заложены особые возможности — доставать документацию, оспаривать сделки и взаимодействовать с правоохранительными органами.

Ситуацию необходимо срочно менять. Нужно разрабатывать новый закон о банкротстве, но это процесс длительный и непростой. Но уже сегодня можно принять конкретные эффективные шаги по декриминализации института банкротства.

Во-первых, на мой взгляд, необходимо восстановить государственный контроль над процедурой банкротства. Сегодня регулирующие функции государства размыты: ФНС, Росреестр, Минэкономразвития — никто не несет принципиальную ответственность,

не видит картины в целом, не собирает статистику. Необходимо создание профильной структуры по несостоятельности, при этом система саморегулирования в данной сфере может быть сохранена. Но сегодня мы вынуждены признать, что саморегулирование в банкротстве дает плохую статистику, а существует оно с 2002 года. Эти 16 лет эксперимента должны нас натолкнуть на мысль, что этот механизм сработал плохо.

Отдельно нужно отметить, что в настоящее время принимаются криминальные законодательные инициативы, с грубейшим нарушением порядка работы над законопроектами, подлогом, манипулированием субъектами законодательной инициативы. Они направлены на передачу контроля над институтом банкротства дальше в частные руки и на снижение полномочий государства в институте банкротства, исключение реабилитационных процедур для предприятий-должников. Эти попытки надо остановить и дать им соответствующую оценку, потому что сегодня обсуждаются поправки в закон о банкротстве, которые были внесены по криминальной технологии, и в данном случае обсуждение их легитимизирует.

Во-вторых, важно обеспечить должный контроль за процессом реализации имущества должника, сделать его прозрачным, исключить манипуляции с результатами торгов, потому что два ключевых инструмента позволяют сегодня махинировать: сам институт банкротства и электронные торги. Для этого необходимо запустить автоматизированный контроль процесса проведения торгов с независимой базой и историей данных поданных участниками заявок — всего-то-навсего! Это не будет стоить денег, и, как в нотариате, где были полностью ликвидированы поддельные доверенности, здесь не будет махинаций с заявками. Также необходимо автоматизировать формирование протоколов об итогах торгов. Для этого достаточно внести изменения в Приказ Минэкономразвития. Даже закона не надо. Техническая реализация не потребует значительных материальных ресурсов.

В-третьих, необходимо позволить банкам — и это самое главное — финансировать мероприятия по восстановлению платежеспособности должника. Сегодня банки не дают кредиты заемщикам, в отношении которых возбуждено дело о банкротстве. Эти заемщики считаются безнадежными — 5-я категория качества кредитов. И банки обязаны формировать под такой кредит 100-процентный резерв. Ведение в отношении должника реабилитационной процедуры, когда план внешнего управления утвержден, должно приводить, на наш взгляд, к изменению категории качества кредита на 4-ю или на 3-ю. Это позволило бы банкам снижать объем резервов, а должнику обсуждать вопросы финансирования и рефинансирования с текущими кредиторами. При этом деньги, возвращенные таким образом из резерва, должны расходоваться целевым образом, выделяться должнику именно на мероприятия, направленные на восстановление его платежеспособности. В частности, по 4-й категории это уже 61% резервов.

Я хочу сказать, что изменение учетной ставки ничего не даст. Если мы посмотрим на то, сколько попыток было сделано банкротств, у нас их — 40 000 процедур, из них попыток восстановления платежеспособности — 500–600, реально добегают до финиша 5, то есть в масштабах экономики — это ноль. У нас нет восстановительных процедур! Когда мы занимаемся сегодня легкими ретушированиями закона, мы не говорим самого главного: закон не работает вообще, не работает механизм торгов реализации имущества. Вы посмотрите, у нас заходит в торги имущества на 1,5 трлн. А ведь в основе первых торгов лежит реальная цена имущества. Но торги не проходят! Только по цене предложения покупателя — это 77 млрд против 1,5 трлн того, что продается. Значит, надо торги сделать прозрачными. У всех 47 площадок есть агенты, которые за 10–30% от финансового результата примут заявку на победу на торгах. Я считаю, что не надо подбирать слова: государство выведено и его продолжают выводить из института банкротства. Но там — 1/3 экономики!

КРИМИНАЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Они направлены на передачу контроля над институтом банкротства дальше в частные руки и на снижение полномочий государства в институте банкротства, исключение реабилитационных процедур для предприятий-должников.

КАК ПРОИСХОДИТ ЗАЛОГОВОЕ РЕЙДЕРСТВО

Иван Миронов,
адвокат, эксперт
Общественного совета
ЦОП «Бизнес против кор-
рупции» при аппарате
Уполномоченного при
Президенте РФ по пра-
вам предпринимателей,
к. и. н.

Эта тенденция началась, по моим расчетам, где-то 3–4 года назад, когда мы стали сталкиваться с интересными делами по всем российским регионам. Когда сильное промышленное предприятие находится на экономическом подъеме, перед руководителями и собственниками встает вопрос о расширении производства, потому что они уверены в завтрашнем дне, они обеспечены заказами на несколько лет вперед — им необходимо привлечение оборотных средств. Промышленность без «оборотки» как человек без воздуха, потому что за продукцию оплата поступает намного позже, чем вложения в производство этой продукции. И в этот момент происходит интересная ситуация. Вдруг успешное предприятие за несколько лет доводится до банкротства, и если при получении кредита его стоимость составляет 5–10 млрд рублей, оно продается разбитыми лотами за какие-нибудь 200–300 миллионов рублей. При этом собственник помещается под стражу и в итоге остается без всего, да еще и с уголовным приговором. Везде работала одна и та же схема: собственник идет в банки с госучастием, потому что сегодня только у нескольких банков по сути есть монополия на продажу денег нашим промышленникам, никакой частный банчок не предоставит кредит в том размере, в котором нуждается сегодня большой производитель. Производитель уверен, что он расплатится и что государственный банк не подведет, и готов даже идти на кабальный процент — более 20%, отдавая под залог 100% акций и все производственные мощности.

Дальше происходит интересная схема. Залог (а этот залог недооценен, он оценивается где-то в полцены в лучшем случае) оказывается в банке под обещание кредитной линии на несколько миллиардов под большой процент. Далее какая-то сумма нужна на перекредитование для покрытия обязательств перед другими банками или для выкупа из лизинга станков и других производственных мощностей, чтобы актив был максимально чистым и никто на него больше не претендовал. И в этот момент кредит замораживается, деньги не поступают по кредитным заявкам, заявки рассматриваются с опозданием и по рассмотренным заявкам деньги на предприятие не идут. По заводу «Автоприбор», которым мы занимались, задержка доходила до 178 суток. Для любого промышленного предприятия — это катастрофа.

А потом предприятие начинают нагружать дополнительными ковенантами (обязательствами совершения какого-либо действия, имеющими для обязавшей стороны юридическую силу. — Ред.). Завод, находясь в заложниках у банка, вынужден подписывать эти соглашения. А согласно этим ковенантам тут же возникает дополнительное обременение в виде личного поручительства на весь аффилированный бизнес, личные поручительства собственника, его семьи и т. д., чтобы из этой петли уже было не выскочить. При этом характер ковенантов очень интересен. Появляются ковенанты, когда очередь на погашение тела кредита смещается на 13–15-е место таким образом, чтобы собственник не имел ни малей-

шей возможности его погасить. Таким образом предприятие за год-полтора скатывается в предбанкротную ситуацию.

И дальше уже вступают в игру правоохранительные органы. Вроде бы везде говорят, что предпринимателей не сажают — ничего подобного! Зачастую специально используются такие статьи, которые не охвачены 108 статьей УПК РФ, где содержится список так называемых предпринимательских статей. В первую очередь используется 201-я — злоупотребление должностными полномочиями и 159-я, которая на усмотрение следствия или суда может быть или предпринимательской, или не предпринимательской. Под стражей с собственником уже идет работа. Любое сопротивление, когда человек находится под стражей, невозможно — работа предприятия парализована. Я не раз видел, когда собственнику в тюрьму приносили предложение продать проблемный актив за решение всех проблем. Я не видел предложения продать акции миллиардных предприятий дороже 10 тысяч рублей.

А дальше происходит такая история. Весь этот актив падает в банкротство, несмотря на сопротивление собственников, которые во всех этих случаях пытаются сохранить предприятие, доказывая в арбитражных судах (это как правило поддерживает и налоговая), что предприятие может восстановить платежеспособность, но всегда банки против, всегда банки выступают за банкротство, ставят своего управляющего, формируется из сотрудников банка комитет кредиторов, который голосует за продажу не единым лотом, если это огромный промышленный комплекс, а несколькими лотами, что сразу удешевляет предложение. Таких дел по стране только мне известны десятки.

Очень важный момент — то, что дальше происходит с этим активом и с долгом. Перед банком образуется долг в полтора миллиарда, причем во всех этих делах все признают, в том числе и следствие, что ни копейки нецелевого расходования средств не было. При помощи дополнительных ковенантов снижается оценочная стоимость в несколько раз от первоначальной стоимости залога, а долг только растет. Далее банк оставляет себе обязательства в размере последней цены залога, а остальной долг переуступает частной компании, аффилированной с банком, за 1–2% с рассрочкой, то есть фактически выкидывает эти деньги. А эта частная компания заходит в процедуру банкротства и, поскольку залоговый кредитор не может голосовать, так как его требования обеспечены залогом, начинает рулить всей процедурой, и распределением активов должника, и продажей в нужные руки через криминальные механизмы.

Все это происходит из-за несовершенства института банкротства, из-за того, что не прописана ответственность банковских работников за просрочки предоставления кредита, из-за безумного банковского процента, и, конечно, здесь еще можно говорить в УК и УПК, которые позволяют и дальше прессовать и трясти как буратин нашего отечественного производителя.

ОТ МАРКСА К ЦИФРОВОЙ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Кейс ван дер Пейл,
Центр глобальной
политической экономики,
Университет Сассекса

Капиталистическая рыночная дисциплина оказалась под воздействием кризиса в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Можно сказать, что подавляющее большинство явлений, придающих современному периоду его особые черты переходного общественного строя, берут начало именно в этом пункте истории. Советский блок тогда тоже продемонстрировал первые признаки экзистенциального кризиса: прибегнув к репрессиям в ответ на попытки в Чехословакии приспособить государственный социализм к более высокому уровню производительных сил, он обнаружил, что система исчерпала свой потенциал модернизации, и иной возможности кроме отступления назад к рынку и капитализму нет. Несмотря на это, СССР и его блок не развалились до конца 1980-х годов, и поэтому идея социализма, его проблемы и возможности продолжали ассоциироваться с тем, как шли дела у советского государственного социализма на протяжении следующих двадцати лет. Таким образом для большинства представление о том, что мы живем в эпоху перехода от капитализма к социализму, сошло на нет вместе со спуском флага с серпом и молотом над Кремлем.

Развитие производительных сил со времен первоначального кризиса конца 1960-х — начала 1970-х годов работало на преодоление капиталистических отношений собственности, что продолжается и по сей день. Основное противоречие капиталистического способа производства есть противоречие между общественным характером производства, который углубляется в результате самого капиталистического развития, и частнокапиталистической формой присвоения.

Информационная революция, которая началась в 1970-х годах, с этой точки зрения представляет собой ключевую трансформацию в направлении обобществления труда. Информация, знания носят непосредственно общественный характер (ведь, в принципе, можно овладеть определенным элементом информации, не отнимая его у других); их две основные формы, технология и идеология, вносят непосредственный вклад в общее социальное развитие. Конечно, в случае противоречивого строя, при котором все общественное пребывает в режиме частного присвоения, это не самоочевидно — технологии могут быть объектом прав интеллектуальной собственности (скажем, патенты на лекарства), идеология же может быть противоречива, оставаясь воплощенной в товарной форме, как фетишизм, от брендов до либерального мировоззрения, о котором твердят на все лады основные СМИ — даром что факты указывают в другом направлении.

Мобильный телефон стал «генотипическим» товаром на мировом рынке, и количество абонентов сотовой связи стремительно выросло, достигнув к 2012 году 6,8 миллиарда, что почти эквивалентно численности мирового населения. Тот факт, что у многих жителей Африки или Южной Азии даже нет электричества и что современный мир охвачен насилием и войной, является следствием продолжающихся (и становящихся все более опасными) попыток удержать данный процесс в русле частной формы присвоения. Неравенство внутри общества и между обществами является лишь следствием искажений, которые создает капиталистическая формация как в «информационной» вселенной, так и в других.

Имеющийся у нее потенциал построения действительно мирового сообщества вступает в жестокое противоречие погружению подавляющего большинства населения в крайнюю нищету. Принципы хищнического неолиберализма, разновидности капитализма, продвигаемой с позиций спекулятивного, «приносящего деньги» капитала, продолжают удерживать мир в заложниках в интересах немногочисленной олигархии.

И все же информационная революция фактически подорвала ключевое положение неолиберализма, согласно которому современная экономика настолько сложна, что ее невозможно понять. Хайек называл рынок непостижимым «расширенным порядком», подчиняющим себе волю простых людей. Именно непознаваемость вселенной рыночных операций стала отправным пунктом утверждения Хайека о необходимости радикальной свободы от государственного вмешательства или регулирования.

На самом деле даже первоначальный вывод Хайека о том, что планирование ведет к диктатуре, основывался на методологической ошибке. Как писал в начале 1970-х годов польский марксист Влодзимеж Брус, Хайек исходил из того, что выбирать следовало между планированием и свободой, тогда как в действительности свободой не должна вступать в противоречие с планированием; цель должна состоять в примирении очевидно противоречивых целей моноцентрической эффективности и гуманистического полицентризма.

Благодаря использованию больших данных и гибкой кибернетической системы централизованного

планирования, связанной с переведенными в цифру предпочтениями в рамках более широкой структуры, взаимное согласование планирования и свободы становится возможным на практике. Или, по словам Тима О'Раيلي: «Мы переживаем уникальный момент, когда новые технологии позволяют уменьшить объем регулирования при одновременном увеличении объема надзора и получения желаемых результатов».

Однако этот потенциал еще не реализован вне рамок конкурентной экономики, ориентированной на получение прибыли. Подобно тому, как промышленная революция сперва упрочила положение зарождающегося капиталистического класса в Британии перед тем, как возникло рабочее движение, которое через несколько промежуточных инстанций попыталось поставить ее на службу большой массе населения (в форме советской индустриализации), информационная революция прежде всего служит властям предрержащим, которые стремятся увековечить свое господство, развивая ИТ-разновидности репрессий и эксплуатации в стране и за рубежом. Все те же производительные силы (технологии и системы), что позволяют ей ужесточить классовое угнетение, дают возможность обществу продвигаться к другому, более гуманному общественному устройству. Необходимо подробно проанализировать (с тщательным изучением классовых и международных сил в их реальном современном движении), как именно может сформироваться такое общество вопреки ощутимой авторитарной тенденции, свойственной современному олигархическому капитализму, охваченному кризисом. Я утвер-

ЦИФРА ПРОТИВ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Информационная революция практически подорвала ключевое положение неолиберализма.

жду, что цифровая плановая экономика больше не является идеологической конструкцией, навязываемой реальности, а возникает как логический результат современных тенденций в экономике и обществе.

То, что взаимосвязанность практически всего населения мира была достигнута усилиями, как я его называю, хищнического неолиберализма, формы капитализма с высокой степенью риска и высокой выгодой, доминирующей в западном обществе (Китай, Россия, и в меньшей степени Иран и Индия, скорее, полагаются на государство, но в остальном они также вступили на олигархическую тропу) — лишь одна сторона уравнения. Следуя диалектике, углубляющаяся рыночная дисциплина капитализма, в которой каждый аспект общественных отношений коммодифицируется, идет рука об руку с универсальной взаимосвязанностью, как будто бы никакого капитализма не существует, что есть результат процесса социализации (термин будет развит в подробнее в главе 1). Можно сказать, что результатом является (почти) тотальная социализация в режиме экстремальной приватизации.

Для понимания того, как социализация в этих условиях влияет на человеческий субстрат, на котором действует капитал (и который он по определению никогда полностью не усваивает), концепция спектакля Ги Дебора дает важную подсказку. Спектакль — это общество, в котором товарная форма охватывает каждый аспект жизни, создавая нереальную реальность, сводящую людей к полной пассивности, пассивности зрителя. Дебор писал свою книгу накануне социального взрыва в мае 1968 года, ознаменовавшего начало исторического кризиса капитализма; он и предположить не мог, что через 50 лет почти все население мира с 10- или 12-летнего возраста будет изо дня в день неразлучно со своими смартфонами.

Одним из результатов является то, что структуры политического представительства и формальной демократии теряют свою сущность, так как зависимость от смартфона (и ноутбука) сама по себе искусно используется для того, чтобы направлять субъективный выбор в направлении, желательном для тех, кто находится у руля. Большие данные в этой вселенной позволяют силам, которые управляют нами, планировать наш выбор, выбор, который нам кажется полностью свободным.

И все же Дебор не упускал из виду возможность того, что массы, плененные вселенским спектаклем, могут мутировать в коллективный революционный

субъект. Для него было важно определить этот субъект, исходя из самой универсальности спектакля, обеспечившего ослабление его позиций, а не из экономики. Ибо в отличие от буржуазии, которая пришла к власти как класс экономический, класс экономического развития, «пролетариат» как класс, не имеющий позитивной заинтересованности в существующем капиталистическом обществе, может прийти к власти только тогда, когда он разовьется в класс сознательный. Потому что даже люди, подвергающиеся манипуляциям со стороны крупного капитала, который проецирует манящую сферу искусственных желаний, остаются потенциально активными, и сознательно активными. Они не роботы и поэтому пытаются так или иначе справиться со своим состоянием. В кризисной системе конформизм заведет в тупик. Большие данные, будучи однажды открыты и превращены в «открытые данные», позволят реконструировать общество с помощью иного типа связности, благодаря которому можно будет уйти от экономики, управляемой стремлением к частной прибыли, но более не приносящей пользы никому, за исключением горстки сильных мира сего.

Конечно, перефразируя Маркса, история XX века «нависает как кошмар» над осознанием настоящего. На протяжении десятилетий казалось, что капитализм, запертый в границах национальных государств, как это было после Второй мировой войны, медленно скатывается к государственному социализму в широком смысле по советской модели, модели, созданной ценой невыразимых человеческих жертв в отсталом обществе. Однако после того, как капитал в 1970-х годах перешел на перемещение производства и восстановление приоритета рыночных отношений, а организованный труд оказался неспособным противостоять ему, данный процесс был повернут вспять, и советский государственный социализм тоже стал его жертвой.

Затем информационная революция, первоначально возникшая в контексте гонки вооружений с СССР, начала закладывать основы для нового витка капиталистического развития. Даже в советском контексте, как позже в социалистическом Чили, кибернетика применялась для поддержки цифровой плановой экономики, но недолго. В конечном счете именно Запад торжественно поставил свои достижения на службу новому витку капиталистического развития, на этот раз не стесняя себя какими-либо нацио-

нальными границами. Однако приватизация американских оборонно-разведывательных учреждений в области ИТ, которая привела к появлению таких компаний, как Google, также создала фундаментальную двойственность в этом отношении: поскольку репрессии стали обусловлены добровольной уступкой гражданами своих персональных данных, многие из них использовали новые возможности для освободительных целей, начиная с автономного сбора информации.

Эта фундаментальная и противоречивая амбивалентность цифрового общества сегодня проявляется как в сфере труда, так и в сфере досуга, включая предоставление информации. Старый «пролетариат», теперь состоящий из управленческих и технических кадров, с одной стороны, и грамотных в цифровом отношении рабочих и административных служащих, превращается в класс сознательный, как это представлял себе Дебор. Если бы это было не так, государства не ужесточали бы постоянно контроль над интернетом и не проводили бы с такой энергией кампанию против «фейковых новостей» (читай: альтернативных источников информации).

То, как информационная революция и «большие данные», которые сегодня используются главным образом для формирования поведения потребителей и все чаще для манипулирования результатами выборов в пользу крайне правых, в действительности делают возможным функционирование всеобъемлющей плановой экономики, должно быть тщательно изучено, и результаты этих исследований (скорее раньше, чем позже) должны быть открыты для народных движений, выступающих против политики затягивания поясов и репрессий, как это делают «желтые жилеты» в сегодняшней Франции. Лишь вооруженные реалистичными и вдохновляющими представлениями о будущем, эти движения смогут заложить основы плановой экономики, которая будет функционировать как «цифровая экосистема» на комплексной кибернетической основе. В такой экосистеме парламенты, явно ориентированные на экологическую и демократическую повестку дня, смогут наметить основные линии общественно-го развития с полным сохранением естественных ритмов жизни. Это будет социализм больших данных, социализм XXI века. Если цивилизация хочет избежать мировой войны, которая станет концом человеческой цивилизации, или экологической катастрофы сопоставимого масштаба, такой переход является неотложным.

ИСТОРИЯ XX ВЕКА НАВИСАЕТ КАК КОШМАР

На протяжении десятилетий казалось, что капитализм медленно скатывается к государственному социализму, однако данный процесс был повернут вспять.

FROM MARX TO THE DIGITAL PLANNED ECONOMY

By Kees van der Pijl
Centre for Global Political Economy
University of Sussex

Capitalist market discipline slipped into a crisis in the late 1960s, early 70s. Most if not all the phenomena that give the contemporary period its particular characteristics as a transitional social order, can be dated back to that juncture. The Soviet bloc also showed the first signs of existential crisis in the period: by resorting to repression in response to the attempts in Czechoslovakia to adjust state socialism to a more advanced level of the productive forces, it revealed that the system had exhausted its potential for modernization other than backsliding to the market and capitalism. Even so, the USSR and its bloc did not collapse until the late 1980s, so the idea of socialism, its problems and possibilities, continued to be associated with how Soviet state socialism fared for another twenty years. Hence for most, the notion that we live in the era of the transition from capitalism to socialism went down with the lowering of the hammer and sickle flag on the Kremlin.

The development of the productive forces from the time of the original crisis of the late 1960s, early 70s worked towards transcending capitalist property relations and continues to do so today. The key contradiction of the capitalist mode of production is between the social nature of production, which deepens as a result of capitalist development itself, and private appropriation.

The Information Revolution that began in the 1970s from this perspective represents the key transformation in terms of the socialisation of labour. Information, knowledge, is immediately social (one can, in principle, possess a particular item of information without somebody else being deprived of it); its two basic forms, technology and ideology, contribute directly to overall social development. Of course in a contradictory order in which everything social remains under a regime of private appropriation, this is not self-evident—technology may be subject to intellectual property rights (say, medicine patents) and ideology will be contradictory by remaining encapsulated in the commodity form, as fetishism, from brand names to the liberal world view rehearsed by the mainstream media on a daily basis—never mind the facts pointing in a different direction.

The mobile phone has become the genotypic commodity in the world market, and the connection rate is much higher, with 6.8 billion subscriptions in 2012, has reached the equivalent of almost the entire world population. That many people in Africa or South Asia don't even have electricity and that the world today is engulfed in violence and war, follows from the continued, albeit ever more precarious, hold of private appropriation on the process as a whole. Inequality within and across societies is only a consequence of the distortions the capitalist form creates, in the 'informational' universe as well as in others. Its potential for a truly world society is brutally contradicted by the immersion of the large majority of the population in abject poverty. The tenets of predatory neoliberalism, the variety of capitalism propounded from the perspective of speculative, 'money-dealing' capital, continue to hold the world at ransom for the benefit of a small oligarchy.

Yet the Information Revolution has effectively undermined the key notion of neoliberalism, that the modern economy is so complex that it is fundamentally unknowable. Hayek's conception of the market was as an incomprehensible 'extended order' to which mere individuals must subjugate their wills. It was precisely the unknowability of the universe of market transactions that anchored Hayek's claims regarding the necessity of radical freedom from state intervention or regulation.

In fact even Hayek's original conclusion that planning would lead to dictatorship rested on a methodological

WITH BIG DATA AND A FLEXIBLE, CYBERNETIC SYSTEM OF CENTRAL PLANNING, THE MUTUAL ACCOMMODATION OF PLANNING AND FREEDOM BECOMES POSSIBLE IN PRACTICE.

mistake. As the Polish Marxist, Włodzimierz Brus, wrote in the early 1970s, Hayek assumed that the choice was between planning and freedom, whereas in reality freedom need not clash with planning; the aim must be to pacify the apparently conflicting goals of monocentric efficiency and humanistic polycentrism.

With Big Data and a flexible, cybernetic system of central planning connected to digitalised preferences within the larger framework, the mutual accommodation of planning and freedom becomes possible in practice. Or in the words of Tim O'Reilly, 'We are at a unique time when new technologies make it possible to reduce the amount of regulation while actually increasing the amount of oversight and production of desirable outcomes'.

However, this potential is not realised yet beyond the profit-driven, competitive economy. Just as the Industrial Revolution initially empowered the rising capitalist class in Britain before a labour movement arose that via several mediating instances attempted to put it at the service of the large mass of the population (in the form of Soviet industrialisation), the Information Revolution first of all serves the existing powers, who seek to perpetuate their domination by developing IT varieties of repression and exploitation, at home and abroad. Still the same productive forces (technologies and systems) that enable it to solodify class oppression, allow society to move forward to a different, more humane type of society. How such a society can be given shape, against all the odds of the unmistakable, tangible authoritarian tendency in contemporary, crisis-ridden oligarchic capitalism, requires a detailed analysis, in which class and international forces are carefully scrutinised in their real contemporary movement. It is my argument that a digital planned economy is no longer an ideological construct to be imposed on reality, but arises as the logical outcome of current trends in the economy and society.

That the interconnectedness of practically the entire world population has been brought about by what I call predatory neoliberalism, the high-risk, high-reward form

of capitalism dominating Western society (China, Russia, and to a lesser extent Iran and India rather rely on their states, but are otherwise also on the oligarchic track), is only one side of the equation. In truly dialectical fashion, the deepening capitalist market discipline, in which every aspect of social relations is being commodified, goes hand in hand with the universal interconnectedness as if no capitalism existed, the result of the process of socialisation, a term to be developed in greater detail in chapter 1. The result is what we may term, (near-) total socialisation under a regime of extreme privatisation.

To understand how socialisation under these conditions affects the human substratum on which capital acts (and which it by definition never completely internalises), Guy Debord's concept of the spectacle, provides an important clue. The spectacle is the society in which the commodity form envelops every aspect of life, evoking an unreal reality reducing people to complete passivity, the passivity of the spectator. Little could Debord, writing on the eve of the May 1968 explosion that marked the onset of the historic crisis of capitalism, have imagined that in fifty years' time almost the entire world population would be glued, from the age of 10 or 12, to their smartphones day in, day out.

One result is that the structures of political representation and formal democracy are losing their substance, as the addiction to the smartphone (and laptop) is itself being instrumentalised to steer subjective choices in the direct desired by those in control. Big Data in this universe allow the forces that govern us, to plan our choices, choices that we ourselves imagine are entirely free.

Yet Debord did not overlook the possibility that the mass public in thrall of the universal spectacle, might mutate into a collective revolutionary subject. For him it was crucial to define that subject by reference to the very universality of the spectacle that ensured its disempowerment, and not by reference to the economy. For unlike the bourgeoisie, which had come to power as the class of the economy, of economic development, the

'proletariat' in the sense of the class that has no positive interest in existing capitalist society, can only come to power as it develops into the class of consciousness. For even people who are subjected to the operations of big capital projecting a spectacular realm of artificial desires, remain potentially active, and consciously so. They are not robots and are therefore engaged in trying to master their condition one way or another. In a system in crisis, conformity will even be a dead end. Big Data, once opened up and turned into 'open data', will allow society to be reconstructed through a different type of connectivity that leaves behind an economy run for private profit, but no longer working except for a handful at the top.

Of course, to paraphrase Marx, the history of the 20th century 'weighs like a nightmare' on the consciousness of the present. For decades it appeared as if capitalism, locked within national states as it did after World War II, was slowly sliding into a state socialism broadly along the lines of the Soviet model, a model erected at unspeakable human cost in a backward society. However, once capital in the 1970s switched to relocating production and restoring the priority of market relations, and organised labour proved unable to resist it, this process was radically reversed and Soviet state socialism too fell victim to it.

The Information Revolution, originally emerging in the context of the arms race with the USSR, then began laying the foundations for a new round of socialist development. Even in the Soviet context, as later in socialist Chile, cybernetics was applied to support a digital planned economy, but only briefly. Ultimately it was the West that triumphantly put its achievements at the service of a new round of capitalist development, this time with no national boundaries in the way. However, the privatisation of the US defence and intelligence facilities in the IT domain that gave rise to companies like Google, also created a fundamental ambivalence in this respect: as repression came to rely on the voluntary deposition of data by citizens, many of them used the new possibilities for emancipatory

purposes, beginning with autonomous gathering of information.

This fundamental, contradictory ambivalence of digital society, today plays out both in the spheres of work and of leisure including information provision. The 'proletariat' of old, now composed of a managerial and technical cadre on the one hand, and a digitally literate manual and administrative working class, is transforming itself into a class of consciousness as Debord envisaged it. If it wouldn't, states would not be busy tightening control of the Internet all the time, and be seen campaigning against 'fake news' (read: alternative sources of information) with such energy.

How the Information Revolution and Big Data, which today are primarily used for the shaping of consumer behaviour and increasingly, for the manipulation of electoral outcomes in favour of the Far Right, in fact make possible the operation of a comprehensive planned economy, must be carefully studied and made available, sooner rather than later, to the popular movements rising up against austerity and repression, as the 'Yellow Vests' are doing in France today. Only when possessing a feasible and inspiring vision of the future, these movements will be able to lay the foundations for a planned economy that would operate as a 'digital ecosystem' based on all-round cybernetics. In such an ecosystem parliaments expressly geared to an ecological and democratic agenda would chart the main lines of social development, leaving life to its natural rhythms in every respect. This would be a Big Data socialism, a socialism of the 21st century. If civilisation is to avoid a world war ending human civilisation, or ecological disaster of a comparable scale, such a transition is most urgent.

DIGITAL AMBIVALENCE

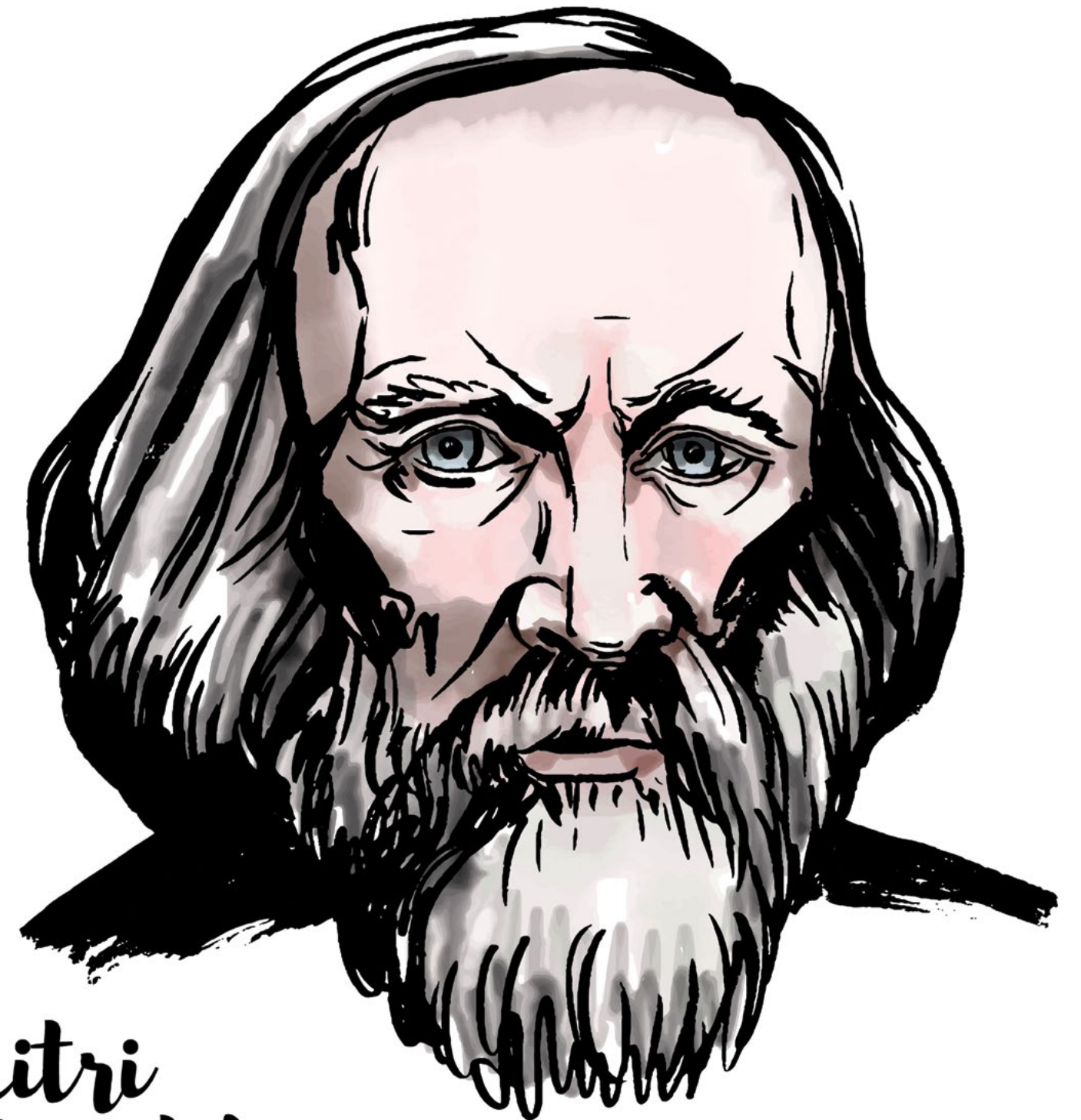
the fundamental ambivalence of digital society today plays out both in the spheres of work and leisure including information provision.

1 H	2 He											18 Ar																	
3 Li	4 Be											19 K	20 Ca	21 Sc	22 Ti	23 V	24 Cr	25 Mn	26 Fe	27 Co	28 Ni	29 Cu	30 Zn	31 Ga	32 Ge	33 As	34 Se	35 Br	36 Kr
11 Na	12 Mg											37 Rb	38 Sr	39 Y	40 Zr	41 Nb	42 Mo	43 Tc	44 Ru	45 Rh	46 Pd	47 Ag	48 Cd	49 In	50 Sn	51 Sb	52 Te	53 I	54 Xe

ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ: «КАКОЙ Я ХИМИК, Я — ПОЛИТИКО- ЭКОНОМ...»

2019 год провозглашен ООН Международным годом Периодической таблицы химических элементов. 150 лет тому назад, 17 февраля 1869 года, великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев составил свою первую схему Периодической таблицы и разослал научное извещение об этом важнейшем открытии ведущим химикам мира. Теперь мало кто знает, что большинство его научных и публицистических работ (около 60%) посвящено не Периодическому закону, не химии, а социально-экономическому состоянию России и его перспективам.

55 Cs	56 Ba	57-71	72 Hf	73 Ta	74 W	75 Re	76 Os	77 Ir	78 Pt	79 Au	80 Hg	81 Tl	82 Pb	83 Bi	84 Po	85 At	86 Rn
87 Fr	88 Ra	89-103	104 Rf	105 Db	106 Sg	107 Bh	108 Hs	109 Mt	110 Ds	111 Rg	112 Cn	113 Nh	114 Fl	115 Mc	116 Lv	117 Ts	118 Og
		57 La	58 Ce	59 Pr	60 Nd	61 Pm	62 Sm	63 Eu	64 Gd	65 Tb	66 Dy	67 Ho	68 Er	69 Tm	70 Yb	71 Lu	
		89 Ac	90 Th	91 Pa	92 U	93 Np	94 Pu	95 Am	96 Cm	97 Bk	98 Cf	99 Es	100 Fm	101 Md	102 No	103 Lr	

Dmitri Mendeleev

ОТКРЫТИЕ, ОПЕРЕДИВШЕЕ ВРЕМЯ

Тогда многие известные ученые отнесли к сообщению Д. Менделеева об открытии Периодического закона и создании Периодической таблицы химических элементов с напыщенным равнодушием. Ни одна европейская страна не включала информацию о Периодической системе химических элементов в учебные планы по химии вплоть до XX века. Причин обижаться на отечественную и мировую науку у Дмитрия Ивановича было немало. Его не избрали членом Императорской академии наук. Он не получил за свое открытие Нобелевской премии, хотя представлялся на нее трижды — в 1905, 1906 и 1907 годах, причем ни разу не был выдвинут русскими номинаторами. Вот что значит: открытие опередило свое время. Лишь после создания новой физики в 20-х годах XX века — теории строения электронных оболочек атома — природа закона стала очевидным, очевидным стало и то, что Периодическая система — самое важное открытие в естествознании XIX века.

Парадокс, но и сам Менделеев относился к своему химическому наследию спокойно. «Какой я химик, я — политико-эконом, — будет говаривать он не без иронии, но и не без удовольствия. — Что там «Основы химии», вот «Толковый тариф» — это другое дело...» И заслуги Менделеева как экономиста, как государственного деятеля перед Российской империей как раз-то и были признаны. Его превосходительство имел чин тайного советника (что соответствует генерал-лейтенанту военной службы) и был кавалером всех российских орденов вплоть до Св. Владимира I степени.

ОТ ТОБОЛЬСКА ДО СИМФЕРОПОЛЯ

Обстоятельства рождения и взросления Менделеева никак не указывали на то, что перед нами будущий великий ученый и государственный ум. Дмитрий Иванович родился 27 января 1834 года в Тобольске, в семье директора местной гимназии. В год рождения сына Иван Павлович, которому исполнился 51 год, неожиданно ослеп от катаракты обоих глаз и был вынужден уйти в отставку. Средств сразу стало не хватать, и многодетная семья оказалась на пороге нищеты. Впечатления о Тобольске, как захолустной дыре, несколько скрадывалось тем обстоятельством, что и в те далекие времена, как, впрочем, и сейчас, в русской провинции проживают удивительные люди. В Тобольск после окончания Санкт-Петербургского университета вернулся любимый ученик Ивана Павловича Петр Ершов, назначенный учителем словесности в родную гимназию. Ершов возвратился в Тобольск не только с дипломом, но и со славой автора «Конька-Горбунка». В те времена в сибирских городах оседали и ссыльные декабристы. Когда-то блистательные кавалергарды Иван Александрович Анненков (прибывший на поселение с женой Прасковьей — француженкой Полиной Гебль) и Петр Николаевич Свистунов служили в Тобольске канцеляристами губернского правления.

К тому моменту, как Дмитрию пришлось идти в гимназию, Ершов занимал пост инспектора гимназии и немало поспособствовал сыну своего учителя избежать порки и исключения из гимназии. Классическое образование не давалось Мите, был он упрям, нетерпелив и вспыльчив.

После окончания гимназии с весьма посредственным аттестатом мама отвезла Митю в Петербург

«НЕИЗБЕЖНО, НЕОБХОДИМО С ОСОБОЙ НАСТОЙЧИВОСТЬЮ ЗАКОНЧИТЬ ВСЕ ОСТАТКИ ПОМЕЩИЧЬЕГО ОТНОШЕНИЯ, ЕЩЕ СУЩЕСТВУЮЩЕГО ВСЮДУ НА УРАЛЕ В ВИДЕ КРЕСТЬЯН, ПРИПИСАННЫХ К ЗАВОДАМ».

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ. «УРАЛЬСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В 1899 ГОДУ»

для продолжения образования. Об университете не приходилось и мечтать, но нашлась протекция в Главном педагогическом институте. Дружью покойного отца помогли. 1 мая 1850 года документы Дмитрия Менделеева были приняты, соискатель испытан и в августе утвержден в звании студента физико-математического факультета. Нельзя сказать, что испытания прошли гладко: средний бал составил всего 3,22.

Не будем пренебрежительно относиться к слову «педагогический». В николаевскую эпоху там работали выдающиеся умы. Декан физмата, академик Санкт-Петербургской академии наук Эмилий Христианович Ленц по праву считается создателем русской школы электротехнической физики. А закон Джоуля — Ленца и поныне известен каждому школьнику.

Самой яркой личностью среди профессоров Главного педагогического института был математик и механик Михаил Васильевич Остроградский, выдающийся специалист в области аналитической механики, гидромеханики, теории упругости, небесной механики и математической физики. Теорема Гаусса — Остроградского — одно из ключевых понятий математического анализа. Эти и другие профессора умели увлечь студентов, и это дало свой результат.

17 мая 1855 года в Главном педагогическом институте в торжественной обстановке начались публичные экзамены студентов восьмого выпуска по разряду естественных наук. Дмитрий явился в мундире со шпагой. Первым был экзамен по педагогике. Пятерка. 20 мая — минералогия и геогнозия. Пятерка. 27 мая — химия. Экзамен по химии длился пять с половиной часов. Пятерка с плюсом. 1 июня — ботаника. Пятерка с плюсом. 6 июня — зоология. Пятерка с плюсом.

Золотая медаль, которую получил по окончании института Менделеев, не облегчила участи молодого специалиста. 17 августа 1855 года Менделеев распределен старшим учителем естественных наук в Симферопольскую гимназию, с обязанностью про-

служить в учебном ведомстве Министерства народного просвещения не менее восьми лет. Симферополь поразил учителя своей провинциальностью, более того, это был тыловой город Крымской войны, уже очевидно проигранной. Не будем рассказывать, как Менделеев выбирался из Симферополя, для этого ему пришлось защитить две диссертации: магистерскую и на право преподавания в университете. Но в 1857 году Дмитрий Иванович уже приват-доцент Петербургского университета.

СЫРОВАРНИ И НЕФТЬ

И вот в этом пункте карьеры молодого ученого происходит развилка на два направления: собственная химия и экономика и развитие российской промышленности.

Менделеев стал писать в «Журнал министерства народного просвещения». Скучное служебное издание с началом сотрудничества в нем молодого приват-доцента буквально преобразилось. Материалы — заметки, рефераты, обзоры, статьи, переводы, рецензии из области химии, физики, биологии, географии, промышленности и технологии — привлекли внимание к Менделееву. Императорское Вольное экономическое общество начало заказывать талантливому приват-доценту статьи, а позже привлекло Дмитрия Ивановича к экспертизе и разработке проектов Общества. Так Менделеев был одним из основателей проекта сети кооперативных сыроварен, успешно реализованного Вольным экономическим обществом. Другой успешный проект ВЭО, в котором Менделеев принял решающее участие, — создание опытных полей для сельскохозяйственных экспериментов в четырех губерниях.

Дмитрий Иванович состоял членом Вольного экономического общества с 1865 года до конца жизни

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

В 1903 году Менделеев начинает активно работать над самой известной своей книгой «Заветные мысли». По содержанию это была универсальная попытка осмыслить вчерашний, сегодняшний и завтрашний день России в контексте мировой экономики. Автор публиковал свой труд выпусками (всего их было четыре), по мере написания. Первым было опубликовано «Вступление», посвященное сельскому хозяйству, в котором Менделеев изложил свои взгляды на этот вид деятельности как на одну из отраслей промышленности и на способы включения крестьян в другие, индустриальные виды производства. Одна из его главных мыслей — о необходимости развивать в первую очередь именно индустриальное производство, что само собой обеспечит рост сельского хозяйства. Вторая глава «Народонаселение» представляет собой анализ демографических проблем, влияющих на экономику, торговлю и благосостояние народов. В третьей главе «Внешняя торговля» Менделеев энергично развивает свои взгляды на тарифную политику и протекционизм, а также увязывает их с ранее рассмотренными проблемами сельского хозяйства и народонаселения. Анализируя объемы и структуру ввоза и вывоза товаров и связывая эти показатели с уровнем роста доходов населения, Менделеев делает вывод: «С этим хлебным вывозом Россия должна остаться... страной бедной, временами голодающей и уже вследствие этого с малым развитием просвещения и всей гражданственности». В четвертой главе «Фабрики и заводы» Дмитрий Иванович берет под защиту промышленный город как сообщество многообразно связанных между собой производителей. Глава «Промышленность» представляет собой апологию этого вида человеческой деятельности с экскурсами в историю, философию и естествознание.

МЕНДЕЛЕЕВ И ВОДНА

Народное признание героя всегда сопровождается легендами и анекдотами. Не избежал этой участи и Менделеев. Свою докторскую диссертацию он посвятил спиртовым растворам. Эта область научной деятельности являлась логическим продолжением исследований механизмов межмолекулярного взаимодействия. Уже сто лет назад это исследование стало обростать вымыслами химиков-шутников, дескать, Менделеев является отцом родной сорокаградусной водки.

В наше время эта шутка обрела статус истины в книгах несомненного знатока русского застолья Вильяма Похлебкина. Представленный им образ Менделеева — «создателя русской «монопольной» водки» и ее любителя — не соответствует действительности. К распространению легенды подключились и производители напитка.

Так, на одной из самых популярных российских водок красуется факсимильная подпись Менделеева. В своей докторской диссертации Дмитрий Иванович изучал удельные веса спиртовых растворов в зависимости от их концентрации и температуры. Главным образом его интересовали высокие концентрации. Он шел «сверху вниз» — от наиболее плотных растворов к менее плотным — и закончил опыты, не достигнув «водочной области». Им было установлено, что наибольшему сжатию отвечает раствор с концентрацией спирта около 46 процентов (по весу). Таким образом, собственно водочные градусы и соотношения (оптимальные 33,4 процента по весу или 40 процентов по объему) фактически оказались за пределами его внимания, и он никак не мог быть автором «идеального соотношения объема и веса частей спирта и воды в водке».

Кстати, сам Менделеев водку не пил: «Вкус алкоголя я знаю лишь как химик, настолько же, как вкус остальных ядов».

и никогда не разрывал деятельной связи с этой организацией.

Еще одна структура, в деятельности которой ученый принимал неперенное участие — Русское техническое общество. Менделеев по поручению РТО неоднократно бывал в командировках на нефтяных промыслах России, а позже посетил с исследовательскими целями США. В записке, которую Менделеев сразу же по приезде подает министру финансов Михаилу Рейтерну, в докладе на заседании Русского технического общества и в появившейся на следующий год книге «Нефтяная промышленность в североамериканском штате Пенсильвания и на Кавказе» Менделеев настаивает на отмене акциза на российский керосин и сохранении протекционистского таможенного налога на привозной керосин. Он считал необходимым «особенно настоятельно подвергнуть технически-химическому исследованию нашу нефть для определения правильных условий производства из нее смазочных масел. Сжигание на пароходах... нефтяных остатков доставляет ныне нефтепромышленникам сбыт и содействует экономии дровяного топлива, но производство смазочных масел из нашей нефти обещает несравненно важнейшее применение, особенно как предмет для отпускной торговли».

Детальный разбор перспектив нефтяного рынка включал и условие, которое Менделеев выдвигал еще в 1863 году: «Заводы для переработки нефти в керосин и тяжелые масла, по моему мнению, следует иметь не только в Баку, а преимущественно на Волге и, вообще, в центрах торговли и потребления, вблизи тех мест, где бочки дешевы и где их возврат возможен. Это важный вопрос относительно стоимости. До заводов нефть может идти трубами, водяными и железными путями, укупоренно в большие резервуары, а не в тяжелые бочки».

Очевидные выгоды цивилизованной добычи, транспортировки и переработки, которые отстаивал Дмитрий Иванович, просто не доходили до ушей большинства тех, кого теперь принято называть игроками нефтяного рынка. На Апшероне царил атмосфера невероятного, дикого рвачества. Нефть добывалась только ради получения из нее керосина. Остальное сжигалось здесь же в огромных ямах. Промышленники пренебрегали нефтью близкого залегания, которую нужно было выкачивать, предпочитая бурение глубоких скважин, чтобы нефть фонтаном сама шла к ним в руки.

МЕНДЕЛЕЕВ — ИНДУСТРИАЛИСТ

К концу 1880-х годов у Менделеева складывается и целостная система взглядов на развитие русской промышленности. Начав с изучения конкретных экономических и технологических проблем нефтяного комплекса, он выходит на общее «учение о заводской промышленности». Первый шаг к этому был сделан в работах «Об условиях развития заводского дела в России» (1882) и «О возбуждении промышленного развития в России» (1883). Идеи, высказанные в них, затем получили углубленное развитие в трех статьях, объединенных общим названием «Письма о заводах».

Главный тезис, на основе которого разворачивается менделеевская аргументация, состоит в исторической необходимости индустриализации страны. Дмитрий Иванович пишет, что ограничить себя земледелием — значит попросту погубить, уморить страну.

Следующий важный посыл состоит в том, что в отличие от западных стран, развитие которых опирается на мощную частную инициативу, в России, где властвует архаичное сознание, эту миссию должно взять на себя государство. Именно оно обязано выпестовать цивилизованного промышленника, в первую очередь мелкого, использующего местное сырье и способного лично руководить своим предприятием.

Экономический просчет одного такого владельца не будет катастрофой для большого количества людей. А чтобы этих просчетов случалось как можно меньше, необходимо разработать для мелких предприятий четкое законодательство и ввести в практику гласные статистико-экономические исследования. Не должно быть никаких преимуществ у крупных предприятий в ущерб средним и мелким. Не должно быть алчной чиновничьей орды — нужно просто сократить большую часть тех, кто живет около казны и «имеет отношение» к деятельности малых предприятий, отдать их функции земству, а взамен бесполезных присутствий открыть промышленные банки, способные выдавать предпринимателям недорогой и удобный кредит. Удивительно, насколько взгляды Менделеева до сих пор остаются злободневными.

«ТОЛКОВЫЙ ТАРИФ»

В 1890 году Дмитрий Иванович приглашен министром финансов Вышнеградским к работе Комиссии для общего пересмотра таможенного тарифа. В нее вместе с профессором Менделеевым и директором Департамента железнодорожных дел Витте были приглашены крупнейшие русские ученые, промышленники и чиновники. Работа комиссии заключалась в полном пересмотре размеров таможенных пошлин на все ввозимые в Россию товары, с тем чтобы сократить их поток в пользу роста отечественной продукции. С работы в этой комиссии началась многолетняя дружба и сотрудничество Менделеева с Сергеем Юльевичем Витте, выдающимся государственным деятелем, министром финансов в 1893–1903 годах. Эту связь разорвали лишь принципиальные расхождения во взглядах на политические события января 1905 года.

После завершения работы комиссии Дмитрий Иванович решил издать свой собственный «Толковый тариф», чтобы поделиться с читателями мыслями о теперешнем состоянии российской заводской промышленности и показать, насколько ее будущее зависит от государственной таможенной политики. По содержанию книга была предельно разнообразна. Она включала и информацию, касающуюся собственно принципов и практики формирования тарифов, и анализ отраслей промышленности, производящих основные виды товаров, и отрывки из собственных работ Менделеева по проблемам нефтяной и угольной промышленности (включая «Письма о заводах» и взятый целиком очерк «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца»), и разбор разных политэкономических взглядов, и описание таможенного опыта западноевропейских держав, и, конечно же, всю, начиная с XVI века, историю российской таможенной политики. В книге проявилась главная установка ученого: сельское хозяйство — удел отсталых народов; для народов же, рвущихся вперед, «заводское развитие необходимо и естественно, как воздух, как жизнь и смерть».

Понятно, что товары русской выделки на первых порах не выдержат конкуренции с импортными; значит, надо сократить ввоз, придавить импорт пошлинами, чтобы дать преимущество отечествен-

ному производителю. Не навсегда — до тех пор, пока русские заводы не встанут на ноги, пока не накопятся средства для усовершенствования и удешевления отечественного товара.

Эта позиция Дмитрия Ивановича совпала с позицией Витте, протекциониста, противника сельской общины и поборника индустриализации. Вскоре Витте пригласит Менделеева для подготовки историко-статистического «Обзора фабрично-заводской промышленности и торговли России» для Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго (1893).

Оценивая общие запасы уральских лесов, углей, торфа и нефтяных остатков, ученый приходит к выводу, что уральские заводы могут выплавать 300 миллионов пудов чугуна в год и самостоятельно перерабатывать чугун в конечную продукцию — «до машин включительно». При этом Менделеев выступает не за модернизацию старых мощностей, а за постройку новых предприятий.

МЕНДЕЛЕЕВ — ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

По предложению издательской фирмы «Брокгауз и Ефрон» Менделеев взялся редактировать «Библиотеку промышленных знаний», для этой серии книг он напишет фундаментальное вступление «Учение о промышленности», которое называют вершиной его экономических трудов.

9

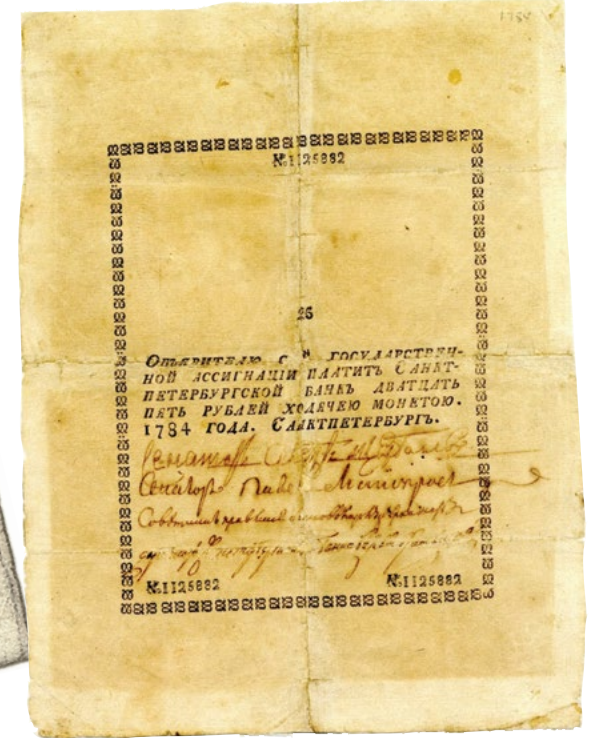
ЯНВАРЯ 1769 ГОДА

250 лет назад Императрица Екатерина II издала манифест об учреждении в Санкт-Петербурге и Москве банков для обмена монет на государственные ассигнации «на сделанной для того нарочной бумаге с внутренними прописями», то есть с водяными знаками. В манифесте, в частности, говорилось, что «тягость медной монеты, одобряющая ее собственную цену, отягощает ее ж и обращение». Два банка учреждались «для вымена государственных ассигнаций», приобретать которые можно было «внося за оные вместо денег (то есть медных монет) также золото или серебро в деле и не в деле, а также всякую иностранную монету».

В Москве первая контора ассигнационного банка была открыта на Мясницкой улице, в приходе архиерея Евпла, где и был организован обмен ассигнаций и медной монеты. Банковский переулочек, расположенный в районе Мясницкой улицы, до сих пор напоминает нам о деятельности московской конторы. Медная монета хранилась в подвалах и особых

кладовых, мешки с медью, по причине необыкновенной сырости, постоянно рассыпались и требовали нового пересчета и новой проверки, так что у подъячих в Банковском переулочке всегда была работа.

Манифест предписывал выпуск ассигнации четырех достоинств: 25 р., 50 р., 75 р. и 100 р. Далее говорилось, «чтоб в платеже ассигнации никогда не составляли более четвертой части платежа, разве именно кто просить будет, чтобы оных получить поболее». Так за теми жителями России, кто не доверял новшеству, сохранялось право пользоваться медью. Императрица Екатерина II внимательно следила за всеми частностями дела по внедрению ассигнаций в народное обращение, как видно, между прочим, из записки к члену дворцовой канцелярии Ивану Елагину. Она писала: «С крайним удивлением слышу, что государственные ассигнации дворцовая канцелярия отказывается принимать от частных людей. Один мужик принес бумагу, а ему сказали, принеси денег (т.е. монет). Разве мои установления не действительны в дворцовой канцелярии, или подъячие шалют для своего прибитка мерз-

кого, для того, что на ассигнации прочета нету? Изволь сие немедленно исследовать и преступников моих установленных прошу наказать».

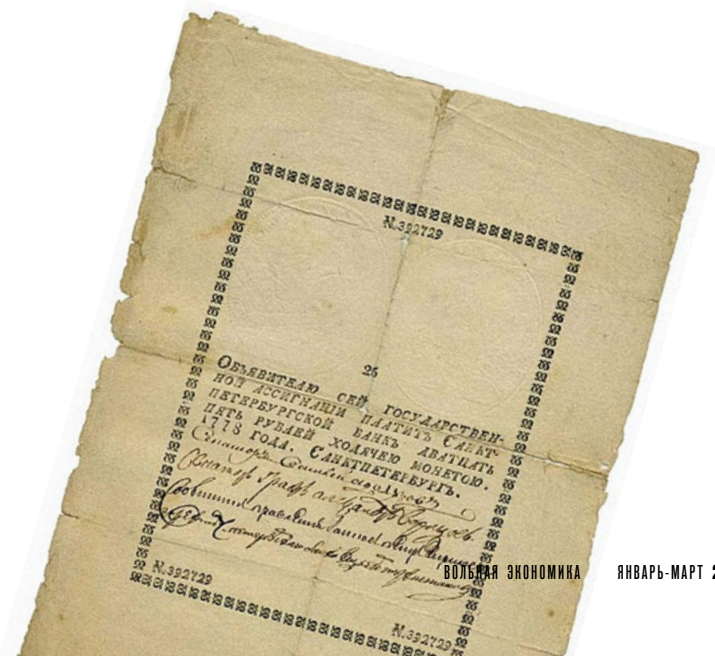
Ассигнации быстро снижали симпатии людей. Сумма обмена медных денег на ассигнации постоянно превышала в несколько раз сумму обмена ассигнаций на монету. Запаса бумажных денег постоянно не хватало. В Московском и Санкт-Петербургском банках их за неделю расходилось иногда по 100 000 рублей. Императрица Екатерина II в связи с этим приказала сенату иметь постоянно запасную сумму ассигнаций на 2 000 000 рублей, в том числе 1 000 000 рублей, подписанных сенаторами, да в каждом банке по 250 000 рублей, и в правлении банка на такую же сумму.

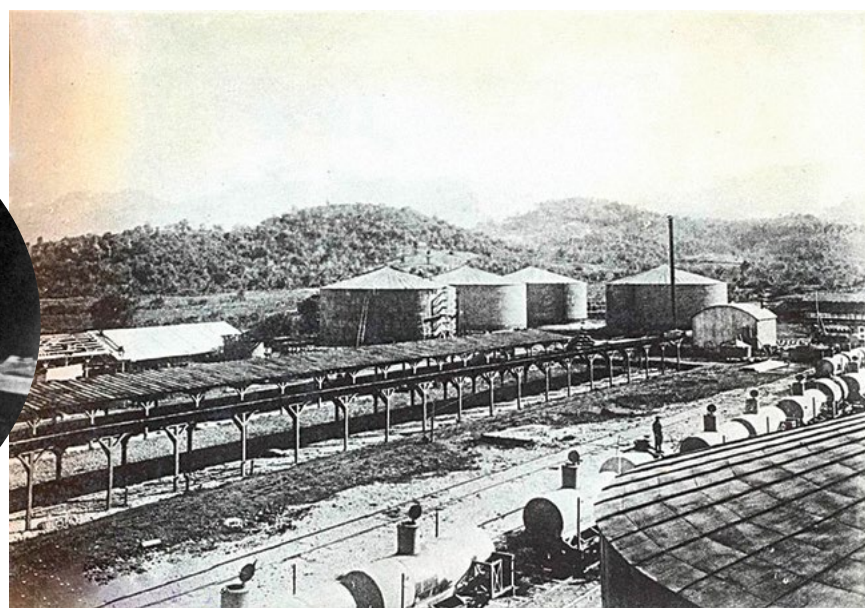
Выпуск бумажных денежных знаков сразу же вызвал и их подделку. Первые ассигнации выпускались одинакового размера и цвета и отличались только номиналом. И не стоило большого труда переделка 25-рублевого билета в 75-рублевый. В 1794 году был опубликован очередной указ Екатерины II, который позже был включен в Полное собрание законов Российской империи. В нем сообщалось: «Отставной морских батальонов капитан Фейденберг и бывший в иностранной службе подпоручик барон Гумпрехт за изготовление фальшивых ассигнаций лишены чинов и дворянского достоинства, затем публично в С.-Петербурге заклеены под виселицей: каждому на обе руки первыми буквами слов «Вор и сочинитель фальшивых ассигнаций».

Особый указ повелевал публично сжигать изношенные ассигнации перед заменой их на новые — «для вящего и скорого публике о истреблении ассигнаций удостоверения», — и не где-либо, а посреди

Сенатской площади. Именно поэтому сегодня каждый экземпляр ассигнаций первого выпуска 1769–1785 годов является большой редкостью.

В 1787 году началась новая Русско-турецкая война. За нею последовали войны с Швецией и Польшей, а в конце царствования Екатерины II — с Персией. Нужда в деньгах все возрастала. На сумму 111 млн рублей было выпущено ассигнаций в 1790 году, 124 млн рублей — в 1793 году, 157 млн рублей — в 1796-м, из них замещались в обращении металлической монетой только 32 млн рублей. Понятно, что курс ассигнаций по отношению к серебряной и медной монете стал быстро падать. Еще в 1787 году он в среднем определялся как 97 к 100, но уже в 1788-м упал до 92, в 1790-м до 87 и в 1795-м даже до 68.

2 ФЕВРАЛЯ 1939 ГОДА

80 лет назад скончался выдающийся русский инженер Владимир Григорьевич Шухов. Смерть его была трагической случайностью. У 86-летнего академика имелись свои причуды. Несмотря на то что жил он в благоустроенной московской квартире с электричеством, он любил работать при свечах. Еще Владимир Григорьевич очень боялся инфекции и все время протирал руки одеколоном. Капли одеколона попали на ночную сорочку (Шухов готовился ко сну), ткань задела пламя свечи, и человек превратился в живой факел.

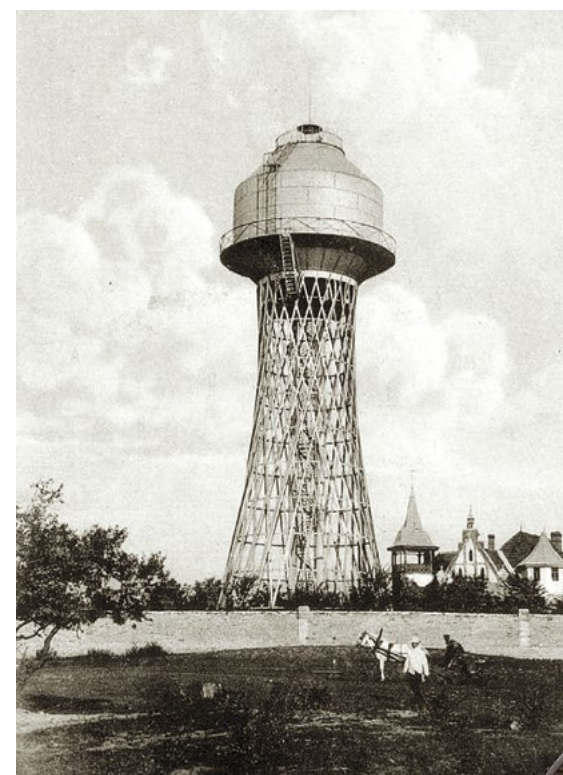
Когда говорят о Шухове, сразу возникает ассоциация с ажурной телебашней на Шаболовке, стеклянными крышами ГУМа, Музея изобразительных искусств, гостиницы «Метрополь» и другими эффектными московскими постройками. Не все знают, что Владимир Григорьевич был основателем всей современной инфраструктуры добычи, транспорта и переработки нефти, причем как практики, так и теории. Именно на его открытиях и разработках базируется сегодня нефтяное могущество России.

Летом 1876 года по результатам поездки на Апшеронский полуостров Людвиг Нобель написал аналитическую записку «Взгляд на бакинскую нефтяную промышленность и ее будущее», в которой определил следующие направления работы: отказ

от транспортировки нефти гужевым транспортом (арбами в бурдюках и бочках) и строительство нефтепроводов от промыслов до нефтеперегонных заводов; сооружение железных резервуаров для хранения нефти и нефтепродуктов; более широкое использование нефтяных остатков (мазута) для отопления и газового производства; коренное улучшение качества керосина; внедрение наливной перевозки нефти в вагонах-цистернах, речных и морских судах; создание разветвленной структуры для хранения и сбыта нефтепродуктов в России.

После того как другие фирмы отказались участвовать в проекте, фирма Нобелей реализовала его самостоятельно, с помощью строительной конторы «Бари, Сытенко и Ко». Александр Венеаминович Бари вспомнил о своем знакомом молоденьком русском инженере Шухове (они познакомились в Соединенных Штатах на Всемирной выставке) и поручил ему подготовку проекта.

Проект Шухова включал в себя все сооружения технической инфраструктуры по трассе нефтепровода и первые в мире цилиндрические резервуары-нефтехранилища. При строительстве первых нефтепроводов Шухов разработал основы первой в мире научной теории и практики проектирования, строительства и эксплуатации магистральных трубопроводов. В статье «Нефтепроводы» (1884) и в книге

«Трубопроводы и их применение в нефтяной промышленности» (1894) Шухов привел точные математические формулы для описания процессов протекания по трубопроводам нефти, мазута, создав классическую теорию нефтепроводов.

Первый российский нефтепровод имел протяженность около 10 километров (8,5 версты) и диаметр 3 дюйма (7,62 см). Стальные трубы нефтепровода были соединены с помощью муфт и нарезных концов. Нефтепровод мог перекачивать с помощью парового насоса до 80 тысяч пудов (1280 тонн) нефти в сутки. В декабре 1878 года по нему было перекачено 841 150 пудов нефти, в 1879 году — 5 млн 583 тыс. пудов. Если в 1876 году фирма Нобелей вывезла из Баку 6 тыс. 248 пудов керосина, то в 1879 году — 551 тыс. 428 пудов керосина и 466 тыс. 673 пуда нефтяных остатков.

С вводом в действие первого нефтепровода расходы на доставку нефти с промыслов до нефтеперерабатывающего завода на окраине Баку сократились более чем в пять раз. Уже в 1879 году вводятся в эксплуатацию второй нефтепровод Балаханы — Черный город протяженностью 12,9 км, диаметром 70 мм, а затем еще три: Балаханы — Сураханский завод, Сураханский завод — Зыхская коса и Балаханы — Черный город.

В результате строительства нефтепровода тысячи перевозчиков бочек теряли работу, и оно вызвало сопротивление, вредительство и поджоги со стороны владельцев гужевого транспорта на бакинских нефтепромыслах. Несмотря на это, нефтепровод был построен в кратчайшие сроки в течение осени и начала зимы 1878 года. Для защиты нефтепровода были построены многочисленные караульные будки.

12 МАРТА 1799 ГОДА

220 лет назад в Англии был впервые успешно введен подоходный налог. Ставка составляла 10% со всех доходов, превышающих 200 фунтов в год, доходы от 60 до 200 фунтов облагались пониженным доходом, а ниже 60 — налогом не облагались. Ключевым здесь является слово «успешно», потому что попытки введения подоходного налога делались в истории Англии неоднократно. Первая попытка была предпринята в 1449 году королем Генрихом VI. Она привела к восстанию в графстве Кент, в ходе которого были разграблены 12 богатейших поместий правящей династии и убиты десятки баронов и герцогов. В результате главный сборщик налогов был казнен, а налог отменен.

В 1472 английский король Эдуард IV добился от парламента введения 10-процентного подоходного налога, чтобы нанять 13 тысяч лучников. Но англичане отказывались его платить и противодействовали сборщикам налога. Королевский министр финансов спешно отменил налог.

В 1641 году английский парламент принял закон, согласно которому дворяне платили подушный налог (от £100 в год для герцога до £10 для сквайра), а недворяне — подоходный (5% в год). Однако недворяне отказывались его платить: через месяц министерство финансов направило королю отчет, в котором призналось, что собрало лишь 0,2% месячного плана, а пятая часть сборщиков получили сильные травмы тяжелыми предметами и отказались работать. Налог, введенный в 1799 году, был вызван расходами казны на войну с Францией, и после победы над Наполеоном в 1816 году был по-честному отменен. Но опыт не пропал зря, в 1842 году подоходный налог восстановили и сделали постоянным. Именно он послужил образцом налоговой политики для многих стран. Вот четыре основных принципа налогообложения, введенные Адамом Смитом, которые не устарели и до нашего времени:

1. Принцип справедливости, утверждающий всеобщность обложения и равномерность распределения налога между гражданами соразмерно их доходам.
2. Принцип определенности, требующий, чтобы сумма, способ и время платежа были совершенно точно заранее известны плательщику.
3. Принцип удобства, предполагающий, что налог должен взиматься в такое время и таким способом, которые представляют наибольшие удобства для плательщика.
4. Принцип экономии, заключающийся в сокращении издержек взимания налога, в рационализации системы налогообложения.

КАЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ИЗМЕНИЛОСЬ

Президент ВЭО России и Международного союза экономистов профессор Сергей Бодрунов принял участие в передаче «Вести. Итоги года» телеканала «Россия 24». Публикуем текст телеинтервью с незначительными сокращениями.

Александра Суворова («Вести-24»): Как сейчас дела обстоят с промышленностью?

Сергей Бодрунов: Вы знаете, сейчас дела обстоят в промышленности получше. Мы за эти годы, несмотря на санкции, несмотря на кризис 2009–2010-х годов, сумели восстановить устойчивость экономики — это очень важное достижение, о котором мало кто говорит. В 2018 году мы уже пошли, если можно так сказать, в сторону наращивания наших потенциальных возможностей, пока потенциальных. Если мы посмотрим на показатели этого года — то да, у нас есть прирост ВВП, пусть небольшой пока, но это уже рост ВВП, это 1,6–1,7 процента. Значит, мы сумели удержать позитивный баланс, эту устойчивость экономики в этом году.

У нас инфляция — 4%. В какие времена это было? У нас начался хоть небольшой, но рост реальных доходов населения, это тоже очень важно. Ну, и если говорить о других макроэкономических показателях России: мы на 20% увеличили наш внешне-

торговый оборот, это — резкий скачок. Мы всего за год на 28% увеличили экспорт России, и к тому же в этом экспорте — значительная доля высокотехнологичной продукции, что чрезвычайно важно.

Суворова: А экспорт ресурсов?

Бодрунов: Ресурсы тоже важны, но мы должны понимать, и ниже я скажу почему, — что высокотехнологический сектор — это основа будущей экономики. У нас в этой части сегодня что есть? Возьмем оборонный комплекс. Уже неоднократно говорилось о том, что мы сумели его восстановить.

Я работал более десяти лет директором одного из крупнейших холдингов в России в оборонной промышленности, и я знаю, какой ценой это давалось, доставалось в те года, когда было недофинансирование промышленного сектора, в том числе — и оборонной промышленности, когда не хватало на это средств либо средства упрятывались в резервы. Почему? Потому что надо было

все-таки иметь возможность на случай какой-то сложной ситуации, иметь и запас, чтобы не повторилась ситуация конца 90-х — начала 2000-х годов. И все-таки оборонку сейчас подняли.

Хотя бы возьмем за оценку экспорт вооружений. Дело в том, что экспорт вооружений — это экспорт высокотехнологичной продукции самого высокого уровня. И экспорт — это значит, что в мире приходится конкурировать с самыми высокотехнологичными компаниями мира. Какие это компании? В основном это американские компании или крупнейшие европейские компании. Так вот, сегодня в мире 33% всех вооружений, которые продаются, — это американские, но почти 24% — это российские. То есть каждое третье — американское изделие, а каждое четвертое — российское! Потеснили мы наших конкурентов на этих рынках.

Если мы возьмем софт, мы всегда были импортерами софта, всегда, во все времена. И вот в этом году (по крайней мере, у меня данные по первому полугодью этого года) впервые — впервые! — экспорт нашего софта превысил импорт. Пусть незначительно, но уже превысил, и это очень серьезные цифры, 2,55 миллиарда долларов против 2,53. Мы понимаем, что это тенденция очень важна, потому что она свидетельствует об изменении качества нашей экономики, о чем, собственно говоря, и говорил президент в своем большом интервью. Он говорил о том, что нашей экономике нужно выйти в высшую лигу — действительно, это так. Но как выйти? Как выйти, Александра?

Суворова: Цифровизация, видимо?

Бодрунов: Вы знаете, цифровизация —

это замечательная вещь, но я могу сказать, что вообще-то она составляет некую базу для всего технологического развития. А вот если мы вспомним майский указ президента, то там поставлены — обычно все именно на это обращают внимание — важные задачи по изменению качества нашей жизни, по вхождению в пятерку ведущих экономик мира по ВВП, и т. д.

Но там есть еще одна очень важная вещь, на которую как-то не очень обращают внимания. А там записано, что мы должны изменить наше состояние технологическое, осуществить технологическую модернизацию России, мы должны уйти от технологического отставания, должны стать лидерами в этом деле, и вот это — очень важная задача. Почему она важная? Потому что без нее мы не решим ни социальных, ни экономических задач ...

Суворова: А как ее решить?

Бодрунов: А вот почему она такая важная? И как ее решить? Важная потому, что мы живем в новую эпоху — весь мир и мы переходим к новому технологическому укладу, идет настоящая технологическая революция. Технологический уклад — это значит, что продукты, которые будут производиться в следующем периоде, в новом укладе, они будут содержать другие технологические компоненты, на других технологиях создаваться. Какие это технологии? Это — нанотехнологии, информационные, био-, когнитивные и т. д. То есть — знание-емкие технологии. И к этому нужно переходить уже сейчас. Почему?

Как только такой продукт основным станет в экономике, те продукты, которые будут «сделаны» на других технологиях,

будут «уходить», заменяться более прогрессивными. В результате, если мы не сможем давать такой продукт, мы не сможем не только конкурировать на мировых рынках, но и свой потеряем и откатимся еще дальше. Следовательно, задача: первое — технологическое обновление. Цифровизация — это платформа, на которой можно технологическое обновление вести, но мне представляется важным, что технологическое обновление — это все-таки не только, так сказать, решение цифровизационных задач, это — более широкое понятие. Нам необходимы технологии, новые технологии во всех тех областях, которые я называл. И это — первое и главное.

Если мы возьмем, например, механизмы — каким образом это сделать? Ну, вот у нас есть замечательная вещь, которая придумана не так давно, и мне кажется, она может дать серьезный эффект. Президент говорил в своем интервью, что для изменения качества экономики, перехода в высшую лигу, используется механизм национальных проектов. Хорошая идея, замечательная идея! Под нее — деньги, под нее — новые способы управления, она действительно может изменить нашу экономику, качество экономики.

Есть, однако, в стране и другая идея. Тоже добротная, но без серьезных денег и администрирования. У нас есть Национальная технологическая инициатива. И если в рамках первых национальных проектов предусмотрены два связанных с технологиями проекта — о науке и о цифровизации, то это все-таки проекты несколько иного плана, чем те, что необходимы для решения задачи технологической модернизации нашей экономики, — один касается широко науки, другой касается базовой платформы, на которой перестраивать можно эконо-

мику. При этом о технологиях впрямую нигде не сказано.

А это ведь, как я только что сказал, на мой взгляд, одно из важнейших дел, которые нам необходимо сделать. И вот мне представляется важным посмотреть на вторую замечательную идею, которая у нас есть в стране, — это идея Национальной технологической инициативы. В этой инициативе — девять важных научно-технологических направлений, они подсказывают или рассказывают нам, объясняют, куда надо вкладываться и что надо развивать, по каким направлениям двигаться. Этим занималась Академия наук, этим занимались наши ведущие институты исследовательские, и правительство поддержало эту идею.

Мне кажется — надо объединять эти две идеи.

Вольное экономическое общество России, которое я представляю, поддерживает предложение Санкт-Петербургского Института нового индустриального развития о придании Национальной технологической инициативе статуса национального проекта, с соответствующим финансированием и соответствующим администрированием.

Вот тогда, мне кажется, у нас та самая идея технологического обновления приобретет статусный характер, будет совершенно однозначно курироваться правительством, осуществляться в рамках всех национальных проектов и даст, очевидно, весомый эффект не только в этом конкретном направлении реализации нацтехинициативы, но и в реализации других нацпроектов — ведь новые технологии нужны для реализации национальных проектов и в медицине, и, к примеру, в жилищном строительстве — там без новых материалов, без новых решений технологических

ничего мы не успеем сделать, то, что там обозначено. Мне кажется, что на это надо сделать сегодня основной упор.

Суворова: А как Вы считаете, какие самые главные задачи в 2019 году стоят перед российской экономикой? Что нужно сделать? Первое, второе, третье, четвертое?

Бодрунов: Я думаю, что перед российской экономикой стоит первая задача, я уже сказал — нам необходимо в этом наступающем году, первое, удержаться на этой самой планке, на тренде восходящего развития. Президент говорит о чем? Он абсолютно логично объясняет ситуацию, которая у нас сегодня есть. Мы вышли из состояния стагнации, мы добились устойчивости экономики. На этом надо удержаться, чтобы стать на твердую основу. Но при этом дальше мы должны двигаться быстрее. И об этом, собственно, и говорится. И бюджет наш нацелен на то, и правительство, и президент отмечают, что к следующему году надо удержаться на сегодняшних позициях, несмотря на сложности, которые мы видим впереди. Далее — наращивание ВВП до 2%, к 2021

году — уже 3 с лишним процента.

Мировая экономика сейчас движется с темпами 3,8%, такова оценка прироста мирового ВВП. Но при этом и возможно, и ожидается некоторое снижение. Нам представляется важным оценить эту ситуацию и найти механизмы для того, чтобы усилить наше движение вперед и найти выходы на ускоренный рост, обгоняя мировую экономику. Тогда мы сумеем удержаться на плаву.

Знаете, как в «Алисе в стране чудес»: если ты идешь, то ты стоишь, а если ты стоишь, то ты падаешь. Здесь похожая ситуация — экономика развивается так, что мы должны двигаться быстрее, чем мировая экономика.

Второе — каким образом этого добиваться. Я уже сказал немножко, и мне кажется важным сегодня основное направление развития направить на это, конечно, не сбрасывая со счетов остальные задачи, все они важны, но все-таки — важно усилить это «технологическое давление», не отставать дальше, а усилить продвижение экономики вперед через технологическое развитие.

Суворова: Ну что же, будем надеяться, что эти задачи нам удастся реализовать в 2019 году.

Бодрунов: Ну, во всяком случае, я как человек, представляющий экономистов, которые занимаются в том числе и технологиями, и имеющий определенное представление о развитии экономики, на это надеюсь.

У нас в стране есть несколько разных экономических школ, однако, я надеюсь, будет найден общественный консенсус по этому вопросу и мы будем все-таки идти по этому пути. Об этом сегодня говорят уже все.

Вот недавно выступал руководитель Счетной палаты Алексей Леонидович Кудрин, который в свое время как раз эти самые фонды, резервы создавал и много сделал для того, чтобы мы рассчитались с нашими долгами. Сейчас он говорит о следующем этапе, он говорит о том, что нам необходимо технологическое развитие. Это говорят представители тех школ, которые всегда, может быть, и считали, что это так, но придерживали наши ресурсы, средства, потому что страна решала другие задачи. Вот сегодня это говорят и они. Сегодня об этом говорит президент, правительство, создаются инициативы и т. д. и т. д. Мне кажется, что движение пошло.

ВРУЧЕНИЕ ПРЕМИИ «ЭКОНОМИСТ ГОДА»

Лауреаты Премии «Экономист года — 2018» объявлены 12 ноября на торжественной церемонии награждения, которая состоялась в рамках Всероссийского экономического собрания. В этом году на премию претендовали 137 человек. После тщательного отбора экспертным жюри и тайного голосования лауреатами премии стали четверо. Выбор, по словам президента Вольного экономического общества России, был непростым.

Председатель Правления АО «ЮниКредит Банк», доктор экономических наук Михаил Юрьевич Алексеев признан лауреатом премии «Экономист года» за формирование и реализацию программы кредитования предприятий реального сектора экономики, сельхозпроизводителей, программу ипотечного кредитования и поддержку социально-культурных проектов. Он стоял у истоков формирования российского рынка ценных бумаг и внес существенный вклад в создание современного фондового рынка в нашей стране. Под его руководством ЮниКредит Банк стал одним из лидеров банковской сферы России и сегодня входит в топ-7 наиболее прибыльных российских банков. Финансовая организация взаимодействует с Министерством сельского хозяйства по вопросам льготного кредитования сельхозпроизводителей, реализует проект «Свободная касса» для стимулирования, а также оказания помощи предприятиям малого и сред-

него бизнеса по внедрению онлайн-касс, активно сотрудничает со многими российскими благотворительными организациями, имеющими четко структурированные программы. В 2018 году АО «ЮниКредит Банк» продолжило поддержку ряда государственных социально-значимых проектов: государственное субсидирование авто и ипотечного кредитования, поддержку семей с двумя и более детьми и предоставление выгодных условий лицам, получающим бюджетные выплаты.

Генеральный директор ФГАУ «Фонд новых форм развития образования» Марина Николаевна Ракова признана лауреатом премии «Экономист года» за разработку и реализацию просветительского социально значимого инновационного образовательного проекта «Разработка и реализация новой модели дополнительного образования детей в форме детских технопарков «Кванториум». Технопарки

«Кванториум» — это уникальные учебные программы и технологии, новое современное оборудование и материалы для технического, экономического, интеллектуального развития детей. На базе проекта «Кванториум» формируется сообщество молодых и заслуженных ученых, представителей технологических стартапов, а также руководителей крупных промышленных предприятий и госкорпораций. Разработанная при активном участии Марины Раковой модель образования делает их внедрение доступным для тиражирования. На сегодняшний день проект представлен в 37 российских регионах. Уже работает 51 технопарк. До 2021 года в регионах России на условиях софинансирования из федерального бюджета должны быть созданы еще 85 таких площадок. А к 2025 году «Кванториум» будет присутствовать в каждом крупном городе России. Количество обучающихся составит 600 тысяч человек, а всего в мероприятиях проекта будут задействованы порядка 5 миллионов детей.

Генеральный директор АО «ПО «УОМЗ» Производственное объединение «Уральский оптико-механический завод имени Э. С. Яламова» Анатолий Владимирович Слудных признан лауреатом премии «Экономист года» за создание и реализацию программы инновационного развития предприятия, перевод производства на новую технологическую базу, за разработку и налаживание серийного выпуска высокотехнологичной продукции военного и гражданского назначения и трансфер специальных технологий в гражданскую сферу. Работая на предприятии с 2004 года, Анатолий Слудных прошел путь от менеджера

отдела экспорта специальной техники до генерального директора. Под его руководством на предприятии ведется работа по техническому перевооружению, строятся высокоавтоматизированные производства, осваивается современное оборудование. Численность сотрудников завода превышает две с половиной тысячи человек. Предприятие является ведущим в России разработчиком и производителем оптико-локационных станций для боевых самолетов и вертолетов, а также специальной техники для оснащения надводных кораблей ВМФ России. В последние годы активно ведутся высокотехнологичные разработки продукции двойного и гражданского назначения. Это медицинское оборудование и светотехника мирового уровня, уникальные лазерные микроскопы и многое другое.

Генеральный директор ООО «Моторика» Илья Игоревич Чех признан лауреатом премии «Экономист года» за разработку и реализацию социально значимого проекта «Моторика», связанного с решением важной гуманитарной проблемы — технологий протезирования верхних конечностей детей и взрослых, и обеспечением бесплатного протезирова-

ния, в том числе по государственной программе социальной защиты. Проект «Моторика», призван решить проблему создания технологий протезирования верхних конечностей для детей и взрослых, а также обеспечить бесплатное протезирование, в том числе по государственной программе социальной защиты. Начиная с 2015 года компания установила более 500 активных механических протезов кисти и предплечья, 10 инновационных биоэлектрических протезов предплечья и, пока в тестовом режиме, два многосхватовых современных протеза с внешним источником энергии. Разработаны уникальные методики реабилитации. Операции дорогостоящие. Но компания согласовала условия бесплатного протезирования по государственной программе социальной защиты, сотрудничает с Фондом социального страхования, Министерством труда и социальной защиты, Минпромторгом и Агентством стратегических инициатив. Команда Ильи Чеха верит, что при помощи современных средств реабилитации можно не только вернуть людям основные возможности: брать, держать, взаимодействовать с окружающим миром — но и в чем-то превзойти возможности обычного человека.

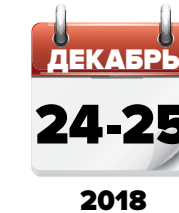
XXII ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ МОЛОДЕЖИ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ»

XXII Всероссийский конкурс научных работ молодежи «Экономический рост России» организован Вольным экономическим обществом России при участии ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», поддержке Института экономики Российской академии наук, Издательского дома «Экономическая газета».

Конкурс, наряду с общероссийской образовательной акцией «Всероссийский экономический диктант», являются ключевыми мероприятиями Фестиваля экономической науки, который проводит ВЭО России. К участию в Конкурсе приглашаются учащиеся 9–11 классов образовательных организаций среднего общего и профессионального образования, а также студенты высших учебных заведений России в возрасте до 25 лет.

Награждение победителей и лауреатов Конкурса состоится 15 мая 2019 года в рамках Первого Московского академического экономического форума (МАЭФ).

ФИНАЛ И ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ФЕСТИВАЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

24 декабря в Московском авиационном институте состоялся финал Фестиваля экономической науки. В нем приняли участие отличники «Всероссийского экономического диктанта», а также победители региональных и общероссийских мероприятий Фестиваля.

Открывая мероприятие, Михаил Погосян, ректор Московского авиационного института, отметил значение Фестиваля для стимулирования интереса молодых людей к экономической науке. По словам ректора, сегодня очень важно глубоко понимать экономику, так она стоит во главе всех процессов, которые происходят в стране. Директор и вице-президент ВЭО России Маргарита Ратникова напомнила участникам, что ВЭО России проводит Фестиваль экономической науки при содействии

ведущих экономических вузов страны и институтов РАН, и пожелала удачи финалистам, которым предстояло подтвердить свой статус «экономических авторитетов» в ходе деловой игры.

Финалисты разделились на 13 команд. Каждой команде выделили в помощь одного наставника. В течение двух часов молодые люди должны были решить 4 деловых кейса и ответить на 20 вопросов викторины. Задания были не из легких: чтобы ответить на них, участникам понадобилась не только информация

из учебников по микро- и макроэкономике, но и общая эрудиция, знания в области истории и русской литературы. Например, финалистам предложили вспомнить, какую форму дохода планировал получать Лопухин от вишневого сада и в честь какой героини русской литературы был назван принцип способности экономических систем к адаптации. Спрашивать совета у «Гугла» было запрещено.

На следующий день в медиацентре «Российской газеты» состоялось подведение итогов Фестиваля экономической науки.

Днем ранее жюри определило три команды-победителя — «ВВП», «Экономическая элитка» и «Юные вольные экономисты». Именно они поднялись на сцену медиацентра «Российской газеты», чтобы получить премии и дипломы. Закрывая церемонию, Дмитрий Сорокин вспомнил слова академика Леонида Абалкина: «Главное условие прогресса, чтобы каждое следующее поколение было хоть чуть-чуть, но умнее предыдущего».

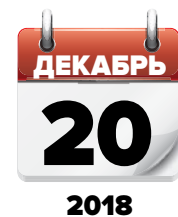

На АБАЛКИНСКИХ ЧТЕНИЯХ ВРУЧИЛИ НАГРАДЫ ВЭО РОССИИ

В рамках совместного заседания научного форума Вольного экономического общества России и секции экономики Отделения общественных наук РАН — Абалкинские чтения на тему: «2018 год: Потенциал развития» состоялось торжественное награждение высшей наградой ВЭО России — Серебряной медалью и Почетными дипломами ВЭО России.

Серебряной медалью ВЭО России за активное личное участие в реализации проектов и программ в области социально-экономического развития Российской Федерации, активную просветительскую и издательскую деятельность, за многолетнюю плодотворную работу в Вольном экономическом обществе России, за большой вклад в его деятельность награждена Татьяна Андреевна Козенкова — член Президиума ВЭО России, первый заместитель генерального директора Издательского дома «Экономика и жизнь», ректор Академии менеджмента и бизнес-администрирования.

Почетным дипломом ВЭО России за вклад в развитие российской экономической журналистики и в связи с 100-летием газеты «Экономика и жизнь» награжден Юрий Васильевич Якутин — вице-президент ВЭО России, научный руководитель «Экономической газеты». Почетным дипломом за вклад в освещение вопросов экономики и экономической политики в России и мире и в связи с 100-летием выхода первого номера газеты награжден еженедельник «Экономика и жизнь».

РАБОТА АККРЕДИТАЦИОННОЙ КОМИССИИ ВЭО РОССИИ

Экспертный совет ВЭО России по направлению «независимая оценка качества экономического образования» и Аккредитационная комиссия ВЭО России осуществили оценку образовательных программ экономического и управленческого направлений и специальностей подготовки ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова».

Проведена профессионально-общественная аккредитация и выдано свидетельство о профессионально-общественной аккредитации на шесть лет (решение Аккредитационной комиссии ВЭО России от 20 декабря 2018 года, заседание комиссии состоялось в рамках заседания Президиума ВЭО России) следующим образовательным программам ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»: — Основной профессиональной образовательной программе высшего образования — программе бакалавриата по направлению подготовки 38.03.02 «Менеджмент», профиль «Менеджмент в инновационном и социальном предпринимательстве». — Основной профессиональной образовательной программе высшего образования — программе бакалавриата по направлению подготовки 38.03.01 «Экономика», профиль «Мировая экономика». — Основной профессиональной образовательной программе высшего образования — программе магистратуры по направлению подготовки 38.04.02 «Менеджмент», магистерская программа «Международный бизнес».

НАЗВАНЫ ИМЕНА ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

25 января в медицентре «Российской газеты» Вольное экономическое общество России при поддержке Международного союза экономистов подвело итоги Всероссийского конкурса экономической журналистики. Конкурс проводился впервые, на звание победителя и лауреата конкурса претендовали 400 журналистских материалов со всей страны. Открывая торжественную церемонию, Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России, рассказал о целях и задачах Конкурса: «Сегодня мы бы хотели отметить журналистов, которые могут дать объективное видение экономических процессов и событий, умеют верно интерпретировать экономические явления, точно, красиво и понятно рассказать о них читателю. Мы считаем важным, чтобы росло количество качественных материалов и сюжетов, объективно и всесторонне освещающих экономическую жизнь страны».

Развивая мысль профессора Бодрунова, Андрей Соколов, председатель Жюри Конкурса, член Правления ВЭО России, заместитель генерального директора Инфрагентства ТАСС, подчеркнул, что в нарастающем потоке информации ключевую роль играет компетентность тех людей, которые его создают. «Экономика стала чувствительна к информационным потокам: зачастую то, что сообщают СМИ, может драматически отражаться на компаниях и корпорациях, а иногда и на государствах. В этой ситуации очень важны профессионализм, ответственность и компетентность журналистов. Конкурс Вольного экономического общества России будет стимулировать представителей СМИ развивать эти качества», — отметил он.

О том, по каким критериям Жюри оценивало публикации, представленные на Конкурс, рассказал Дмитрий Сорокин, член Жюри Конкурса, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН: «Мы старались отобрать работы тех авторов, которые понимают, что экономика — это сложная вещь,

в которой не может быть одного верного мнения или одного верного решения. На сегодняшний день очень важно уметь осветить даже очень сложную проблему с разных сторон, показать, что не может быть однозначных и простых решений. Подобное умение — и есть профессионализм».

Алексей Савин, заместитель председателя Жюри Конкурса, член Правления ВЭО России, заместитель главного редактора «Российской газеты», отметил уникальность Конкурса: «Конкурс, учрежденный Вольным экономическим обществом России, отличается от других подобных конкурсов по экономической журналистике, прежде всего, тем, что нацелен на выявление авторов, которые говорят о проблемах экономики в целом, а не о проблемах бизнеса через призму отечественной экономики, что довольно редко для современной деловой журналистики». Конкурс проходил в трех номинациях: «Лучшая публикация в печатных СМИ», «Лучшая публикация в интернет-СМИ», «Лучший телевизионный или радиосюжет».

В номинации «Лучшая публикация в интернет-СМИ» первое место заняла Дарья Карамышева, старший корреспондент отдела «Макроэкономика» ТАСС, за публикацию: «Что ждет бизнес после отмены контроля за трансфертными ценами». Второе место в этой

номинации получил Александр Зотин, внештатный корреспондент газеты «Коммерсантъ», за публикацию на сайте газеты «Коммерсантъ» «Экономика протеста: новые левые». Александр поблагодарил Вольное экономическое общество России за организацию Конкурса: «Экономическая журналистика переживает непростые времена. Профессия «заканчивается». Люди больше не читают лонгриды, предпочитая им маленькие заметки. Вдумчивая аналитическая журналистика нуждается в помощи, и я очень благодарен ВЭО России за эту поддержку».

Третье место досталось Юлии Тоцкой, корреспонденту «Сибирского агентства новостей», за публикацию «КраЗ — это город в городе. Прогулка по одному из самых эффективных алюминиевых заводов в мире». В номинации «Лучшая публикация в печатных СМИ» первое место занял Игорь Зубков, заместитель редактора отдела экономики «Российской газеты», за материал «Август-98. Российская экономика извлекла уроки из «черного понедельника», но оказалась перед угрозой новых потрясений». Игорь поблагодарил Вольное экономическое общество России за просветительскую деятельность, которое оно ведет, и пожелал, чтобы всероссийские проекты общества развивались. Второе место получил коллектив авторов журнала «Эксперт» — Алексей Долженков, корреспондент отдела экономики журнала «Эксперт», Александр Ивантер, заместитель главного редактора журнала «Эксперт», и Евгения Обухова, редактор отдела экономики журнала «Эксперт», за публикацию «Увязли

в стабильности».

Александр Ивантер отметил, что деловая пресса переживает не лучшие времена, но выразил надежду, что следующее поколение вернется к лонгридам, к аргументированной и красивой журналистике, и, без сомнения, Конкурс ВЭО России будет этому способствовать. «Я расцениваю эту награду как оценку тех принципов, которыми много лет руководствуется журнал «Эксперт». Мы следуем заветам Готфрида Вильгельма Лейбница: «Прежде чем спорить, давайте считать». Хоть экономика и плохо осозаемая «вещь», мы стараемся считать

и аргументировать свои тезисы не только публицистически, но и прибегая к тем или иным выкладкам, поэтому наша публикация «Увязли в стабильности» насыщена графиками и числовыми аргументами», — подчеркнул он.

Третье место занял Владимир Кусков, корреспондент «МК-Урал» с публикацией «Свердловская металлургия: стагнация или развитие?». Владимир высказал надежду, что Конкурс будет стимулировать журналистское сообщество на всестороннее и комплексное освещение экономических процессов в стране. «Большая честь войти в число лауреатов Конкурса, уникального по набору тем: как мы видим из шорт-листа, здесь представлен самый широкий спектр — от реального сектора, банковской сферы и экономики предприятия до международной экономической повестки».

В номинации «Лучший телевизионный или радиосюжет» первое место досталось Полине Крикун, руководителю и ведущей программы «Энергетика» телеканала «Россия 24», за цикл программ «Энергетика». Второе место получил Александр Шишко, корреспондент программы «Жизнь в большом городе» телеканала «Москва-24», за репортаж «Долговая яма». Третье место было присуждено Марине Сафроновой, специальному корреспонденту телеканала «Мир Белогорья», за цикл программ «Прикладная экономика» и «Объясняем на пальцах». Учитывая большой интерес к Конкурсу со стороны российских журналистов и сотни работ, пришедших в Оргкомитет Конкурса со всей страны — от Благовещенска до Калининграда, Вольное экономическое общество России решило сделать Конкурс ежегодным.

На АБАЛКИНСКИХ ЧТЕНИЯХ НАГРАЖДЕНЫ ЧЛЕНЫ ВЭО РОССИИ

За особый вклад в деятельность Вольного экономического общества России, за активную социально-значимую деятельность, направленную на развитие и процветание Российской Федерации памятной юбилейной медалью «250 лет ВЭО России» и почетной грамотой ВЭО России награжден Герасимов Владимир Иванович — заведующий Отделом научного сотрудничества Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат филологических наук.

Памятная медаль «250 лет ВЭО России» учреждена к 250-летию Вольного экономического общества России и создана по образу и подобию юбилейной медали Михаила Кучкина, хранящейся в собрании Эрмитажа и выпущенной к 100-летию Императорского Вольного экономического общества, основанного в 1765 году указом императрицы Екатерины II.

Благодарностью ВЭО России награждена Махова Ольга Анатольевна — доцент кафедры статистики РЭУ имени Г. В. Плеханова, кандидат экономических наук.

Благодарностью ВЭО России награждена Садовникова Наталья Алексеевна — заведующая кафедрой статистики РЭУ имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор.

ДНИ РОЖДЕНИЯ

75
лет

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ДАВЫДОВ

Член Правления ВЭО России, член Координационного совета Международного союза экономистов, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей ибероамериканского мира, заместитель председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

РОДИЛСЯ 7 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА В МОСКВЕ

Владимир Михайлович еще в 1973 году в своей кандидатской поставил на первое место научно-технический прогресс и проблему высококвалифицированных кадров, тогда это было актуально для Латинской Америки, но в наше время экономисты не устают говорить о важности именно этой темы для России. В своей докторской диссертации ученый рассмотрел Латинскую Америку как периферию мирового капитализма, тогда такой подход был новым и мало изученным. Теперь же и Россию все чаще называют периферией мирового капитализма. С середины 90-х профессор Давыдов возглавляет Институт Латинской Америки РАН, с 2016-го — как научный руководитель. Профессор ВШЭ и РУДН, где возглавляет кафедры. Сейчас, кроме прочего, исследовательские интересы ученого направлены на изучение шансов Бразилии и Мексики пойти по инновационному пути развития экономики.

Президиум ВЭО России и редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Владимира Михайловича Давыдова с юбилеем.

70
лет

ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ РЯЗАНОВ

Член Президиума ВЭО России, член Совета публичного лектора ВЭО России, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д. э. н., профессор

РОДИЛСЯ 3 ЯНВАРЯ 1949 ГОДА В РЯЗЬКЕ

Окончил экономический факультет (1972 г.) и аспирантуру ЛГУ (1978 г.). Научно-преподавательскую деятельность посвятил своей альма-матер: с 1972 по 1989 гг. — преподаватель от ассистента до профессора экономфака. В 1989–1994 — декан экономического факультета. В сферу научных интересов Виктора Тимофеевича входят теория экономического развития России; политическая экономия; макроэкономические и институциональные проблемы современного экономического развития России. Этим темам посвящены книги профессора: Институциональный анализ и экономика России: учебник / Под ред. В. Т. Рязанова; Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб., Изд-во СПбГУ, 2009; (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., Экономика, и многие другие работы.

Президиум ВЭО России и редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Владимира Михайловича Давыдова с юбилеем.

70
лет

ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ КВИНТ

Заведующий кафедрой Финансовой стратегии Московской школы экономики (МШЭ) МГУ, д.э.н., профессор

Более 45 лет научной деятельности ученый посвятил созданию теории нового регионального экономического развития, теории формирующихся (возникающих) рынков. За эти исследования Владимир Львович получил широкое международное признание. Результатами исследований и научными консультациями профессора пользовались Совет Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания РФ, ООН, Всемирный Банк, Международный валютный фонд, крупнейшие юридические фирмы и другие авторитетные структуры.

Ученый является автором 71 книги и более 300 статей. Научные результаты его исследований опубликованы в нескольких десятках монографий, изданных в России, Великобритании, Польше и США. Монография «Управление научно-техническим прогрессом: региональный аспект» опубликована в 17 странах мира. В 2008 году одновременно в США и Великобритании вышла в свет книга «Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке», получившая широкое признание и принятая в качестве учебника несколькими университетами.

С 2007 года профессор Квинт возглавляет в МШЭ МГУ первую в России кафедру Финансовой стратегии.

Ученый награжден Орденом Почета, Орденом Дружбы, Почетной грамотой Совета Федерации, Золотой медалью Н. Кондратьева, орденом Почёта ПМР, а также научными наградами в России, Албании, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Казахстане, Киргизии, Словении, США, Украине.

Президиум ВЭО России и редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Владимира Львовича Квинта с юбилеем.

65
лет

ЮРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ РОСЛЯК

Вице-президент ВЭО России, председатель Наблюдательного Совета по планированию и бюджетированию деятельности ВЭО России, аудитор Счетной палаты Российской Федерации, заслуженный строитель РФ, признанный руководитель экономического и энергетического блоков в правительстве Москвы в 2000-ых годах, экс-сенатор от столицы.

РОДИЛСЯ 19 ЯНВАРЯ 1954 ГОДА

Сын гидростроителя, он с детства впитал романтику больших строек, переезжая с семьей с объекта на объект, и сам решил посвятить себя инженерной работе — закончил МИСИ им. Куйбышева по специальности «инженер-гидротехник». С 1979 работает в Мосгорисполкоме на разных инженерно-технических должностях. И с тех пор на многие десятилетия его карьера будет связана с Москвой. В 1986 году он стал зампредом исполкома Красногвардейского райсовета. Хозяйственные экономические способности позволили Юрию Витальевичу быстро продвинуться в этой области. В 1995 году Росляк уже — заместитель Премьера Правительства Москвы и возглавляет Департамент экономической политики и развития города. С 2003 года — первый заместитель мэра, руководитель комплекса экономической политики и развития Москвы. После назначения нового мэра Росляк был назначен в Совет Федерации, а с 2013 — аудитор Счетной палаты России. Политологи и эксперты, знакомые с ситуацией в Москве, называют Юрия Витальевича одним из самых сильных экономистов-практиков в столице.

Юрий Росляк отмечен многими наградами, в том числе «Орденом за заслуги перед Отечеством» III степени и «Орденом за заслуги перед Отечеством» IV степени.

Президиум ВЭО России и редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Владимира Михайловича Давыдова с юбилеем.

ФИНАНСОВОМУ УНИВЕРСИТЕТУ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ — 100 ЛЕТ!

Финансовый университет — практически ровесник Советской России, и это в данном случае — более, чем комплимент, поскольку финансовую политику 1920-ых годов во всем мире изучают как пример стремительного выхода из кризиса. История университета началась 31 октября 1918 года, когда на фоне разрушенной денежной системы Наркомфином был принят декрет об организации финансовых отделов при губернских и уездных исполкомах. Уже в марте 1919 г. при Наркомфине был открыт Московский финансово-экономический институт. Как ректор его организовал и возглавил видный интеллектуал и революционер Дмитрий Петрович Боголепов, заместитель Наркома финансов. До революции Боголепов был приват-доцентом в МГУ (защитился по финансовому праву) и преподавал банковское дело не только там, но и в других учебных заведениях — тогда на финансистов был дефицит. Первый набор нового вуза составил 280 человек, и институт стал первым в России специальным учебным заведением, готовящим финансовых служащих.

Пройдя через ряд реформ, преобразований и слияний, в 1946 институт стал называться Московским финансовым — именно так называлась альма-матер многих сегодняшних видных финансистов и экономистов. Тогда было четыре факультета: финансово-экономический, учётно-экономический, кредитно-экономический и международных экономических отношений, а чуть позднее — он военного факультета, на который была возложена задача подготовить специалистов для восстановления народного хозяйства.

В 1991 году вуз был преобразован в Государственную финансовую академию, а в 1992 году — в Финансовую академию при Правительстве Российской Федерации. В 2010 году Финансовой академии присвоен статус университета.

Сегодня Финансовый университет с 30 филиалами охватывает всю Россию — от Санкт-Петербурга до

Благовещенска, является крупным научно-образовательным и экспертно-аналитическим центром. Богатые традиции и новаторские учебные методики отличают Финансовый университет, который неизменно остается одним из лидеров отечественной высшей школы.

Среди выпускников университета — 9 министров финансов, 3 председателя госбанка страны, премьер-министр, члены правительства, государственные деятели, финансисты, предприниматели, учёные.

Слава и доброе имя университета связаны, конечно, и с выдающимися профессорско-преподавательским составом: здесь читали лекции известные ученые, создавшие свои научные школы и воспитавшие многие поколения учеников.

Достижения основателей университета сегодня продолжает слаженная ответственная команда высоких профессионалов, среди преподавателей есть заслуженные экономисты, известные государственные деятели, руководители банков, страховых и аудиторских компаний, крупных финансово-промышленных холдингов.

Банк России в канун юбилея университета выпустил в обращение памятную серебряную монету «100-летие Финансового университета» в знак уважения и признания заслуг вуза в развитии финансовой системы страны.

Вольное экономическое общество России, первый общественный институт гражданского общества страны, осуществляет свою деятельность в рамках долговременных партнерских отношений с Финансовым университетом.

Общероссийские проекты ВЭО России — Всероссийский экономический диктант, Фестиваль экономической науки, День экономиста, Всероссийское экономическое собрание и др. — проводятся при научном и творческом взаимодействии с Финансовым университетом.

Президиум ВЭО России и редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Финансовый университет с юбилеем.

80
лет

ВИКТОР АНТОНОВИЧ САДОВНИЧИЙ

Ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАН

**РОДИЛСЯ 3 АПРЕЛЯ 1939 ГОДА
В ПОСЕЛКЕ КРАСНОПАВЛОВКА
ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ, УССР**

Академик, выпускник сельской школы, после работы на шахте и окончания вечерней школы с отличием, имея особые успехи и стремление к изучению математики, по совету друга поступил на мехмат МГУ — один из ведущих в стране в области математики с самого основания университета. Университет Виктор Антонович окончил с отличием, досрочно окончил аспирантуру и после защиты остался ассистентом. В 1974 году Садовничий защитил докторскую «О некоторых вопросах теории обыкновенных дифференциальных уравнений, зависящих от спектрального параметра» и с 1975-го — профессор. С 1982 года и по сей день является заведующим кафедрой матанализа механико-математического факультета, то есть вся карьера ученого связана с университетом. 23 марта 1992 года избран ректором МГУ на альтернативной основе. Переизбирался в 1996-м, 2001-м и 2005 годах. В 2004-м Виктор Антонович был назван компанией Rambler «Человеком года» в номинации «Образование и наука» проекта «Люди года». Его барельеф установлен в ротонде главного здания рядом с другими выдающимися ректорами — академиками А. Н. Несмеяновым, И. Г. Петровским.

Президиум ВЭО России и редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить академика Виктора Антоновича Садовничего с юбилеем.

60
лет

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КЛЕПАЧ

Заместитель председателя (главный экономист) Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, член Правления ВЭО России

РОДИЛСЯ 4 МАРТА 1959 ГОДА В МОСКВЕ

Выпускник МГУ, Андрей Николаевич начал научную карьеру в альма-матер, а в 1990-х долгое время работал в Институте народного хозяйственного прогнозирования РАН, с которым сотрудничает и сейчас. Одновременно ученый начинает заниматься консалтингом и становится одним из наиболее авторитетных макроэкономических прогнозистов в стране. В 2004 году Андрей Николаевич возглавил департамент макроэкономического прогнозирования МЭРТ, а в 2008-м занял пост заместителя главы Министерства экономического развития и торговли РФ и покинул его по собственной просьбе в 2014 году, и с тех пор, будучи одним из ведущих макроэкономистов Внешэкономбанка, особенно активно участвует в работе Вольного экономического общества России.

Президиум ВЭО России и редакция журнала «Вольная экономика»

75
лет

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНО- ВИЧ ВОЕЙКОВ

Член Правления ВЭО России, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН, д.э.н., профессор

РОДИЛСЯ 30 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА

Михаил Илларионович является продолжателем дела политической экономии в России, где эта наука, изучаемая и используемая до

75
лет

ВЛАДИМИР ВАЛЕНТИ- НОВИЧ ОКРЕПИЛОВ

Генеральный директор Федерального бюджетного учреждения «Государственный региональный центр стандартизации, метрологии и испытаний в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области», академик РАН

РОДИЛСЯ 23 ФЕВРАЛЯ 1944 ГОДА В ЛЕНИНГРАДЕ

Владимир Валентинович после выпуска из Ленинградского механического института прошел все ступени инженерной карьеры, в 1979 году стал главным инженером НПО «ВНИИМ им. Д. И. Менделеева» — одного из крупнейших центров научной метрологии не только в России, но и в мире. С 1986-го — директор Ленинградского центра стандартизации и метрологии Госстандарта СССР. Свою кропотливую научную работу академик не оставлял и в самые сложные переходные годы. Блестящий ученый-экономист, академик Окрепилов основал новую важную область науки — экономику качества, которая основана на применении разработанных им инструментов управления качеством в обеспечении социально-экономического прогресса, повышения качества жизни.

Президиум ВЭО России и редакция журнала «Вольная экономика»

сих пор на Западе, была забыта за копированием зарубежных учений и часто лженаучными подходами новых мыслителей. Доктор наук с 1984 года, ученый много занимался проблемами трансформационной экономики, социально-экономической политики, социально-классовой структуры. Как заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН. Существенную роль профессор внес в популяризацию истинно научного подхода в экономических исследованиях, создал большой массив статей и книг.

Президиум ВЭО России и редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Михаила Илларионовича с юбилеем.

ХУДОЖНИК «ВЭ» ШУТИТ

В этот раз наш художник Александр Егоров проиллюстрировал некоторые клише или поразившие его сообщения из экономических программ российских каналов.

Рисунки: Александр Егоров

*Нефть рухнула и
потянула за собой
рынок.*

*Amazon начал
рассылать клиентам
бесплатные пакеты еды.*

*У банков
растет маржа!*

*Волатильность рубля бьет по
карманам россиян.*

*Эксперты Goldman Sachs
остаются медведями.*

*Алюминий является самым
привлекательным металлом с точки
зрения роста.*

ДОМ «Э»

Программа Вольного экономического общества России

На телеканале ОТР

ВЕДУЩИЙ ПРОГРАММЫ — СЕРГЕЙ БОДРУНОВ — Президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор ИНИР им. С.Ю.Витте, эксперт РАН, д.э.н., профессор:

«Когда мы говорим о каких-то сложных вопросах, мы часто, задумываясь, произносим произвольно «э-э», имея в виду, что это непростой вопрос. Когда речь идет об экономике, тем более российской, часто возникает ощущение, что не зря это слово начинается с буквы «э», потому что вопросов там, требующих осмысления, иногда больше, чем ответов. Поэтому, начиная цикл передач о российской экономике, мы не мудрствуя лукаво решили назвать его просто «Дом "Э"».

в числе тем программы:

- «Экономическое будущее России: на что делать ставку?»
- «Россия и Китай: партнерство или конкуренция?»
- «Страхование: что ждать от услуг отрасли?»
- «Четвертая промышленная революция: что у России в перспективе?»
- «Экономика и урбанистика»

ГОСТИ И ЭКСПЕРТЫ:

- **Александр Широв** — заместитель директора, заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, д. э. н., профессор.
 - **Сергей Глазьев** — вице-президент ВЭО России, советник Президента РФ, академик РАН.
 - **Борис Титов** — член правления ВЭО России, уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, председатель президиума Столыпинского клуба.
 - **Дмитрий Сорокин** — вице-президент ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН.
 - **Александр Некипелов** — вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН.
 - **Василий Богоявленский** — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН.
 - **Виктор Ивантер** — директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН.
 - **Александр Петриков** — член Президиума ВЭО России, врио директора Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени В.П. Никонова, академик РАН.
 - **Елена Чугуевская** — директор департамента стратегического и территориально-планирования Министерства экономического развития Российской Федерации.
 - **Евгений Ясин** — действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики, д. э. н.
 - **Руслан Гринберг** — научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН.
- И многие другие.

Смотрите «Дом "Э"»
на ОТР каждую субботу в 17:00

Институт нового
индустриального раз-
вития им. С. Ю. Витте

Вольное экономиче-
ское общество России
(ВЭО России)

Международный
союз экономистов
(МСЭ)

V САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СПЭК-2019)

«Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека»

Организатор СПЭК — Институт нового индустриального развития ИНИР имени С. Ю. Витте при поддержке Вольного экономического общества России, Международного союза экономистов.

Пленарная сессия Санкт-Петербургского международного экономического конгресса состоится в формате совместного заседания Конгресса, секции экономики Отделения общественных наук РАН и научного форума Вольного экономического общества России «Абалкинские чтения».

В мероприятии примут участие ведущие учёные и эксперты, представители органов государственной власти, администраций субъектов РФ, бизнес-сообщества.

Ход и итоги заседания освещаются генеральным партнером ВЭО России — ТАСС, телеканалом «Россия 24», Общественным телевидением России (ОТР), «Российской газетой», другими СМИ, в социальных медиа.

Для участия в Конгрессе необходимо пройти регистрацию на сайте ИНИР им. С. Ю. Витте по ссылке <https://inir.ru/reg/>

Место проведения: Конгресс-центр «Park Inn by Radisson Прибалтийская», г. Санкт-Петербург, ул. Кораблестроителей, д. 14.